

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Сборник научных трудов
Выпуск 2**

Москва 2017

ББК 66.4

П 78

Серия:
«Европа XXI век»

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел проблем европейской безопасности

Отдел Европы и Америки

Редакционная коллегия:

Т.Г. Пархалина – канд. ист. наук (гл. ред.),
О.Н. Новикова – канд. ист. наук, В.Н. Чернега – д-р юрид. наук,
Г.И. Кутырев – канд., полит. наук, Ф.О. Трунов –
канд. полит. наук

Ответственный за выпуск – Р.С. Хачатурова

Проблемы европейской безопасности: Сб. науч. тр. / РАН.
П 78 ИНИОН. Отд. Европ. безопасности, Отд. Европы и Америки; Ред.
кол. Т.Г. Пархалина (гл. ред.) и др. – М., 2017. – **Вып. 2: Проблемы
европейской безопасности = European Security Challenges** / Ред.-
сост. вып. Г.И. Кутырев, Ф.О. Трунов. – 208 с.
ISBN 978-5-248-00836-0

Анализируются различные аспекты взаимоотношений между Россией и США, Россией и странами Евросоюза в контексте сирийского кризиса. Рассматривается роль международных институтов (ООН, НАТО, ЕС) в процессе мирного урегулирования. Особое внимание уделяется перспективам взаимодействия России и Запада по отражению угрозы со стороны ИГ.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

The various aspects of the relationship between Russia and the United States, Russia and countries of the European Union in the context of the Syrian crisis are analyzed. The role of international institutions (UN, NATO, EU) in conflict transformation process examined. Particular attention is paid to the prospects of cooperation between Russia and the West to repel the threat posed by the ISIL.

For researchers, teachers, post-graduates, and students.

ББК 66.4

ISBN 978-5-248-00836-0

©ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
<i>Introduction</i>	5
В.Н. Чернега	
<i>V.N. Tchernega</i>	
Франция и сирийский кризис: Между желаемым и действительным	
<i>France and the Syrian Crisis: Between Desired and Actual</i>	9
Ф.О. Трунов	
<i>Ph.O. Trunov</i>	
Политика Германии по вопросу сирийского урегулирования	
<i>German Policy in the Resolution of the Syrian Conflict</i>	31
Д.В. Мальшев	
<i>D.V. Malyshev</i>	
Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии	
<i>The Syrian Crisis and the Threat of Radicalization in Central Asia</i>	66
О.Н. Новикова	
<i>O.N. Novikova</i>	
Женщины в ИГ	
<i>Women of IS</i>	103
А.А. Цуркан	
<i>A.A. Zurkan</i>	
Режим прекращения боевых действий в Сирии: Успехи и перспективы российско-американского сотрудничества	
<i>Syria's Cessation of Hostilities: Progress and Prospects for Russian-American Cooperation</i>	124
Г.И. Кутырев	
<i>G.I. Kutyrev</i>	
Позиция Италии в сирийском кризисе: Между Западом и Россией	
<i>Italian Position in the Syrian Crisis: Between the West and Russia</i>	145

Е.Б. Калоева

E.B. Kaloeva

Станут ли Балканы коридором для проникновения радикального ислама в Европу?

Will the Balkans be a Corridor for Radical Islamism Influx into Europe? 173

Л.Н. Шаншиева

L.N. Shanshieva

Немецкие эксперты о возможных сюрпризах во внешней политике России. (Реферативный обзор)

German Experts about Possible Surprises in Russian Foreign Policy.

(Review) 188

Сведения об авторах

About the authors 206

ВВЕДЕНИЕ

Со времен Карибского кризиса 1962 г. ни разу проблемы европейской и глобальной безопасности не были связаны с кризисом в регионе за пределами Европы, как это происходит в настоящее время в связи с ситуацией в Сирии.

По мере своего развития сирийский кризис, как казалось представителям российских элит, предоставлял России возможность заявить о себе не только как о региональной, но и как о глобальной державе. Так случилось в 2013 г., когда Россия, инициировав договоренности с США о вывозе и уничтожении сирийского химического оружия, предотвратила военную операцию США и ряда их союзников против режима Б. Асада. Так произошло и в сентябре 2015 г., когда Россия, начав операцию ВКС против террористических формирований на территории Сирии, продемонстрировала, во-первых, что она вернулась в регион в качестве одного из основных игроков, во-вторых, что она имеет реальные рычаги влияния на глобальную повестку. В определенном смысле позиция России в вопросе сирийского урегулирования, особенно на первом этапе после начала операции российских ВКС, явилась продолжением политики в Украине, когда Россия попыталась выйти из «украинской ловушки» через «сирийскую дверь»: без потери лица продемонстрировать свои военно-технические возможности, высвобождаясь из «украинского капкана».

Однако в тот момент Евросоюз и США очень четко продемонстрировали России, что Украина и Сирия – это два разных трека, что договоренности по Сирии не будут означать отмены санкций, объявленных в связи с Крымом и ситуацией на юго-востоке Украины, а также что Евроатлантика не собирается менять свои базовые подходы и принципы, связанные с функционированием

системы европейской безопасности. В 2016 г. дело дошло до отказа от сотрудничества и согласования действий по Сирии между Россией, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой.

Ястребы в политических и военных кругах России и стран Запада даже начали говорить об обмене ядерными ударами, что невозможно было представить в эпоху первой холодной войны после 1962 г.

В целом же, оценивая ситуацию, сложившуюся в сфере европейской и глобальной безопасности в связи с сирийским кризисом, приходится констатировать, что в определенном смысле Россия и Запад находятся между Берлинским кризисом 1961 г. и Карибским кризисом 1962 г., когда обе стороны вели игру без правил и не было понятно, чем закончится конфронтация – войной или переговорами.

К счастью, в прошлый раз у Н. Хрущева и Дж. Кеннеди хватило здравого смысла не ввергнуть мир в ядерный апокалипсис, отойти от опасной черты военного столкновения и начать переговоры по ограничению прежде всего ядерных вооружений. Чуть позже, после публикации доклада П. Армеля (в то время – министра иностранных дел Бельгии) в 1967 г. и после советского вторжения в Чехословакию в 1968 г., началась разрядка. Пьер Армель в своем докладе писал о необходимости опираться не только на политику сдерживания Советского Союза, но и начать развивать основы разрядки, т.е. переговоры, поиски компромиссов, договоренности в сфере разоружения, в гуманитарной сфере, экономическое сотрудничество и т.д. В конце 1960-х годов начались встречи, положившие начало Хельсинкскому процессу, который на том этапе завершился в 1975 г. подписанием 1 августа Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который изменил политический ландшафт нашего континента. Не будучи юридически обязывающим документом, он привел к тому, что оба блока вышли из парадигмы взаимного гарантированного уничтожения и перешли к более-менее цивилизованным отношениям, предполагающим учет интересов друг друга и определенные принципы взаимодействия в условиях мирного сосуществования двух систем.

Невольно возникает вопрос: а неужели нам нужен кризис, сравнимый с Карибским, чтобы обе стороны осознали необходи-

мость начала переговоров по разработке определенных правил игры, при осознании двух моментов: вторая Ялта невозможна, но и поражение России невозможно?

Развитие событий на Ближнем Востоке уже показало, что наличие общего врага (ИГ) и борьба с ним не приведут неизбежно к примирению России и Запада, цели которых различны, хотя и у тех и у других присутствует составляющая борьбы с международным терроризмом. Для России с самого начала кризиса в Сирии ситуация складывалась очень сложным образом. Она не могла не прореагировать на действия ИГ, ибо в этом случае «Исламское государство» уже было бы на российском Северном Кавказе, к тому же позиция противодействия ИГ и поддержка режима Асада давали России реальную возможность заявить себя в качестве серьезного игрока не только в регионе, но и в мире в целом, продемонстрировав в то же время возможности российской военной техники («калибры», стратегические крылатые ракеты Х-101 и т.д.). В то же время нельзя не понимать, что Россия отныне втянута (может быть, даже помимо воли разработчиков данной внешнеполитической линии) в долгосрочный конфликт, сравнимый с афганским, с непредсказуемыми для РФ последствиями.

Судя по развитию событий на Ближнем Востоке (Алеппо, Мосул), Россия и Запад, Россия и США в ближайшее время будут существовать в условиях конфронтации или гибридной холодной войны, характеризующейся рядом признаков холодной войны 1950–1980-х годов прошлого столетия. Среди них: военно-политическое сдерживание друг друга, экономические войны, ценностное противостояние, конфронтация в различных регионах мира.

Однако понятно, что уже сейчас, по крайней мере на экспертном уровне, следует приступить к разработке основ новой разрядки, которая, хочется надеяться, начнется не тогда, когда обе стороны подойдут к красной черте взаимного гарантированного уничтожения. Представляется, что новая разрядка должна начинаться с разработки мер доверия и инициатив в сфере разоружения, которые могут создать основу для выхода на решения в сфере контроля над вооружениями, и связанных с расширением экономического сотрудничества совместных инициатив в гуманитарной области.

Результаты выборов в США и победа Д. Трампа, без сомнения, повлияют как на ход сирийского кризиса, так и на состояние системы европейской безопасности. Данный сборник сдается в производство в конце ноября 2016 г., когда еще неясны контуры и состав новой американской администрации. Но Трамп знает, что у ЕС есть и деньги, и технологии для развития собственных вооруженных сил. Поэтому нельзя исключить, что во второй раз после конца 1940-х годов, когда при создании НАТО именно европейцам пришлось убеждать США отказаться от изоляционистских тенденций, распространенных среди американского истеблишмента после Второй мировой войны, европейским политикам и дипломатам придется использовать все свое искусство для убеждения Трампа в том, что трансатлантические связи и солидарность являются основами безопасности Запада. Однако очевидно, что европейцам более не удастся уклоняться от увеличения расходов на собственную оборону до пресловутых 2% ВВП, о чем говорил еще Б. Обама в начале своего первого срока.

Пока можно только констатировать, что существует возможность каких-то договоренностей между Д. Трампом и В. Путиным по ряду вопросов, в том числе по сирийскому урегулированию. В то же время позиция избранного президента явно ударяет по единству Запада в сирийском и украинском кризисах. Нельзя вместе с тем исключить, что со вступлением в должность 20 января 2017 г. новый американский президент изменит не только риторику, но и смысловую нагрузку ряда своих заявлений.

Представляется, что российским элитам не следует поддаваться искушению «трампомании», поскольку Д. Трамп – хоть и не обычный, не системный республиканец, но все-таки республиканец. А с ними как бывший СССР, так затем и Россия начинали хорошо, а заканчивали плохо. России сейчас, более чем когда бы то ни было, необходимы трезвый взгляд и трезвый расчет, демонстрирующие понимание того, что нам прежде всего необходимо укреплять отношения с Европой и что вряд ли получится договориться с Вашингтоном, игнорируя мнение европейских столиц, демонстрируя им возможности так сказать «большой сделки» с США.

Т.Г. Пархалина

В.Н. ЧЕРНЕГА

**ФРАНЦИЯ И СИРИЙСКИЙ КРИЗИС:
МЕЖДУ ЖЕЛАЕНЫМ И РЕАЛЬНОНЫМ**

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция связей между Францией и Сирией с 1920-х годов XX в. Особое внимание уделяется французской позиции по нынешнему сирийскому кризису. Анализируются причины, побудившие Париж резко ужесточить свой курс в отношении режима Б. Асада в последние годы, а также ситуация, в которой оказалась французская дипломатия в результате этой политики. В данном контексте рассматриваются также различные аспекты франко-русских взаимоотношений.*

***Abstract.** The article considers the evolution of ties between France and Syria since of 1920-s the XX century. A particular attention is paid to French position on the current Syrian crisis. The reasons which prompted Paris in the last years to tighten its course towards the Bashar al-Assad regime as well as the situation, in which French diplomacy happened to become, as a result of this policy, are analized. In this context, some aspects of French-Russian relationships also are addressed.*

***Ключевые слова:** внешняя политика Франции, сирийский кризис, эволюция, ужесточение курса, взаимоотношения с РФ.*

***Keywords:** French foreign policy, Syrian crisis, evolution, course tightening, French-Russian relations.*

Франко-сирийские связи насчитывают много десятилетий. После Первой мировой войны Франция получила по Севрскому договору мандат на управление территориями, большую часть которых составляет сегодня государство Сирийская Арабская Республика. Именно Франция создавала здесь новую местную госу-

дарственную администрацию, а позже и армию, она формировала новую местную элиту. Вместе с тем Франция, как было предусмотрено указанным мандатом, обеспечила получение Сирией независимости. Еще в 1926 г. в ней была принята Конституция, предусматривавшая создание институтов президентства и парламента. И действительно, в 1928 г. под надзором французской администрации был избран первый парламент, а в 1936 г. – первый президент страны Х. аль-Атасси [Carpentier, Lebrun, 1987, p. 328].

Осенью 1940 г. французская администрация в Сирии признала верховенство режима Ф. Пэтена. Однако уже в июне-июле 1941 г. над Сирией в результате военных действий был установлен контроль «Свободной Франции», руководимой генералом Ш. Де Голлем. Тем самым она была выведена из-под административного управления коллаборационистского режима Виши, что имело большую стратегическую важность в свете попыток нацистской Германии утвердить свое влияние в Ираке. Уже 27 сентября 1941 г. «Свободная Франция» признала независимость страны. В апреле 1946 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН французские войска окончательно покинули ее территорию. Но стратегическое положение страны в регионе Ближнего и Среднего Востока с тех пор обеспечивало ей повышенное внимание французской дипломатии.

Именно в 1940-е годы формировалась сирийская армия. Тогда же было заложено преобладание в ее офицерском корпусе представителей алавитского меньшинства, составлявшего в разные периоды не более 10–12% населения. Как указывает французский арабист Ф. Пишон, алавиты, населявшие бедные горные районы, охотнее, чем сунниты, шли на службу в создававшиеся французами на основе призыва сирийские военные части, да и денег, чтобы откупиться от службы, у них обычно не было. Французские же чиновники благожелательно относились к военным-алавитам, поскольку видели в них определенный противовес суннитскому большинству, которому не доверяли [Pichon, 2015, p. 26]. Позже, в 1970 г., это позволило представителю этого меньшинства Х. Асаду взять в свои руки власть в результате государственного переворота.

Политика Франции способствовала также тому, что в Сирии при сохранении важности исламской религии постепенно складывался все более светский режим. Эта тенденция сохранилась и после ухода французов. До недавнего времени ислам в стране не имел воинствующего характера. «Благодаря прежде всего торговле и путешествиям Сирия была открыта другим религиям, сирийцы постоянно общались с жителями других стран, знакомились с их культурой, передавали им мирным путем свою культуру» [Slavovitch, 2016, p. 34].

После обретения Сирией независимости на ее отношения с Францией повлияли, с одной стороны, события холодной войны, с другой – «Суэцкий кризис» (1956) и арабо-израильские войны. СССР уже в 1944 г. установил дипломатические отношения с сирийским государством, он сыграл активную роль в принятии ООН указанной выше резолюции. Сирия, со своей стороны, отказалась вступить в блок СЕНТО («Багдадский пакт»), созданный США и Великобританией в 1955 г. и направленный против СССР. В свою очередь, Советский Союз в 1956 г. начал поставки в дружественную Сирию вооружений и военной техники. В 1957 г. СССР заключил с ней выгодное для сирийской стороны соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Кульминацией этого сотрудничества явилось строительство с помощью СССР в 1968–1973 гг. крупнейшей в стране ГЭС Табка на р. Евфрат [Ibid., p. 60].

Франция не участвовала ни в создании СЕНТО, ни в работе его структур. В то же время сближение Сирии с СССР воспринималось ею негативно, что не способствовало налаживанию франко-сирийского сотрудничества. Однако самый большой удар по связям двух стран нанес «Суэцкий кризис». Попытка Франции, Великобритании и Израиля осуществить военную интервенцию в дружественный Сирии Египет с целью денационализации Суэцкого канала (1956) вызвала крайне негативную реакцию Дамаска, который разорвал дипломатические отношения со всеми тремя указанными государствами. С Францией они были возобновлены лишь в 1961 г. Это позволило ей в какой-то мере восстановить свое присутствие на сирийской земле, особенно в сфере образования. Многочисленные специалисты из Франции преподавали в школах и универ-

ситетах, французский язык вновь вышел на ведущие позиции среди изучавшихся в стране иностранных языков. Значительное число сирийских студентов обучались во французских университетах.

Однако стратегического перелома в отношениях не произошло. Хотя Сирия была заинтересована в сотрудничестве с Францией, ее главным стратегическим партнером оставался СССР. Потребность во взаимодействии с ним, особенно в военно-технической области, стала для Сирии жизненной необходимостью после поражений в войнах с Израилем в 1967 и 1973 гг., а также после «примирения» Израиля с ее главным военным союзником в регионе – Египтом (Кэмп-Дэвидские соглашения (1978)).

Взаимодействие с Францией несколько оживилось в связи с гражданской войной в Ливане. Париж поддержал ввод сирийских войск в эту страну в 1976 г., надеясь, что они быстро стабилизируют ситуацию, а затем будут выведены. «Медовый месяц», однако, длился недолго. Для французской дипломатии стали неприятным сюрпризом попытки сирийцев, мечтавших о «Великой Сирии», установить полный контроль над Ливаном, который рассматривался Францией как своего рода «ворота» для проникновения в регион. Еще более обострило отношения двух стран убийство в Бейруте в сентябре 1981 г. французского посла в Ливане Л. Деламара, которое, по мнению французских властей, было делом сирийских спецслужб. В отместку французские спецслужбы осуществили руками организации «Братья-мусульмане» взрыв у штаб-квартиры партии БААС в Дамаске, повлекший гибель 175 человек [Malbrunot, Chesnot, 2014, p. 116].

Пытаясь ослабить напряженность и найти компромисс по «ливанской проблеме», президент Ф. Миттеран нанес визит в Сирию в сентябре 1984 г., несмотря на критику французских СМИ, которые обвиняли режим Х. Асада в «резне населения» при подавлении исламистского восстания в городе Хама в 1982 г. Как позже писала газета «Монд», французские интересы в Ливане оказались важнее; кроме того, Ф. Миттеран не желал навлечь на себя подозрения в поддержке «Братьев-мусульман», организовавших восстание [Larrouturou, 2011]. Но визит не принес ожидаемых результа-

тов, поскольку сирийское руководство считало контроль над Ливаном своим стратегическим приоритетом.

В 1990-е годы, после прекращения существования СССР, приведшего к значительному сокращению сотрудничества Москвы и Дамаска, между Францией и Сирией все же произошла определенная «оттепель». В октябре 1996 г. президент Ж. Ширак побывал с визитом в Дамаске. Он сделал попытку «разменять» Ливан на поддержку Сирии в вопросе возвращения ей оккупированных Израилем Голанских высот в соответствии с принципом «мир в обмен на территории» [Haski, 1996]. Кроме того, воспользовавшись тем, что в 1994 г. страны Запада отменили эмбарго на поставки в Сирию вооружений, введенного в 1973 г., официальный Париж даже открыл дверь для военно-технического сотрудничества. В числе других накануне президентского визита прорабатывался, например, вопрос о продаже Сирии современных самолетов «Мираж-2000». Однако на практике все свелось к поставкам двух вертолетов «Дофэн» и системы закрытой связи для сирийского правительства [Malbrunot, Chesnot, 2014, p. 247]. Не была успешной и политическая комбинация с «разменом».

Сама Сирия в это время прилагала усилия к возобновлению сотрудничества с Россией, постепенно активизировавшей свою политику на этом направлении. Этому содействовала созданная в 1994 г. российско-сирийская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Начали осуществляться, в частности, проекты в области атомной энергетики, возобновились и поставки вооружений, в том числе самолетов, вертолетов, танков, систем ПВО. Новый импульс сотрудничеству придали договоренности 2004–2006 гг., в соответствии с которыми, с одной стороны, была урегулирована проблема задолженности Сирии перед РФ, с другой – создан новый орган сотрудничества – Российско-сирийский деловой совет [Slavoutich, 2016, p. 65].

Одновременно Дамаск попытался также улучшить отношения с США. После террористической атаки на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. сирийские спецслужбы начали сотрудничать с ЦРУ, передавая, в частности, последнему информацию о дея-

тельности «Аль-Каиды». Однако это сотрудничество быстро сошло на нет после вторжения «коалиции желающих» во главе с США в Ирак в 2003 г., что побудило Дамаск, который опасался, что Сирия теперь «на очереди», усилить связи с Ираном. К тому же США вскоре начали обвинять сирийские власти в том, что они не прилагают достаточных усилий, чтобы в Ирак не попадали с сирийской территории оружие и боевики, воюющие с оккупационными силами. В 2005 г., по инициативе президента Дж. Буша, американский Конгресс даже включил Сирию в число стран «оси зла», куда первоначально, в 2002 г., США занесли Иран, КНДР и Ирак.

Франция, которая вместе с Германией и Россией выступила против американской интервенции в Ираке [Трунов, 2015], оказалась в двойственной ситуации. Объективно в иракском вопросе ее интересы какое-то время совпадали с интересами Сирии. В то же время она была все больше обеспокоена сближением последней с Ираном, который Запад обвинял в стремлении обзавестись ядерным оружием. Франция вместе с США прилагала также все усилия, чтобы изгнать сирийцев из Ливана. В сентябре 2004 г. они сумели продвинуть в Совете Безопасности ООН резолюцию № 1559, в которой содержалось требование «вывести из страны все остающиеся иностранные силы», т.е. на деле сирийский военный контингент [Резолюция 1559., 2004].

Воспользовавшись гибелью в результате террористического акта в феврале 2005 г. бывшего премьер-министра Ливана Т. Харири, США и Франция немедленно обвинили в организации его убийства Сирию и начали мощную информационно-пропагандистскую кампанию с требованием немедленного вывода сирийских войск. В конечном счете Дамаск был вынужден сделать это уже в апреле того же года. Франко-сирийские отношения остались напряженными, ибо Дамаск продолжал поддерживать в Ливане проиранскую организацию «Хизбалла». Он занимал также благожелательную позицию в отношении ядерной программы Ирана, в то время как Франция была одним из самых ярых противников. Кроме того, как писала французская пресса, негативную роль сыграл и личностный фактор – Ж. Ширак, имевший тесные

связи с Т. Харири и остро воспринявший его гибель, решил заморозить все контакты с Сирией на высшем уровне [Jauvert, 2011].

Новую попытку наладить более конструктивные отношения с сирийским руководством Париж сделал лишь после избрания в 2008 г. президентом Франции Н. Саркози (которого французская пресса обвиняла в личных связях с Б. Асадом) [Ibid.]. К этому стремились и деловые круги Франции, проявлявшие интерес к политике экономической либерализации, осуществляемой режимом Б. Асада. Сирийский лидер был приглашен на саммит Средиземноморского союза (Союз для Средиземноморья), организованный по инициативе Н. Саркози в июле 2008 г. в Париже. Президент Сирии даже удостоился чести быть главным иностранным гостем на традиционном параде 14 июля в день взятия Бастилии. Приглашению его на саммит, кстати, как отмечает упоминавшийся выше французский арабист Ф. Пишон, активно содействовал Катар, который был особенно обеспокоен сближением Дамаска и Тегерана [Pichon, 2015, p. 37].

В сентябре того же года Н. Саркози нанес ответный визит в Дамаск. Однако попытка сближения вновь натолкнулась на непреклонную позицию Сирии по проблеме ядерной программы Ирана. В связи с этим стоит напомнить, что Дамаск также развивал свою ядерную программу и что его ядерные объекты дважды – в июне 1981 г. и в сентябре 2007 г. – подвергались ударам израильской авиации. В интервью французскому телевидению накануне приезда французского президента Б. Асад подтвердил, что Иран «имеет право развивать мирную ядерную энергетику». Он отказался также прекратить поддержку проиранской организации «Хизбалла» в Ливане [Syrie: Le pari..., 2008]. Несколько заключенных экономических контрактов, главным образом в сфере общественного транспорта, не изменили общей тенденции. Да и совместный товарооборот двух стран остался низким: в 2010 г., например, он составлял всего 405 млн евро. Сирия занимала 33-е место в списке экспортеров во Францию [Bruno (son site)..., 2016]. Эта попытка наладить отношения стала последней.

Уже в 2011 г. Франция оказалась в стане злейших врагов сирийского режима. На поверхности главной причиной был его авторитарный и репрессивный характер, проявившийся наглядным образом в ходе гражданской войны, которая вспыхнула в стране в марте 2011 г. Именно так объясняли «сирийский разворот» и официальный Париж, и большинство французских СМИ.

Конечно, совсем сбрасывать со счетов это объяснение нельзя. Внешняя политика Франции, как и в целом Запада, после крушения главного идеологического противника – коммунистической системы становилась все более идеологизированной. Фетишизация «ценностей демократии и прав человека», превращение их в своего рода «светскую религию» затронули даже такую высокопрофессиональную сферу, как дипломатия. Автору этих строк, в прошлом карьерному дипломату, приходилось сталкиваться с этим неоднократно.

Вместе с тем преувеличивать этот фактор тоже не стоит. Для внешней политики Франции, как и других западных государств, в целом характерен «выборочный» подход к проблемам демократии и прав человека. Они обычно приобретают «принципиальное значение» тогда, когда этого требуют вполне прагматические интересы. Французские исследователи Ж. Мальбрюно и Кристиан Шено, опубликовавшие в 2014 г. книгу «Дорога в Дамаск: Черное досье франко-сирийских отношений», указывают, например, что, когда руководители Франции пытались склонить Сирию на свою сторону, они были прекрасно осведомлены о характере существующего в ней режима, но были готовы закрыть на это глаза [Malbrunot, Chesnot, 2014, p. 82].

Существовали и другие глубинные факторы, которые все более предопределяли негативное отношение Парижа к Б. Асаду. В геоэкономическом и геополитическом планах следует упомянуть прежде всего усилившуюся ориентацию французского мультинационального капитала и политического истеблишмента на государства Персидского залива, особенно на Катар, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты. Открытие в 2009 г. в ОАЭ, несмотря на финансовый кризис, крупной французской военной базы (точнее, трех баз – ВМФ, ВВС и сухопутных сил) яви-

лось военно-стратегическим выражением этой тенденции [Lasserre, 2009].

В секторе энергетических ресурсов французские компании особенно привлекали огромные запасы достаточно дешевого газа в Катаре. Как отмечает Ф. Пишон, доступ к ним, помимо прочего, позволял ослабить зависимость европейских потребителей от российского газа, что сулило возможным проектам на этот счет поддержку США и их европейских союзников [Pichon, 2015, p. 116]. Но поскольку наиболее быстрый путь его доставки во Францию и в целом в Европу проходил через Сирию, необходимо было обеспечить установление в этой стране «удобного», прозападного режима.

Помимо нефтегазового сектора французские компании были привлечены перспективой заключения гигантских контрактов на поставки в Катар и Саудовскую Аравию вооружений и на участие в модернизации их инфраструктуры. Лишь один Катар, формально в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу 2022 г., запланировал истратить на эти цели 170 млрд евро. В свою очередь, сам эмират уже инвестировал во Францию в 2007–2012 гг. более 13 млрд евро [Ibid., p. 92–93].

Не меньшие, а подчас и большие суммы сулила и «дружба» с Саудовской Аравией. Последняя, встревоженная ослаблением интереса к себе США, в частности из-за «сланцевой революции», проявляла большую заинтересованность в диверсификации своих геополитических и геоэкономических связей и зарубежных инвестиций и также была готова вкладывать значительные средства во Францию. Стоит упомянуть также, что в 2000-е годы в Сирии Саудовская Аравия, пользуясь экономической либерализацией, проводимой Б. Асадом, вела активную инвестиционную политику, прежде всего в сфере недвижимости. Но одновременно она создавала в стране инфраструктуру для распространения салафизма – радикального исламского течения. Ни светский режим Б. Асада, ни тем более его ориентация на шиитский Иран Саудовскую Аравию, как и Катар, абсолютно не устраивали.

Определенную роль в ужесточении сирийского курса Франции сыграло также стремление Парижа улучшить отношения с США. Этого требовали влиятельные французские круги, встрево-

женные их охлаждением в связи с отказом Ж. Ширака поддержать американское вторжение в Ирак. В 2009 г. Н. Саркози вернул Францию в интегрированное военное командование НАТО (Франция была выведена из него президентом Ш. де Голлем в 1966 г.). Хотя это решение было продиктовано прежде всего внутренними причинами [Махмутова, 2013, с. 10], но в то же время это был крупный шаг навстречу Соединенным Штатам. Конфронтация с сирийским режимом создавала новое поле для активного сотрудничества с США, которые, как отмечено выше, причислили Сирию к «оси зла».

Непосредственное влияние на политику Франции в отношении режима Б. Асада оказала так называемая «арабская весна» в ряде стран Магриба. Волнения в Тунисе и Египте застали французскую дипломатию врасплох, ведь Париж поддерживал самые прекрасные отношения с существовавшими в них режимами, в том числе – в военно-технической области. В результате он долго не мог определиться со своей позицией, что вызвало критику французских СМИ и большей части политических кругов, особенно левой оппозиции. Это сыграло свою роль в том, что Франция приняла самое активное участие в военной интервенции в Ливию (в коалиции, состоявшей в основном из государств НАТО), которая началась в марте 2011 г. Коалиция, как известно, должна была действовать на основе резолюции № 1973 СБ ООН, разрешившей военное вмешательство (установление бесполетной зоны), но без ввода оккупационных сил, с целью защиты мирного населения от действий сил режима М. Каддафи [Резолюция 1973., 2011]. Этот мандат был, однако, превзойден. Военное вмешательство коалиции во главе с Францией и Великобританией завершилось свержением режима.

Участие Франции в ливийской операции всячески приветствовалось левой оппозицией, многими политиками правительственного большинства в парламенте, правозащитниками и почти всеми основными СМИ страны. Успех интервенции вдохновил их. Неудивительно, что, после того как в марте 2011 г. вспыхнуло восстание в сирийском городе Дараа, положившее начало гражданской войне, эти же силы, сразу начавшие представлять события исключительно в духе «кровавый тиран истребляет собственный народ, борющийся за свободу», вскоре стали требовать вмеша-

ства в Сирии с целью свержения режима Б Асада. Они считали, что с ним можно будет покончить так же быстро, как и с М. Каддафи. В пользу интервенции высказывались также многие французские дипломаты [Syrie: Nicolas Sarkozy., 2011].

Франция действительно сразу же вовлеклась в этот конфликт, начав осуществлять поставки вооружений группировкам оппозиции (главным образом через Катар), а затем направив для «технической помощи» им инструкторов и советников. Некоторые из них даже погибли в боях, а около 30 человек в 2011 г. были захвачены в плен сирийскими правительственными войсками. Как позже сообщала французская пресса, перед президентскими выборами во Франции в мае 2012 г. они были «тихо» возвращены французской стороне [Hureauux, 2015].

Сразу после начала волнений в Сирии в 2011 г., по указанию президента Н. Саркози, французскому представителю в СБ ООН были направлены инструкции добиваться принятия самых жестких резолюций в отношении сирийского режима [Syrie: Nicolas Sarkozy., 2011]. В ноябре 2011 г. Париж признал в качестве органа, «представляющего сирийский народ», Сирийский национальный совет (СНС), который был официально образован месяцем ранее в Стамбуле. В марте 2012 г. Франция закрыла свое посольство в Дамаске, а в ноябре 2012 г. (уже при президенте Ф. Олланде), когда в столице Катара Дохе была сформирована Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил (куда вошел и СНС), было объявлено об открытии ее «посольства» в Париже.

В то же время Н. Саркози, несмотря на отмеченное выше давление, в том числе со стороны ряда деятелей его партии Союз за народное движение, и заявления министра иностранных дел А. Жюппе о том, что «режим Б. Асада не продержится и нескольких дней», проявил определенную осторожность в вопросе прямого военного вмешательства. Он изменил свою позицию лишь после ухода с президентского поста. В августе 2012 г. он также высказался за военную интервенцию. Однако, как писал еженедельник «Пуэн», близкий к правым силам, он сделал это по внутривластным причинам, главным образом для того, чтобы не выглядеть «слишком мягкотелым» по сравнению с новым президентом Ф. Олландом.

дом. Этот еженедельник, стоит это подчеркнуть, оказался в числе редких французских СМИ, которые призывали воздержаться от военной операции [Duteil, 2012].

Напротив, на экспертном уровне мнение о необходимости придерживаться осторожной линии в отношении военного вмешательства преобладало. Специалист по вопросам геополитики Ф. Энсель, преподающий в Парижской высшей школе политических наук (Sciences Po), указывал, например, что в Сирии, в отличие от Ливии, отсутствуют условия для проведения быстрой и успешной военной операции. Помимо наличия в Сирии значительно более боеспособной и в целом верной режиму армии и поддержки последнего значительной частью общества он отмечал также опасность возникновения регионального конфликта (между Ираном и Сирией, с одной стороны, и Турцией, Саудовской Аравией и Катаром – с другой), а также возможность выступления на стороне режима России. Кроме того, из-за позиции России и Китая не было никаких шансов получить «зеленый свет» на такую операцию со стороны СБ ООН [Encel, 2013, p. 42–43].

Другой французский специалист по геополитике, директор Института международных и стратегических отношений П. Бонифас подчеркивал, что для успеха операции потребовалось бы вовлечение сухопутных сил, в частности США. Но после неудачной в стратегическом плане интервенции в Ираке (2003), приведшей, помимо прочего, к усилению позиций Ирана в этой стране и в регионе в целом, администрация США явно не желала оказаться вовлеченной в еще одну сомнительную военную авантюру [Boniface, 2011, p. 82–83].

Ф. Пишон, со своей стороны, обращал внимание на то, что государственные, в том числе военные, структуры Сирии построены на «кланово-клиентских отношениях» и поэтому отстранение от власти клана Б. Асада создало бы «вакуум государства», который, скорее всего, заполнила бы исламистская оппозиция. Это, в свою очередь, повлекло бы крайне опасные последствия для основных этнических и религиозных меньшинств, в частности алавитов, христиан, в том числе армян и курдов. Соответственно, им просто не оставалось ничего другого, кроме как поддерживать режим или,

как в случае с курдами, воевать с его противниками [Pichon, 2015, p. 104].

В целом, однако, французский истеблишмент выступал за вмешательство. Ф. Олланд, который, находясь в оппозиции, занимал жесткую позицию в этом вопросе, после своего избрания на пост президента в мае 2012 г. еще ужесточил ее. Он неоднократно подчеркивал, в том числе на Генеральной Ассамблее ООН, что решение сирийского кризиса непременно требует отстранения Б. Асада от власти. Еще дальше пошел министр иностранных дел Л. Фабиус, заявивший в одном из своих выступлений в 2012 г., что «Асад не заслуживает того, чтобы жить на этой земле» [Hugaux, 2015].

Приход к власти Ф. Олланда придал новый импульс уже упоминавшейся идеологизации внешней политики Франции. Исторически сложилось так, что именно социалисты всегда наиболее активно апеллировали в своей риторике к «ценностям демократии и прав человека». Неудивительно, что при новом президенте среди дипломатов, занимавшихся сирийской и в целом ближневосточной проблематикой, стало меньше профессионалов-арабистов и больше политических активистов [Pichon, 2015, p. 13].

К этому следует присовокупить крайне тенденциозное освещение сирийского кризиса французскими СМИ [Долгов, 2014]. Ф. Пишон посвятил отдельный раздел в своей книге «Сирия: Почему Запад ошибся» тому, как они манипулировали французским общественным мнением. Французские СМИ практически проигнорировали, например, тот факт, что Б. Асад – несомненно, типичный восточный авторитарный правитель – все же пытался урегулировать мирным путем уже упоминавшийся конфликт в городе Дараа. Он, как известно, вспыхнул из-за жестокости полиции в отношении нескольких подростков, которые были задержаны за то, что рисовали на стенах антиправительственные лозунги. В числе принятых Б. Асадом мер – арест ответственных за это полицейских чинов, увольнение губернатора соответствующей провинции, отставка правительства Сирии, а также отмена чрезвычайного положения в стране, действовавшего с 1963 г.

Но данные меры не смогли разрядить ситуацию, поскольку, как подчеркивает Ф. Пишон, начавшиеся вскоре вооруженные выступления оппозиции отнюдь не были спонтанными. К моменту начала волнений уже были накоплены запасы оружия и боеприпасов (главным образом с помощью Саудовской Аравии и Катара), созданы соответствующие организационные структуры. Большую роль в мобилизации вооруженной оппозиции сыграл известный телевизионный канал «Аль-Джазира», базирующийся в Катаре [Pichon, 2015, p. 44].

Дальнейшие события французские СМИ освещали исключительно в соответствии с упоминавшейся выше установкой «кровавый тиран истребляет собственный народ, борющийся за свободу». Стремясь обеспечить легитимизацию иностранного вмешательства, они делали акцент на том, что под контролем режима Б. Асада после начала гражданской войны осталось лишь около трети территории страны. При этом умалчивалось, что на этой территории проживает почти 60% населения. Стоит заметить также, что эти же СМИ почти не уделили внимания подавлению Саудовской Аравией в марте 2011 г. восстания шиитского большинства населения против власти суннитской династии на Бахрейне.

Все это привело к упрощенному восприятию французским истеблишментом ситуации в Сирии, к игнорированию чрезвычайной сложности сирийского общества, в частности его этнической, религиозной и социальной «мозаичности», роли в нем клановых, а в ряде районов – и племенных структур.

Идеологическое самоослепление, механическое применение к стране с совершенно иным укладом жизни стереотипов западной системы помешало увидеть то, что основная роль в борьбе за Сирию сразу же перешла к группировкам исламистов-суннитов, одни из которых поддерживались Катаром или Саудовской Аравией, другие – Турцией. Именно к ним, в основном, и попадало оружие, поставляемое Францией и другими западными странами. Многие из этих группировок очень скоро оказались в составе или под эги-

дой новоявленного «Исламского государства Ирака и Леванта»¹ (ИГИЛ). Вскоре в состав его отрядов стали вливаться добровольцы, главным образом из стран Магриба и Европы (в том числе из Франции), из которых начали составляться «интернациональные бригады», как в свое время в Испании.

СМИ Франции, кстати, понадобилось больше года, чтобы «открыть» эти реалии. Но даже после этого они продолжали преувеличивать роль «демократической светской оппозиции» и «сирийской свободной армии», хотя большинство французских экспертов считали, как автор мог убедиться, следя за телевизионными дебатами в стране, что эти структуры носят скорее «фантомный характер».

В результате подобного самоослепления Франция оказалась в конечном счете не только самой воинственной среди стран Запада в плане риторики, она попыталась стать инициатором авиационных ударов по сирийской правительственной армии, с тем чтобы обеспечить победу оппозиционным силам. Даже решение парламента Великобритании в августе 2013 г. воздержаться от участия в такой операции и явное прохладное отношение к ней Вашингтона не остудили этот пыл. Как пишет французский публицист Р. Юро, Ф. Олланд грубо ошибся в своих расчетах, не сумев вовремя понять нежелание президента Б. Обамы ввязываться в открытую войну с режимом Б. Асада, которая, как становилось все яснее, могла привести к власти исламистские силы [Hureau, 2015]. В результате воинственность французского президента начала даже казаться несколько смешной. Ведь без США и Великобритании Франция предпринять ничего не могла.

Между тем с течением времени стало ясно, что хотя режим Б. Асада ослабел, но явно ничто не предвещало его скорого «падения» и его по-прежнему поддерживала значительная часть населения страны. Кроме того, усиление ИГ, захват им значительных

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация. С 2014 г. «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) было переименовано его лидерами в «Исламское государство» (ИГ), что свидетельствовало о глобальных устремлениях террористов, стремившихся построить «халифат» с гомогенным суннитским населением. – *Прим. ред.-сост.*

территорий в Ираке и Сирии вынуждали переключиться на угрозу, которое это «государство» несло не только региону, но и всему цивилизованному человечеству. В конечном счете, Ф. Олланд начал заявлять, что политика Франции должна строиться по принципу «ни Асада, ни ИГ» и что любая иностранная интервенция в Сирии требует мандата ООН [Hureauux, 2015].

С сентября 2014 г. французские ВВС начали участвовать в авиаударах по силам и объектам ИГ в Ираке, но, как подчеркивал официальный Париж, это делалось по просьбе правительства этой страны. Однако французское общественное мнение, возмущенное зверствами ИГ на контролируемых им территориях, а также исламистскими террористическими актами в самой Франции, особенно нападением 7 января 2015 г. на редакцию журнала «Шарли Эбдо», повлекшую гибель 18 человек, требовало действий против группировок исламистов, в первую очередь ИГ, также и в Сирии. Все большую обеспокоенность выражали французские спецслужбы, опасавшиеся возвращения в страну боевиков из этих группировок, являющихся гражданами Франции.

Начала меняться и позиция ряда французских СМИ, в частности газет и журналов, близких к правой оппозиции. Они, помимо констатации того, что ставка на достаточно быстрый уход Б. Асада от власти себя не оправдала и что главным врагом все-таки нужно считать ИГ, обращали внимание на трагическую судьбу христиан в Сирии (и Ираке), которые в результате репрессий со стороны ИГ и других исламистских сил оказались под угрозой изгнания или даже истребления. Кроме требования более решительных действий Франции в их защиту в соответствующих публикациях стала выдвигаться идея создания широкой антиисламистской коалиции, которая включала бы в себя Россию [Ciotti, Retailleau, 2015].

В результате 19 сентября 2015 г., сославшись на ст. 51 Устава ООН об индивидуальной и коллективной самообороне, Париж объявил о нанесении первых авиаударов по объектам ИГ на сирийской территории. Однако вскоре стало ясно, что эти удары носили скорее символический характер, чем представляли весомый военный вклад в борьбу с ИГ. Кроме того, как считал необходимым под-

черкнуть министр обороны Франции Ж.-И. Ле Дриан, эти удары наносились «без обмена информацией и координации с Россией» и не означали, что «Б. Асад стал нашим союзником» [Pouchard, 2015].

Начавшаяся 30 сентября 2015 г. операция российских воздушно-космических войск (ВКС) в Сирии поставила Париж, как и другие западные столицы (а также Анкару, Эр-Рияд и Доху), перед новой реальностью. Надежда на скорое падение режима Б. Асада окончательно рухнула. Вместе с тем сам Париж подвергся 13 ноября 2015 г. чудовищной террористической атаке исламистов, часть из которых прошла «сирийскую школу». В результате атаки 130 человек погибли, 350 получили ранения.

Ф. Олланд, от которого французы ждали решительных действий, объявил, с одной стороны, о принятии ряда чрезвычайных мер внутри страны (частичное закрытие границ, наделение новыми полномочиями правоохранительных органов, закрытие подпольных мечетей и т.п.), с другой стороны, о своей решимости содействовать созданию «единой коалиции» для борьбы с ИГ, куда входила бы и Россия. Одновременно к берегам Сирии был направлен единственный французский авианосец «Шарль де Голль» с задачей интенсифицировать удары по «Исламскому государству».

Однако инициатива создания «единой коалиции» не была реализована. Хотя отправившегося 24 ноября 2015 г. с визитом в Вашингтон Ф. Олланда ждал подчеркнуто теплый прием со стороны Б. Обамы (главным образом потому, что Ф. Олланд в проведении проамериканского курса пошел дальше, чем Н. Саркози), это предложение французского президента он не поддержал. США, создавшие ранее под своей эгидой пеструю международную коалицию с участием, в частности, Саудовской Аравии, Катара и Турции, не хотели возникновения нового формата, в котором Россия могла бы играть ключевую роль. Если в Ираке США в рамках борьбы с «Исламским государством» проявляли определенную военную активность, в Сирии они больше ее изображали, поскольку, судя по всему, считали своим главным противником там режим Б. Асада и не желали хоть каким-то образом содействовать усиле-

нию его позиций. В этом, на деле, позиции двух лидеров совпадали [Mandraud, 2016].

Тем не менее во время визита Ф. Олланда в Москву 26 ноября 2015 г. президент В. Путин приветствовал инициативу Ф. Олланда и выразил готовность координировать усилия по борьбе с «Исламским государством» в Сирии, в частности по линии ВВС-ВКС, ВМФ и спецслужб. В Москве с этой целью побывали министр обороны Франции Ж.-И. Адриан и начальник генерального штаба вооруженных сил страны П. де Вилье.

В целом эти контакты были полезными хотя бы уже потому, что ослабляли тенденцию к сползанию к новой холодной войне между Западом и Россией из-за Украины, в первую очередь по линиям НАТО и ЕС [Борко, 2016]. Однако настоящего сотрудничества по Сирии все же не получилось, поскольку Ф. Олланд так и остался на позиции «ни ИГ, ни Асада», что, по сути, свидетельствовало о его нежелании ослаблять противников режима. Достаточно скромная военная активность Франции была по-прежнему сосредоточена в Ираке. Об этом, помимо прочего, свидетельствовал следовавший вскоре «перевод» авианосца «Шарль де Голль» в Персидский залив. Лишь в сентябре 2016 г. он снова начал действовать в Средиземноморье, но главной целью наносимых с него ударов являлся иракский Мосул.

Несмотря на то что во французских СМИ, как показано выше, появились сомнения в отношении реалистичности и результативности курса Франции, в целом они продолжают придерживаться линии на демонизацию Б. Асада. В рамках этого подхода даже террористические акты в Дамаске и других сирийских городах под контролем правительственных войск, влекущие за собой гибель сотен мирных жителей, представляются как «удары по режиму».

Осталась фактически неизменной и политика Франции в отношении сирийского режима. Линия на свержение Б. Асада любой ценой в конечном счете сказалась на франко-российских отношениях. Ослабление позиций исламистских группировок в г. Алеппо в результате ударов сирийской армии и российских ВКС побудило министра иностранных дел Франции, а затем и президента

Ф. Олланда сделать заявления о «военных преступлениях», якобы совершаемых в этом городе, и даже грозить России обращением в Международный уголовный суд [Syrie: «Crimes de guerre»..., 2016]. В результате был отменен визит В. Путина в Париж, приуроченный к открытию там 19 октября 2016 г. российского православного центра.

Иначе говоря, в сирийском вопросе Франция остается между желаемым и действительным. У нее нет возможности даже вместе со своими союзниками свергнуть Б. Асада, тем более поставить на его место прозападного лидера, но она пока не желает делать практические выводы из этого факта и продолжает требовать его отставки. Как долго Франция будет продолжать этот курс? Судя по всему, он вряд ли серьезно изменится до очередных президентских выборов в стране, которые пройдут в апреле-мае 2017 г. (хотя, конечно, если вновь избранный президент США изменит американскую политику в отношении Б. Асада, удерживать нынешний курс Франции будет очень трудно). У Ф. Олланда, являющегося самым непопулярным президентом за всю историю Пятой республики, мало шансов победить на выборах, и он пока не определился с представлением своей кандидатуры. Шансы на избрание самовыдвиженца Э. Макрона, занимавшего в 2014–2016 гг. пост министра экономики и финансов, пока непонятны, да и о его внешнеполитических взглядах мало что известно.

Значительно яснее ситуация на правом флаге политического спектра. Лидер считающегося крайне правым Национального фронта М. Ле Пен, которая будет бороться за президентский пост, критикует сирийскую политику Франции как «нереалистичную» и противоречащую интересам Франции. Она подчеркивает, что падение Б. Асада неминуемо приведет к власти исламистов, и выступает за совместную с Россией борьбу с ними [Marine Le Pen., 2015]. Среди кандидатов от республиканцев на момент написания статьи первый тур первичных выборов выиграли бывшие премьер-министры Ф. Фийон и А. Жюппе. Набравший больше голосов Ф. Фийон допускает сохранение у власти Б. Асада, он также не раз выражал убеждение в том, что без союза с Россией невозможно ни преодолеть исламистскую угрозу, ни достичь урегулирования в

Сирии. А. Жюппе по-прежнему требует ухода Б. Асада от власти, но даже он не отрицает важнейшую роль России в возможном решении сирийской проблемы [Lemarié, Goar, 2016].

Список литературы

Борко Ю.А. Евросоюз в XXI веке: Прошлые успехи – не гарантируют будущего // Проблемы европейской безопасности / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 1. – С. 17–38.

Долгов Б.В. «Мягкая» и «жесткая» сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 14–37.

Махмутова Д. Франция и НАТО: Итоги года президентства Ф. Олланда // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 30(46). – С. 10–12.

Резолюция 1559 (2004), принятая Советом Безопасности на его 5028-м заседании 2 сентября 2004 года / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2004. – S/RES/1559 (2004). – 2 с. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1559\(2004\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1559(2004)) (Дата обращения – 27.11.2016).

Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2011. – S/RES/1973 (2011). – 9 с. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973\(2011\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973(2011)). (Дата обращения – 27.11.2016).

Трунов Ф.О. Германия и иракский военно-политический кризис (2003) // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2015. – № 3. – С. 80–90.

Boniface P. La géopolitique: Les relations internationales. – P.: Editions Eyralles, 2011. – 200 p.

Bruno (son site). Les intérêts français dans le conflits syrien // Agora Vox. – P., 2016. – 6 janvier. – Mode of access: <http://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/les-interets-francais-dans-le-176112> (Дата обращения – 27.11.2016).

Carpentier J., Lebrun F. Histoire de France. – P.: Seuil, 1987. – 510 p.

Ciotti E., Retailleau B. Exclusif: L'appel d'Eric Ciotti et Bruno Retailleau en faveur d'une coalition élargie contre Daech // Le Figaro. – P., 2015. – 15 août. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2015/08/14/31001-20150814ARTFIG00252-pour-que-les-cloches-continuent-de-sonner-en-orient.php> (Дата обращения – 27.11.2016).

Duteil M. Libye – Syrie: La lourde erreur de Nicolas Sarkozy // Le Point. – P., 2012. – 09 août. – Mode of access: <http://www.lepoint.fr/editos-du-point/>

mireille-duteil/libye-syrie-la-lourde-erreur-de-nicolas-sarkozy-09-08-2012-1494565_239.php (Дата обращения – 27.11.2016).

Encel F. De quelques idées reçues sur le monde contemporain: Précis de géopolitique à l'usage de tous. – P.: Editions Autrement, 2013. – 172 p.

Haski P. La Syrie reçoit à bras ouverts le président français // La Libération. – P., 1996. – 21 octobre. – P. 3.

Hureau R. Syrie: L'incompréhensible politique étrangère de la France // Le Figaro. – P., 2015. – 18 août. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/08/17/31002-20150817ARTFIG00280-syrie-l-incomprehensible-politique-etrangere-de-la-france.php> (Дата обращения – 27.11.2016).

Jauvert V. Syrie: Sarkozy et son ami Bachar al-Assad // Le Nouvel Observateur. – P., 2011. – 30 octobre. – Mode of access: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20111026.OBS3272/syrie-sarkozy-et-son-ami-bachar-al-assad.html> (Дата обращения – 27.11.2016).

Larrousturou P. Trente ans de relations complexes entre les présidents syriens et français // Le Monde. – P., 2011. – 29 avril. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2011/04/29/france-syrie-des-relations-mouvementees_1513589_3218.html (Дата обращения – 27.11.2016).

Lasserre I. Abu Dhabi, base avancée de la France en face de l'Iran // Le Figaro. – P., 2009. – 26 mai. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/international/2009/05/26/01003-20090526ARTFIG00002-abu-dhabi-base-avancee-de-la-france-en-face-de-l-iran.php> (Дата обращения – 27.11.2016).

Lemarié A., Goar M. Primaire à droite: Un dernier débat sans relief // Le Monde. – P., 2016. – 18 novembre. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2016/11/18/primaire-a-droite-un-debat-sans-relief-avec-fillon-le-troisieme-homme-au-c-ur-des-attaques_5033218_4854003.html (Дата обращения – 27.11.2016).

Malbrunot G., Chesnot Ch. Les chemin de Damas: Le dossier noie des relations franco-syriennes. – P.: Editions Robert Laffont, 2014. – 396 p.

Mandraud I. François Hollande coincé entre les positions divergentes des Etats-Unis et de la Russie // Le Monde. – P., 2016. – 25 novembre. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/11/25/francois-hollande-coince-entre-les-positions-divergentes-des-etats-unis-et-de-la-russie_4817099_3218.html (Дата обращения – 27.11.2016).

Marine Le Pen: «Si Assad tombe, Daesh prendra le pouvoir» // Sputnik France. – P., 2015. – 28 septembre. – Mode of access: <https://fr.sputniknews.com/actualite/201509281018444474-france-fn-syrie-russie/> (Дата обращения – 27.11.2016).

Pichon F. Syrie: Pourquoi l'Occident s'est trompé. – P.: Editions du Rocher, 2015. – 148 p.

Pouchard A. L'intervention militaire française en Syrie décryptée en 5 points // Le Monde. – P., 2015. – 27 septembre. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/09/27/5-questions-sur-les-frappes-francaises-en-syrie_4773838_4355770.html (Дата обращения – 27.11.2016).

Slavoutich V. Syrie: La civilisation en danger. – P.: Macha Publishing, 2016. – 197 p.

Syrie: «Crimes de guerre» à Alep: Hollande menace de ne pas recevoir Putine // Le Nouvel Observateur. – P., 2016. – 10 octobre. – Mode of access: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/guerre-en-syrie/20161010.OBS9592/syrie-crimes-de-guerre-a-alep-hollande-menace-de-ne-pas-recevoir-poutine.html> (Дата обращения – 27.11.2016).

Syrie: Nicolas Sarkozy lâche Bachar al-Assad // Le Huffignton Post. – P., 2011. – 27 avril. – Mode of access: http://archives-lepost.huffingtonpost.fr/article/2011/04/27/2477969_nicolas-sarkozy-lache-bachar-el-assad.html (Дата обращения – 27.11.2016).

Syrie: Le pari diplomatique osé pour Nicolas Sarkozy en visite officielle // Ina.Fr. – P., 2008. – 3 septembre. – Mode of access: <http://www.ina.fr/video/3712008001006> (Дата обращения – 27.11.2016).

Ф.О. ТРУНОВ

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ СИРИЙСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется направленность и содержание политики ФРГ как государства – члена ЕС и НАТО по решению «сирийской проблемы». Исследуются постоянные факторы, которые определяют основы этой политики в отношении Сирии и государств Восточного Средиземноморья в целом. Для каждого из этапов кризисного развития Сирии показывается взаимосвязь ключевых угроз безопасности ФРГ, связанных с развитием ситуации в зоне вооруженного конфликта, с выбором конкретного набора внешнеполитических инструментов для их нейтрализации. Рассматриваются инициативы Германии по обеспечению возвращения Сирии в число стабильно развивающихся государств. Делается вывод о перспективах развития германской политики в отношении Сирии, изучаются конкретные меры, которые с высокой долей вероятности могут быть осуществлены официальным Берлином для укрепления своих позиций.

Abstract. The article analyses the direction and content of German policy as the EU and NATO member state towards the solution of the «Syrian problem». The article researches permanent factors, which determined the foundation of this policy towards Syria and the Eastern Mediterranean countries as a whole. During each period of the Syrian crisis' development the article shows the correlation between the main security threats for Germany, which were connected with the development of situation in the armed conflict zone, and the selection of a particular set of foreign policy tools for their neutralization. The article reveals German initiatives to ensure the return of Syria to the category of stable developing countries. The article concludes about the perspectives of German line towards Syria and investigates concrete measures which

can be taken by Germany for the strengthening of its position with a high degree of probability.

Ключевые слова: *внешняя политика ФРГ, «сирийская проблема», использование бундесвера, урегулирование, вооруженные конфликты, международная безопасность, РФ.*

Keywords: *German foreign policy, «Syrian problem», the usage of Bundeswehr, regulation, armed conflicts, international security, Russian Federation.*

Нападения боевиков «Исламского государства»¹ на мирное население в Париже 13 ноября 2015 г. и в Брюсселе 22 марта 2016 г., вслед за которыми уже произошли и с высокой долей вероятности еще последуют многочисленные террористические атаки на страны – участницы ЕС и НАТО, показывают, что эти страны столкнулись с новым, резко возросшим качеством угроз своей безопасности. Учитывая стремление лидеров структур международного терроризма достичь максимального политического резонанса от своих действий, основной удар «Исламского государства» будет наноситься по ведущим государствам коллективного Запада², в первую очередь континентальным европейским державам – Франции и Германии. Это означает, что де-факто впервые со времени окончания холодной войны ФРГ из субъекта мировой политики, использующего свои внешнеполитические инструменты, в том числе военные, для решения проблем безопасности на территории других государств, сама превратилась в объект для проведения атак структурами международного терроризма.

Причем если в годы военно-политического противостояния Запада и Востока западногерманское руководство четко осознавало качество, масштаб и возможные формы проявления потенциальных вызовов безопасности, то определение всех данных параметров для современных экзистенциальных угроз весьма проблематично. В тесной связи с увеличением террористической опасности нахо-

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

² Под коллективным Западом и Евро-Атлантическим сообществом в настоящей статье понимается совокупность государств – членов ЕС и НАТО.

дится и масштабная миграционная проблема, обострившая социально-экономические противоречия в Европейском союзе [Кондратьева, 2016] на фоне продолжающегося мирового экономического кризиса. Показательно, что на решение проблем, связанных с миграцией, направляются усилия практически всех структур, прямо или косвенно ответственных за обеспечение безопасности в Европе, – прежде всего Европейского союза, но также и Совета Европы [Чернега, 2015, с. 49].

Снизить вероятность проявления данных угроз возможно, лишь воздействуя на них на территории их возникновения – в Сирии и Ираке – посредством оказания содействия этим странам по возвращению их в число политически и экономически стабильно развивающихся государств. Добиться этой цели можно только посредством приложения сбалансированных усилий со стороны максимально широкого круга акторов, в первую очередь ведущих международных организаций и держав. В данной работе внимание сосредоточено на ФРГ, учитывая активный и многогранный характер ее вовлечения в урегулирование «сирийской проблемы». *Задача* настоящей статьи – изучить направленность и особенности реализации линии Германии в отношении сирийских событий.

Внешняя политика ФРГ – как в целом, так и отдельные ее составляющие – характеризуется весьма высокой степенью преемственности. Как показывала политическая практика, изменение цветовой гаммы правящей коалиции¹ в Федеративной Республике не ведет к серьезному пересмотру проводимого на мировой арене курса. Это обстоятельство, с точки зрения автора, позволяет выделить детерминанты (факторы) геополитического и геоэкономического характера, которые определяют долгосрочные цели политики ФРГ как в отношении Сирии, так и Ближнего Востока в целом. Причем влияние данных факторов проявлялось и будет продолжать проявляться на длительном временном отрезке – как задолго

¹Начиная с момента создания ФРГ (1949), все ее правительства были коалиционными (двухпартийного состава) и назывались по характерным цветам тех партий, которые образовывали коалицию. Блок ХДС / ХСС ассоциировался с черным цветом, СДПГ и «Левые» – с красным, СвДП – с желтым и голубым, а Союз 90 / «Зеленые» – с зеленым.

до «арабского пробуждения», так и по его завершении. Выбор же конкретного набора инструментов внешней политики, который германское руководство было готово использовать для достижения своих целей на конкретном этапе, зависел в первую очередь от того, какие угрозы безопасности рассматривались в данный момент в качестве ключевых.

Соответственно, в первой части данной статьи предпринимается попытка выделить и изучить постоянные детерминанты, лежащие в основе германской политики в отношении Сирии и сопредельных территорий. В последующих же разделах работы внимание будет сосредоточено на особенностях применения инструментов (политико-дипломатических, военных, экономических) в ответ на действующие и вновь возникающие угрозы безопасности.

Постоянные факторы, влияющие на формирование политики ФРГ в области сирийского урегулирования

В основе рассматриваемого курса Федеративной Республики лежат, с точки зрения автора, четыре основные детерминанты.

Первая детерминанта – стремление Германии утвердиться в качестве действующей на глобальном уровне державы. На протяжении двух десятилетий, последовавших за объединением ФРГ, происходил рост ее влияния на международной арене, основой которого были наращивание масштабов и изменение характера (в первую очередь посредством начала использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО) ее участия в решении широкого круга проблем международной безопасности [Bredow, 2015]. Развитие этого процесса было бы невозможно без увеличения той роли, которую Федеративная Республика стремилась играть в ближневосточных делах. В годы холодной войны масштаб вовлеченности «старой ФРГ» в решение региональных проблем был незначительным. Так, западногерманская дипломатия не принимала сколько-нибудь заметного участия в урегулировании арабо-израильского конфликта – «болевой нити» регионального развития в 1950–1970-е годы. Использование на Ближнем Востоке боевых подразделений бундесвера в деятельности по миротворчеству и поддержанию ми-

ра исключалось как де-факто, так и де-юре – в соответствии с Основным законом ФРГ (1949).

Ситуация стала качественно меняться уже с начала 1990-х годов. Федеративная Республика в лице «черно-желтого» кабинета (блок ХДС / ХСС и СвДП) первой из стран Запада признала Палестинскую автономию (1991), учредив в 1994 г. дипломатическое представительство в Рамалле [Die deutsche Position..., 2015].

В 2003 г. кабинет Г. Шрёдера / Й. Фишера (СДПГ и Союз 90 / «Зеленые»), используя трехсторонний формат РФ – ФРГ – Франция, последовательно реализовывал курс на политическое урегулирование «иракской проблемы» [Трунов, 2015]. Основой его было использование возможности мониторинговых миссий ООН и МАГАТЭ для доказательства отсутствия у официального Багдада оружия массового поражения (ОМП). И хотя предотвратить интервенцию «коалиции желающих» во главе с США не удалось, нельзя не признать, что в стратегической перспективе избранная ФРГ линия оказалась выигрышной – Германия не несла ответственности за последующую дестабилизацию на иракской территории, ключевым следствием которой стало укрепление «Исламского государства».

С момента учреждения (2006) шестистороннего переговорного формата, стремившегося невоенным путем предотвратить создание Исламской Республикой Иран ядерного оружия, ФРГ стала его полноправной участницей. Деятельность «шестерки», в отличие от многих других подобных механизмов, завершилась серьезным политическим успехом – принятием в июле 2015 г. договоренностей с официальным Тегераном. Хотя ключевую роль в достижении прорыва сыграла РФ, германское руководство, используя возможности СМИ, продемонстрировало свою весомую роль в решении «иранской проблемы» [Steinmeier, 2015].

В 2006 г., при проведении Израилем боевой операции против движения «Хизбалла» на юге Ливана, правительство А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера выделило (на основании резолюции Совета Безопасности ООН № 1701) для обеспечения режима прекращения огня в состав миссии UNIFIL 2,4-тысячную межвидовую группировку бундесвера [Antrag der Bundesregierung: Beteiligung..., 2006]. Это позволило Германии впервые развернуть долгосрочное воен-

ное присутствие в регионе, де-факто направленное на сдерживание возможных повторных наступательных операций со стороны Израиля.

В основе представленных стратегических решений лежало стремление ФРГ упрочить свои политические позиции на Ближнем Востоке. После окончания холодной войны Германия последовательно демонстрировала свою практическую возможность решения весьма острых проблем безопасности в регионе. Линию ФРГ характеризовала стратегическая взвешенность, проявлявшаяся в преимущественном использовании политико-дипломатических рычагов, а также военных инструментов, но лишь для проведения операций небоевого характера (миротворчество и поддержание мира). Реализуемый курс объективно способствовал созданию у руководства государств региона образа Германии как эффективного регионального игрока и положительному восприятию Германии широкими массами местного населения (в первую очередь мусульманского).

К середине 2010-х годов официальному Берлину удалось пройти между Сциллой и Харибдой современных проблем политического развития Ближнего Востока. С одной стороны, ФРГ добилась улучшения отношений с шиитским Ираном посредством заключения «ядерной сделки» и последующей поэтапной отмены санкций. С другой – Германии удалось сохранить отношения с его главным противником – населенной преимущественно суннитами Саудовской Аравией, о чем свидетельствуют активные поставки германских вооружений и военной техники в эту страну [Kleine Anfrage., 2016]. При этом, учитывая стратегическую важность Сирии как для ИРИ, так и для официального Эр-Рияда, любые резкие действия Федеративной Республики, в первую очередь связанные с применением военной силы, могли бы стремительно обнулить значительный, но являющийся весьма хрупким политический успех. Соответственно, стремление ФРГ сохранить и упрочить завоеванные политические позиции на Ближнем Востоке в условиях региональной турбулентности с начала 2010-х годов определяет, с одной стороны, необходимость масштабного вовлечения Германии

в решение «сирийской проблемы», с другой – ведет к проявлению взвешенности, особенно в вопросе применения военных средств.

Вторая детерминанта – непосредственное соприкосновение Германии как государства – члена НАТО и ЕС с проблемами Восточного Средиземноморья при расширении Североатлантического альянса (2004; 2009) и Европейского союза (2004; 2007; 2013) в восточном и особенно юго-восточном направлениях, следствием чего стало их непосредственное приближение к границам Ближнего Востока. Соответственно, на любую угрозу безопасности, возникшую в регионе, официальный Берлин был вынужден реагировать оперативно и с применением сообразного конкретной кризисной ситуации набора внешнеполитических инструментов.

В 1990-е годы основными объектами внешней политики структур Евро-Атлантического сообщества и ФРГ являлись бывшие страны – участницы ОВД, государства и государственные образования, возникавшие в ходе распада Югославии, а также прибалтийские республики, чья независимость была признана Западом еще до юридического прекращения существования СССР [Erklärung., 1994]. Все эти политические единицы в историко-культурном плане имели длительные и достаточно разветвленные связи с государствами Западной Европы, в том числе с Германией.

В начале XXI в. в условиях расширения ЕС и НАТО основными объектами их внешней политики стали другие бывшие республики Советского Союза и государства Ближнего Востока. Разница цивилизационных кодов данных стран и коллективного Запада (как новых его государств-членов, так и старых) была весьма значительной. В реальности это являлось одной из ключевых трудностей в осуществлении внешней политики ФРГ в новых геополитических реалиях XXI в. Показательно, что де-факто руководство западноевропейских стран осознавало данное обстоятельство еще на ранних этапах развития ЕЭС / ЕС. Так, в 1987 г. была отклонена (в первый и пока единственный раз) заявка на вступление в Европейские сообщества, поданная Королевством Марокко. Формальная причина отказа – географическое положение Марокко как африканской страны. Фактической же причиной, думается, являлось осознание огромных различий в политической культуре и особенностях со-

циально-экономического развития. Подтверждение тому – наличие в составе ЕЭС в качестве государств-учредителей Франции и Бельгии, имевших до середины 1960-х годов огромные колониальные владения в Африке. Таким образом, на фоне глубоких различий цивилизационных кодов государств ближневосточного региона и стран коллективного Запада непосредственное приближение структур Евро-Атлантического сообщества к Ближнему Востоку определяет для ФРГ необходимость тщательного поиска тех сил в регионе, которые ориентировались бы на Евро-Атлантическое сообщество, и определения форм наиболее эффективного взаимодействия с ними.

В тесной связи со второй находится *третья детерминанта* – необходимость создания у границ ЕС и НАТО «буферной зоны», в которой бы «гасились» или как минимум ослаблялись вызовы и угрозы безопасности, возникавшие как в самих государствах Восточного Средиземноморья, так и в сопредельных (к востоку и югу) регионах. Данная задача являлась одной из составляющих в цепи стратегических замыслов, направленных на снижение рисков безопасности для Евро-Атлантического сообщества посредством превращения сопредельных стран – не только Восточного, но и Западного Средиземноморья, а также постсоветского пространства – в страны, дружественные ЕС и НАТО, стремящиеся совместно с ними обеспечивать безопасность на региональных подуровнях. В связи с этим следует вспомнить два проекта, возникших в конце 2000-х годов, – Средиземноморский (выдвинутый Францией) и программу «Восточное партнерство» (инициирована Польшей и Швецией). Начавшееся в 2010–2011 гг. «арабское пробуждение» открывало, как изначально казалось, политической элите стран коллективного Запада возможность для утверждения у власти в государствах Ближнего Востока политических сил, готовых к интенсификации отношений с Евро-Атлантическим сообществом. В этой ситуации сирийское направление стало одним из ключевых в «пробе сил», которую ФРГ и ее партнеры осуществляли с целью «привить на государственные древа» стран Ближнего Востока западные политические ценности. Соответственно, необходимостью создания «буферной зоны» у границ ЕС и НАТО с включением в нее Сирии

определяется как поддержка, которую ФРГ оказывала умеренной сирийской оппозиции, так и противодействие действующему президенту Б. Асаду и лояльным ему силам.

Четвертая детерминанта – это стремление Германии к упрочению своих позиций в государствах и государственных образованиях, возникших на территории бывшей Югославии. В первую очередь объектами данной политики ФРГ являлись Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово, Македония. С начала 1990-х годов ФРГ последовательно оказывала им помощь в борьбе за независимость и дальнейшем развитии, используя для этого не только экономические, политико-дипломатические и информационно-идеологические, но и военно-полицейские инструменты. Тем не менее германскую политику характеризует незавершенность в достижении стратегических целей, в первую очередь в отношении Боснии и Герцеговины и Косова. Хотя данные политические единицы (особенно вторая) осуществляют процесс сближения с Европейским союзом (на основании подписания соглашений о стабилизации и ассоциации), а на их территории длительное время находились миссии бундесвера [Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung., 2011], вопрос зрелости институтов власти в Боснии и Герцеговине и в Косове остается открытым.

Проявление угроз, проецируемых с территории Ближнего Востока на европейский континент, является «проверкой на прочность» для опекаемых официальным Берлином балканских государств, в первую очередь – для тех, которые не являются членами ЕС и НАТО. Именно «балканская тропа» в середине 2010-х годов стала основным маршрутом для массы мигрантов и маскирующихся в их среде террористов, стремящихся попасть в Европейский союз. В ситуации, когда государства в юго-восточной части ЕС (в частности, Венгрия) продемонстрировали неспособность в полной мере противостоять миграционному кризису, чего ожидать от таких небольших государственных образований, как Босния и Герцеговина и Косово, не обладающих значительными экономическими и военно-полицейскими инструментами?

Таким образом, стремление ФРГ сохранить свои позиции в «фокусных странах» Балкан в условиях миграционного кризиса

обуславливает наращивание официальным Берлином поддержки балканских государств. Взамен официальный Берлин будет стремиться ускорить и углубить процесс сближения Европейского союза с БиГ и Косово, тем самым закрепляя на долгосрочную перспективу свое влияние на них.

В обобщенном виде влияние отмеченных детерминант привело к оформлению следующих основополагающих черт политики ФРГ в отношении Сирии:

- постепенное расширение вовлеченности в решение «сирийской проблемы»;
- преимущественное использование (в порядке иерархии) политико-дипломатических, экономических и информационных инструментов внешней политики, направленных, в первую очередь, на поддержку умеренной сирийской оппозиции;
- стремление избежать прямого втягивания в ход гражданской войны в Сирии;
- применение бундесвера в основном в оборонительных целях (за пределами сирийской территории) и для выполнения небоевых задач;
- возможность силового использования военных инструментов только при условии одобрения (или как минимум отсутствия критики этой меры) со стороны ключевых региональных игроков, а не только государств – партнеров по ЕС и НАТО;
- основная долгосрочная цель германской политики – превращение Сирии в стабильное, построенное на основе (с учетом) западных демократических ценностей государство, способное успешно противостоять внешним угрозам безопасности и ориентирующееся на Евро-Атлантическое сообщество.

Влияние угрозы распространения нестабильности на германский курс в отношении Сирии в 2011–2013 гг.

В марте 2011 г. в Сирии, затронутой «арабским пробуждением», начались вооруженные выступления оппозиции, противостоявшей режиму президента Б. Асада, уже к лету де-факто переросшие в гражданскую войну.

В феврале 2012 г. была создана группа «Друзей Сирии» – переговорный формат, возникновение которого было инициировано США при активном участии монархий Персидского залива. Целью использования новой переговорной площадки являлось обсуждение «сирийской проблемы» вне Совета Безопасности ООН. ФРГ с момента создания данного формата стала его постоянным членом, оказывая политико-дипломатическую и информационную (положительное восприятие СМИ деятельности Свободной сирийской армии¹) поддержку оппозиции в Сирии.

Чем объяснялся тот факт, что на протяжении почти года с момента начала вооруженного конфликта в Сирии ФРГ, равно как и ее партнеры по коллективному Западу, не предпринимали попыток оказания масштабного влияния на ситуацию? Прежде всего тем, что основные усилия государств – членов НАТО в регионе предпринимались в это время для поддержки оппозиции в Ливии, боровшейся с режимом М. Каддафи. Вслед за введением бесполетной зоны в ливийском воздушном пространстве 18 марта 2011 г. (резолюция Совета Безопасности № 1973) 15 апреля по инициативе Франции и Великобритании началось открытое военное вмешательство НАТО в ход гражданской войны в Ливии. В данной операции, де-факто продолжавшейся до поздней осени 2011 г., были задействованы ударные силы авиации большинства европейских государств – членов Североатлантического альянса (кроме ФРГ), что исключало их использование на других направлениях. Правительство А. Меркель / Г. Вестервелле, придерживаясь линии на стратегическую сдержанность в вопросах боевого применения бундесвера на Ближнем Востоке, не стало направлять свои самолеты и экипажи в Ливию (при этом руководство ФРГ активно развивало контакты с ливийской оппозицией, а германские СМИ принимали заметное участие в информационной кампании западных массмедиа против режима М. Каддафи) [Долгов, 2014, с. 22]. Тем более не была готова Германия использовать бундесвер в условиях разрастания гражданской войны в Сирии.

¹Обобщенное название весьма разнородных военных и полувоенных формирований, временно объединившихся для борьбы с силами, лояльными президенту Арабской Сирийской Республики Б. Асаду.

В связи с этим уместно также отметить, что именно в период 2011–2012 гг. произошло значительное увеличение численности наземных военных контингентов, в том числе германского, действующих в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Два данных обстоятельства означали, что в реалиях 2011 г. европейские государства – члены НАТО были практически ограничены в использовании военных инструментов для проведения крупномасштабных наземных и воздушных операций.

Кроме того, в отличие от ситуации с Ливией весной 2011 г. в случае с Сирией не приходилось надеяться на одобрение в виде резолюции Совета Безопасности ООН возможной силовой акции в связи с позицией, занимаемой РФ и КНР. Попыткой преодоления этой проблемы со стороны Запада, добившегося к весне 2012 г. разгрома основных сил М. Каддафи, стало создание группы «Друзей Сирии». Однако любые решения, принятые данной группой, учитывая ее неопределенный международно-правовой статус, не могли *легитимизировать* военное вмешательство в ход гражданской войны в Сирии. Поэтому под эгидой группы «Друзей Сирии» германская сторона использовала политико-дипломатические и экономические, но отнюдь не военные инструменты для помощи сирийской оппозиции.

Ограниченный характер политико-дипломатического вмешательства ФРГ в ход вооруженного конфликта в Сирии в 2011 – начале 2012 г. объяснялся также надеждами на быструю победу оппозиции в стране, как это имело место в большинстве арабских государств, охваченных «арабским пробуждением». При развитии данного благоприятного сценария контрагентом Германии в Дамаске являлось бы уже лояльное ЕС и НАТО руководство, диалог с которым мог бы строиться с учетом опыта поддержки небольших балканских государств. Однако значительная часть кадров военнослужащих вооруженных сил Сирийской Арабской Республики и ее населения сохранили приверженность президенту Б. Асаду, постепенно начавшему в стране политические и социально-экономические преобразования. Первый год гражданской войны отчетливо показал, что оппозиция не способна самостоятельно нанести решительное поражение правительственным войскам, хотя и те не обла-

дали необходимым потенциалом для полного разгрома противника. Переход гражданской войны в Сирии в затяжную стадию означал, что территория страны стала источником *угрозы распространения нестабильности*, которая могла затронуть сопредельные государства, в первую очередь Турцию – партнера ФРГ по НАТО. Высока была вероятность того, что, преследуя отряды оппозиции, правительственные войска и особенно курдские ополченцы, действовавшие на севере Сирии, могли артиллерийским огнем или выстрелами из стрелкового оружия затронуть объекты на турецкой территории. Это могло бы привести к военному вмешательству НАТО в ход гражданской войны в том случае, если бы официальная Анкара потребовала активировать ст. 5 Вашингтонского договора (1949).

Как относились к реализации подобного сценария в Берлине? Германское правительство последовательно стремилось избежать боевого применения бундесвера в Сирии, которое было бы чревато значительными материальными издержками и, главное, потерями в личном составе, учитывая высокую боеспособность и достаточно современный парк вооружений сирийских правительственных войск. Недопущение этого стало ключевой задачей германского курса в отношении Сирии на данном этапе, как показали стратегические меры, предпринятые правительством А. Меркель / Г. Вестервелле.

Так, в своем выступлении 22 октября 2012 г. перед курсантами Академии информации и коммуникации федеральный канцлер подчеркнула озабоченность распространением угрозы нестабильности на территорию Турции. Канцлер недвусмысленно заявила о готовности использовать широкий набор инструментов для сохранения неприкосновенными границ своего партнера по Североатлантическому альянсу [Merkel, 2012]. 4 декабря 2012 г. при активном участии «черно-желтого» правительства Совет глав государств и правительств НАТО принял решение о создании района развертывания сил и средств противовоздушной обороны вблизи границы Турции и Сирии. Уже 6 декабря 2012 г. правительство А. Меркель / Г. Вестервелле приняло решение направить для вы-

полнения данной задачи два зенитно-ракетных комплекса системы PATRIOT и 400 военнослужащих для их обслуживания и охраны.

Совместно с ФРГ активное участие в развертывании района ПВО приняли США и Нидерланды. Изначально планировалось, что группировка сил и средств противовоздушной обороны будет развернута до декабря 2017 г. с возможностью пролонгации данного срока. Комментируя это решение, германское правительство подчеркивало оборонительный характер принятых мер [Unterstützung..., 2012].

В связи с этим встает вопрос: какую преимущественно направленность – наступательную или оборонительную – в действительности предполагала данная военно-стратегическая мера? Как казалось на тот момент, ситуация могла начать развиваться по «ливийскому сценарию» – в этом случае создание района ПВО стало бы первым шагом на пути установления бесполетной зоны над Сирией и последующей военно-воздушной кампании государств – членов НАТО против официального Дамаска. На опасность серьезной дестабилизации обстановки в случае развития подобного сценария указывал президент РФ В.В. Путин уже 3 декабря 2012 г. по итогам переговоров с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом [Рабочий визит..., 2012].

Однако развертывание сил и средств ПВО трех стран – участниц НАТО на южной турецкой границе не переросло в установление бесполетной зоны. Показательно, что официально на уровне руководства государств НАТО не был поставлен вопрос об использовании авиации, в первую очередь бомбардировочной, в воздушном сирийском пространстве. Сама же группировка ПВО – исходя как из ее предназначения, так и численности (шесть комплексов и менее 1,5 тыс. военнослужащих) – не предназначалась для решения наступательных задач.

Думается, что существовали три основные причины того, что ситуация в Сирии не пошла по «ливийскому сценарию». Одна из причин состояла в том, что, в отличие от войск М. Каддафи в Ливии, правительственные сирийские войска не использовали авиацию для борьбы с оппозицией, тем самым снимая основной довод в пользу использования боевой авиации НАТО в Сирии.

Другая причина заключалась в том, что, в отличие от ситуации с Ливией, когда постоянный представитель РФ в Совете Безопасности ООН воздержался от голосования по проекту резолюции № 1973, в «сирийском вопросе» руководство РФ последовательно выступало против военного вмешательства коллективного Запада. Причем для отстаивания своего подхода Кремль был готов использовать на практике несравненно более разнообразный спектр инструментов, в том числе военных, по сравнению с теми, что использовались при росте напряженности в отношениях с Западом в 1990-х – начале 2010-х годов.

Наконец, третья причина состояла в неготовности самой ФРГ – одним из инициаторов развертывания района ПВО – рассматривать данный шаг как начало перехода к наступательным действиям в отношении официального Дамаска. В условиях углубления вооруженного конфликта на сирийской стороне турецко-сирийской границы правительство ФРГ не пошло ни на наращивание своих сил в составе группировки ПВО НАТО, ни тем более на направление мотопехотных, танковых частей и сил специального назначения в Турцию. Не было осуществлено и доразвертывание боевых единиц ВМС ФРГ (как надводных кораблей, так и в особенности подводных лодок) в Средиземном море. Более того, уже в октябре 2015 г. правительство А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера (блок ХДС / ХСС и СДПГ) приняло решение вернуть на родину комплексы PATRIOT и военнослужащих [Die PATRIOTs., 2015]. Вслед за ФРГ такое же решение было принято Нидерландами и США.

Что лежало в основе досрочного – как минимум, на два года ранее изначально планируемого срока – свертывания Германией механизма обеспечения безопасности партнера по Североатлантическому альянсу?

Сохранение группировки ПВО уже не только перестало соответствовать интересам ФРГ в области обеспечения безопасности, но, более того, представляло угрозу в двух отношениях. С одной стороны, начиная с 30 сентября 2015 г. группировка Вооруженных Сил России, основу которой составляли части воздушно-космических сил (ВКС), активно включилась в борьбу с «Исламским государством». РФ как на стратегическом, так и на оперативно-такти-

ческом уровнях развивала теснейшее сотрудничество с официальным Дамаском. В этой ситуации уничтожение системами ПВО стран – участниц НАТО сирийских самолетов и особенно боевых единиц ВКС России могло с высокой долей вероятности спровоцировать резкое увеличение напряженности в отношениях России и коллективного Запада. Негативный эффект этого проявился бы вдвойне на фоне уже существовавшего с начала украинских событий глубокого кризиса в диалоге РФ и Евро-Атлантического сообщества. В связи с этим нельзя не отметить, что, если бы к уничтожению российского самолета Су-25 24 ноября 2015 г. имела отношение не только официальная Анкара, действовавшая в тот момент в национальном качестве, но и страны – участницы НАТО, предоставившие войска и технику для района ПВО, последствия данного инцидента были бы значительно более масштабными и непредсказуемыми.

С другой стороны, относительно немногочисленные германские военнослужащие не были предназначены и в должной мере подготовлены к отражению серьезных наземных атак со стороны боевиков «Исламского государства», которых можно было ожидать с высокой долей вероятности – особенно учитывая успехи ИГ в Сирии, перемещение по территории Турции массы боевиков (как открыто, так и под видом беженцев), а также наличие вербовочных пунктов и лагерей «Исламского государства» на подотчетных официальной Анкаре территориях. В случае гибели (особенно массовой) военнослужащих ФРГ, Нидерландов и США перед официальным Берлином встала бы очень сложная дилемма: либо понести имиджевые издержки, продемонстрировав свою политическую недееспособность, либо жестко отреагировать, пойдя на боевое применение бундесвера под эгидой НАТО в Сирии. Демонтаж уже ненужного механизма защиты партнера по Североатлантическому альянсу, превращавшегося в «болеву точку» для оказания давления на ФРГ, продемонстрировал, что в реалиях октября 2015 г. официальный Берлин по-прежнему стремился избежать военного вовлечения в решение «сирийской проблемы».

В своем стремлении минимизировать угрозу распространения нестабильности официальный Берлин придавал ключевое

значение использованию дипломатических инструментов. Оценивая весомый вклад России в урегулирование «сирийской проблемы», руководство ФРГ, особенно до украинских событий, проявляло готовность развивать взаимодействие с РФ, направленное на скорейшее прекращение огня и начало внутрисирийского процесса, несмотря на то что его понимание РФ и Германией заметно отличалось. Российская сторона настаивала на необходимости ведения межсирийского национального диалога – между официальным Дамаском и умеренной оппозицией, последовательно исключая из него радикальную оппозицию [Итоговое заявление., 2013]. Руководство ФРГ считало нелегитимным режим Б. Асада, обвиняя его в использовании военной силы против мирного населения, и стремилось обеспечить главенствующие политические позиции ориентированных на ЕС и НАТО оппозиционных сил [Merkel, Obama, 2013]. Однако, учитывая, что первоочередной и нерешенной задачей для внешних акторов – как РФ, так и ФРГ – оставалось достижение договоренностей о прекращении огня, различия по итоговому видению перспектив Сирии частично отходили на второй план.

Это проявилось, в частности, в ходе переговоров глав внешнеполитических ведомств «большой восьмерки» 10–11 апреля 2013 г., когда Г. Вестервелле поддержал главу МИД РФ С.В. Лаврова в том, что устранить причины вооруженного конфликта в Сирии можно только политико-дипломатическими, но отнюдь не военными усилиями [Итоговое заявление., 2013]. Взаимодействие РФ и ФРГ получило развитие в ходе саммита глав государств и правительств G8 в Лох-Эрне (Великобритания) 17–18 июня 2013 г. Несмотря на жесткую критику позиции России со стороны США, Великобритании и Франции, итоговое заявление было принято с учетом подхода РФ, чему, как отмечала российский исследователь М. Сапронова, в немалой степени способствовала поддержка В.В. Путина со стороны А. Меркель [Сапронова, 2013]. Документ, принятый 18 июня 2013 г., не содержал требований по уходу Б. Асада, но призывал к скорейшему налаживанию межнационального сирийского диалога. В итоговом коммюнике обращалось внимание на радикализацию значительной части оппозиции и на необходимость отказа от

поставок вооружений радикальным формированиям. В тесной связи с этим было принятие всеми странами – участницами «большой восьмерки» обязательства противодействовать всем структурам международного терроризма в Сирии [G8 leaders., 2013]. 19 июня 2013 г. в ходе совместной пресс-конференции с президентом США Б. Обамой А. Меркель подчеркнула, что в условиях гражданской войны в Сирии ни одной из ее сторон не будут поставляться германские вооружения и военная техника [Merkel, Obama, 2013]. Иными словами, Германия на официальном уровне стремилась подчеркнуть свое неучастие в переоснащении сирийской оппозиции – в отличие от США, последовательно оказывавших оппозиции разностороннюю, в том числе военную, помощь [Ibid.]. Таким образом, федеральное правительство проводило достаточно обособленную линию, отличную от курса партнеров по НАТО, направленную на максимально оперативную и полную разрядку напряженности в Сирии, т.е. стремилось минимизировать риски, обусловленные угрозой распространения нестабильности из этой страны. Одной из составляющих курса ФРГ было проявление осторожности, в первую очередь на правительственном уровне, в вопросах использования различных военных инструментов при решении «сирийской проблемы».

Данный курс получил развитие в ходе сирийского военнополитического кризиса. 21 августа 2013 г. вблизи Дамаска в районах, где проживало значительное количество мирного населения, было применено химическое оружие. В этот период войска Б. Асада осуществляли успешное контрнаступление на силы оппозиции, а потому использование официальным Дамаском ОМП с военной точки зрения (а тем более – с моральной) было лишено смысла. Тем не менее администрация Б. Обамы бездоказательно обвинила именно правительственные войска в применении оружия массового поражения, призвав своих союзников к созданию международной коалиции для проведения военно-воздушной операции. Ее легитимность оказалась под вопросом, учитывая, что одобрение в виде резолюции Совета Безопасности ООН не могло быть получено (в первую очередь из-за позиции РФ и КНР). Использование же механизмов НАТО и ЕС оказалось под вопросом

из-за запрета, наложенного 29 августа 2013 г. парламентом Великобритании на использование своих вооруженных сил [Syria and the use..., 2013].

На следующий день президент Франции – одного из ключевых союзников Германии по ЕС и НАТО – Ф. Олланд заявил о готовности принять участие в операции. Лишь 3 сентября 2013 г., самой последней из европейских держав, свою позицию сформулировала ФРГ. С одной стороны, А. Меркель согласилась с необходимостью жестких действий в отношении режима Б. Асада, с другой – де-факто исключила использование бундесвера в планируемой военной операции. Канцлер заявила, что вооруженные силы ФРГ могут быть использованы только на основании решений ООН, НАТО или ЕС [Merkel, 2013], что, как уже было отмечено, было невозможно в складывавшейся ситуации.

Вопрос о проведении военно-воздушной операции оказался в центре внимания саммита G20, проходившего 5–6 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге. Десять стран-участниц во главе с США уже в первый день переговоров приняли декларацию, критикующую Совет Безопасности ООН и содержащую призыв к силовому давлению на официальный Дамаск [Joint statement..., 2013]. Однако лидеры ФРГ – канцлер А. Меркель и глава МИД Г. Вестервелле – демонстративно покинули место обсуждения декларации, являвшейся документом для образования «коалиции желающих», и отказались его подписывать. В итоге ФРГ подписала декларацию лишь на следующий день¹. Подобное поведение продемонстрировало, что Германия, предоставившая весьма условную политическую поддержку партнерам по НАТО, по-прежнему не готова к боевому применению своих военнослужащих в Сирии. Ослабление трансатлантической солидарности привело к резкому ухудшению отношений между США и ФРГ.

Выходом из сложного положения для официального Берлина стала инициатива по уничтожению арсенала сирийского химического оружия под международным контролем, выдвинутая президентом РФ В.В. Путиным 9 сентября 2013 г. [Путин, 2013]. Уже

¹ Подробное описание данного сюжета см.: [Allen, 2013].

12 сентября 2013 г. США согласились на ее реализацию, а всего через два дня глава МИД ФРГ заявил о готовности предоставить финансовые средства и специалистов для ликвидации оружия массового поражения (ОМП) под эгидой Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) [Deutschland., 2013]. Уже в начале октября 2013 г. планируемый процесс стал осуществляться на практике: сначала единицы химического оружия вывозились на судах ВМФ РФ, затем перегружались – и уже на кораблях ВМС стран – участниц НАТО, в том числе ФРГ, – доставлялись для последующего уничтожения под эгидой ОЗХО.

Стоит заметить, что при свертывании Североатлантическим альянсом сотрудничества с РФ с 1 апреля 2014 г. в связи с украинскими событиями страны Запада, в том числе ФРГ, не отказались от реализации инициативы РФ от 9 сентября 2013 г. В результате к началу мая 2015 г. основная масса сирийского химического оружия (свыше 95%) была уничтожена. Германия, сыгравшая в данном процессе одну из ключевых ролей, затратила на его воплощение в жизнь 5 млн евро – в 2,5 раза больше, чем планировалось изначально [Destroying., 2016].

Чем был обусловлен стабильный интерес ФРГ к уничтожению арсенала сирийского ОМП? Прежде всего – второй из постоянных детерминант политики Германии в отношении Сирии, выделенных в настоящей статье, а именно – зависимостью собственной безопасности от развития ситуации в зоне гражданской войны. Оружие массового поражения могло оказаться на территории Европейского союза и быть использовано против граждан ФРГ и государств-партнеров.

Тем не менее с осени 2015 г. Германия при сохранении основной линии в отношении Сирии была вынуждена расширить спектр используемых инструментов и прибегнуть к применению военных средств для решения «сирийской проблемы». Прежде всего это объяснялось тем, что вместо угрозы распространения нестабильности первоочередное значение для Федеративной Республики приобрела *угроза международного терроризма*, исходившая от «Исламского государства». Она была тесно связана с миграционными кризисом, в полной мере охватившим ЕС уже в 2014 г.

Реакция ФРГ на угрозу «Исламского государства»

Во второй половине 2013 г. ускорился процесс радикализации сирийской оппозиции: на фоне ослабления позиций умеренных сил, ориентировавшихся на ЕС и НАТО, происходило укрепление мощи «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), ставившего перед собой задачу насильственного создания гомогенного «суннитского халифата» в мировом масштабе. В 2014 г. ИГИЛ было переименовано в «Исламское государство» (ИГ), что еще более подчеркивало глобальный характер агрессивных устремлений его лидеров. С этого момента началось параллельное наступление отрядов и бригад ИГ как на иракском, так и на сирийском фронтах. Правительственные сирийские войска, понесшие за три года гражданской войны серьезные потери в личном составе и военной технике, начали отступать перед силами ИГ, пополнявшимися многочисленными боевиками из нестабильных и несостоявшихся государств Азии и Африки. Это ускорило процесс бегства мирного населения, в том числе многочисленных сирийских христиан, с территории страны. Основные потоки мигрантов направлялись в Ливан и Иорданию, а также в Турцию и далее по «балканской тропе» в государства – члены ЕС.

Детерминанты германской политики в отношении Сирии – в первую очередь необходимость реагировать на возникающие в регионе угрозы безопасности, стремление к созданию «буферной зоны», приложение необходимых усилий по защите опекаемых ФРГ малых государств и государственных образований на Балканах – требовали установления экономических и политических заградительных барьеров, препятствующих разрастанию миграционного кризиса в Европе.

Первым шагом в этом направлении стала экономическая помощь Ливану и Иорданскому Хашимитскому Королевству с целью создания благоприятных условий для длительного пребывания в этих странах сирийских мигрантов, которые в противном случае с высокой долей вероятности могли бы двинуться на территорию ЕС. Так, ФРГ приняла активное участие в строительстве и обеспечении кадрами образовательных центров в Ливане [Syria., 2016], а Ф.-В. Штайнмайер настоял на предоставлении преференций для

товаров из Иордании на внутреннем рынке Европейского союза [Support for Syria., 2016]. Однако с учетом сложной внутренней обстановки в Ливане и угрозы проникновения на территорию обоих государств отрядов ИГ потенциал данной меры все же являлся весьма ограниченным.

Вторым шагом была попытка достичь договоренности с руководством Турции о возможности задержать массу сирийских беженцев на турецкой территории, с тем чтобы они отказались от дальнейшего продвижения в сторону ЕС. Однако, несмотря на значительную финансовую помощь, оказанную официальной Анкаре, правительству «большой коалиции» не удалось добиться постоянного выполнения турецкой стороной принимаемых на себя обязательств. В ходе сирийских событий германо-турецкие отношения приобрели крайне нестабильный характер, демонстрируя рост взаимного недоверия сторон. Об этом, в частности, свидетельствует не только досрочный вывод Германией личного состава и систем ПВО из Турции, но и весьма запоздавшая и ограниченная поддержка, которую официальный Берлин выразил президенту Р.Т. Эрдогану в ходе попытки военного переворота в Турции 15–16 июля 2016 г. [Сивков, 2016]. Поэтому следует признать, что потенциал мер, предпринятых на турецком направлении, был еще меньшим, чем в случае с Ливаном и Иорданией.

Третья заградительная мера – предоставление «точечной» помощи (меры по восстановлению и модернизации системы оказания медицинской помощи, сельского хозяйства и малых производств) непосредственно в Сирии – в районах, контролируемых умеренной оппозицией [Reconstruction Fund., 2016]. Однако в условиях продолжающихся боевых действий при одновременном ослаблении позиций умеренной оппозиции возможность и, главное, эффективность реализации данных мер целиком зависели от скорости и результативности межсирийского политического диалога.

Потенциально приток мигрантов мог дать серьезные политические преимущества ФРГ в плане подготовки ориентированных на ЕС и НАТО политических кадров, особенно с учетом опыта приема беженцев с Балканского полуострова в 1990-е годы. Теоретически выходцы из среды сирийских беженцев могли бы стать у

руля или как минимум оказать заметное влияние на курс обновленного сирийского государства. Однако на практике, в частности в процессе воссоздания государственности в Афганистане, проходившем при участии Германии, стало понятно, что в силу значительного различия между секуляризированным европейским и исламским культурными кодами мусульмане, в период гражданской войны долгое время пребывавшие на Западе, в своей стране не воспринимаются соплеменниками в качестве потенциальных политических лидеров. В Сирии агентами влияния коллективного Запада в такой ситуации могли бы стать сирийские беженцы-христиане, однако их возвращение на родину также зависело в первую очередь от хода борьбы с «Исламским государством».

Акты мегатеррора в Париже, совершенные боевиками ИГ 13 ноября 2015 г., отчетливо продемонстрировали уязвимость территории даже ведущих государств – членов Европейского союза. Осознавая все возрастающую угрозу международного терроризма, правительство А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера 2 декабря 2015 г. поставило перед Бундестагом вопрос о боевом использовании бундесвера в Сирии.

Выступая перед депутатами по данному вопросу, министр обороны У. фон дер Ляйен и глава МИД Ф.-В. Штайнмайер подчеркивали, что вооруженные силы планируется использовать на основании права на коллективную самооборону. Особо подчеркивалось, что юридической основой для такого использования служат резолюция Совета Безопасности ООН № 2249 и ст. 42 договора о ЕС (2010) [Plenarprotokoll 18/142., 2015, S. 13877 A], а не ст. 5 Вашингтонского договора (1949), как было после событий 11 сентября 2001 г.

Чем это было обусловлено? С одной стороны, тем, что в данном случае именно европейские государства, а не США, оказались основным объектом атак международного терроризма. Это, однако, не отменяло возможность активации ст. 5 Вашингтонского договора. Вряд ли можно было ожидать, что США, уже возглавляющие международную антитеррористическую коалицию по борьбе с ИГ, не поддержат просьбу союзников по НАТО. С другой стороны, тем, что сама ФРГ хотела действовать именно под эгидой Европейского союза, а не Североатлантического альянса, тем самым де-

монстрируя (в тесном сотрудничестве с Францией) свою относительную независимость от официального Вашингтона, в то же время не допуская ухудшения отношений с ним. Подобная позиция объяснялась среди прочего и стремлением ФРГ взять на себя не слишком значительную в военном отношении, но важную в политическом плане нагрузку, как того требовали постоянные детерминанты ее политики в отношении Сирии. Ведь в случае если бы был активирован механизм НАТО, Германии с высокой долей вероятности пришлось бы значительно расширить свое участие в борьбе с «Исламским государством» как в воздухе, так и на земле, а это могло отрицательно сказаться на росте политического влияния ФРГ на ход урегулирования, особенно с учетом главенствующей роли США при развитии подобного сценария.

Представленный подход подтверждается как поставленными задачами, так и утвержденным составом германского контингента, который планировалось использовать в Сирии.

Первой задачей, которую предполагалось решать с использованием бундесвера, был сбор разведывательной информации о передвижениях отрядов, бригад и особенно о штабах ИГ – для оперативной передачи этих сведений Франции и другим государствам – членам международной антитеррористической коалиции. Для этого предлагалось использовать совместную германо-французскую спутниковую группировку и шесть самолетов-разведчиков «Торнадо» с экипажами бундесвера. Всего для сбора разведывательной информации выделялось до 500 германских военнослужащих [Plenarprotokoll 18/142..., 2015, S. 13876 A].

Вторая задача – техническая поддержка французских ВМС (в первую очередь ударной группы во главе с авианосцем «Шарль де Голль») и ВВС, действовавших против ИГ. Германские фрегаты должны были охранять суда своих союзников, а для заправки французских бомбардировщиков и разведчиков планировалось использовать специальные самолеты бундесвера. Для выполнения данных задач также выделялось до 500 военнослужащих [Ibid., S. 13875 D-13876 A].

Наконец, третья группа задач – использование штабных офицеров бундесвера для консультирования курдских отрядов

Пешмерга (ополчения иракских курдов), вооруженных сил официального Багдада, а также для работы в органах военного управления силами международной антитеррористической коалиции. Примечательно в связи с этим, что германских офицеров (как минимум де-юре) не предполагалось использовать для консультирования отрядов умеренной сирийской оппозиции. Не было сказано и о поставках вооружений для сирийской оппозиции, хотя У. фон дер Ляйен отметила, что ФРГ уже с 2014 г. отправляет оружие (и экспертов по обращению с ним) отрядам Пешмерга, которым официальный Берлин отводит весьма заметную роль в процессе создания «новой Сирии». Всего для штабной работы выделялось 50 офицеров бундесвера [Plenarprotokoll 18/142., 2015, S. 13876 A]. Общая численность группировки (с учетом небольшого запаса для ее возможного наращивания) составляла 1,2 тысячи военнослужащих [Ibid., S. 13876 B]. Несмотря на критику представителей Союза 90 / «Зеленых» и «Левых», 4 декабря 2015 г. Бундестаг подавляющим большинством голосов одобрил применение сил бундесвера в Сирии [Ibid., S. 14131 A–14134 D].

Однако можно ли считать подобное применение бундесвера боевым в полном смысле? Иными словами, насколько масштабным оказался реальный боевой вклад ФРГ в борьбу с «Исламским государством»? Более 90% германских военнослужащих в Сирии планировалось использовать для разведывательной и охранной деятельности, а непосредственно в боевых действиях, – но находясь при этом в штабах, а не на передовой – должны были участвовать всего 5%. Соответственно, формально ФРГ становилась значимым членом коалиции по борьбе с ИГ, выделяя для этого более чем тысячную межвидовую группировку, фактически же ее боевой вклад являлся весьма ограниченным. Подобная схема использования бундесвера позволила германскому правительству достичь ключевой цели – укрепить свои позиции в начавшемся межсирийском переговорном процессе, на что недвусмысленно указал Ф.-В. Штайнмайер [Plenarprotokoll 18/142., 2015, S. 13882 C], при этом минимизировав собственно военные издержки.

Таким образом, в декабре 2015 г. впервые с начала сирийских событий правительство ФРГ пошло на применение войсковой

группировки бундесвера в наступательных целях. Первоочередной целью использования военных рычагов являлось ослабление «Исламского государства». Параллельно вставал вопрос об использовании возможностей бундесвера для поддержки умеренной оппозиции. Как было отмечено выше, данный вопрос не поднимался на заседании Бундестага 2 декабря 2015 г., что, с точки зрения автора, было обусловлено тремя основными причинами.

Во-первых, до достижения стратегического перелома в сирийской войне использование бундесвера в Сирии, где действует наибольшее количество отрядов и бригад ИГ, может быть чревато значительными потерями и, следовательно, вызвать критику действий правительства. Провести такое решение в Бундестаге было бы гораздо сложнее, чем получить мандат, одобренный 4 декабря 2015 г.

Во-вторых, в случае открытого использования значительного числа военнотружущих бундесвера (во взаимодействии с умеренной оппозицией) на сирийском театре военных действий неизбежно встанет вопрос о координации их усилий с правительственными сирийскими войсками или об разграничении зон их деятельности. Учитывая, что официальный Берлин последовательно отказывается признавать Б. Асада и его правительство в качестве легитимных сирийских властей, любое (даже опосредованное) взаимодействие с ними будет воспринято руководством ФРГ как политическая неудача. Германская сторона не стремится и к координации усилий с РФ – за первую половину 2016 г. не было ни одного случая взаимодействия ВС России и Германии в Сирии на оперативно-тактическом, равно как и стратегическом уровнях.

В-третьих, до момента заключения перемирия в Сирии 27 февраля 2016 г. силы умеренной оппозиции открыто и весьма активно продолжали вести боевые действия против правительственных войск. В такой ситуации германские военные советники, а тем более воинские подразделения, могли оказаться втянуты уже не в борьбу с ИГ, а в гражданскую войну. Этого, как показывают постоянные детерминанты политики ФРГ в регионе, ее правительство со всей очевидностью стремилось бы избежать.

Все это, однако, отнюдь не означает отказ от поддержки оппозиционных сил. Германия продолжает оказывать им финансовую помощь для решения социально-экономических проблем; кроме того, уже в 2013 г. в доктринальных документах ФРГ говорилось о наличии в Сирии германских «оперативных групп» (task force). Эти оперативные группы, созданные с учетом богатого опыта участия ФРГ и других государств Запада в восстановлении государственности в Афганистане (в том числе – посредством воссоздания афганских сил безопасности и создания групп по восстановлению провинций) [Новикова, 2014, с. 39; Kümmel, 2012, S. 117–133], официальный Берлин планировал развернуть в нестабильных государствах Ближнего Востока и Северной Африки, прежде всего в Сирии, а также в Йемене, Южном Судане. Данные оперативные механизмы представляют собой пример тесного межведомственного взаимодействия (в них входят специалисты министерств иностранных дел, внутренних дел, экономического сотрудничества и развития, обороны) [Maizière, 2013, S. 18–19].

Заключение всеобъемлющего перемирия в Сирии 27 февраля 2016 г., следствием которого стало частичное признание участниками межсирийского диалога официального Дамаска и умеренной оппозиции, создало благоприятные условия для переобучения и поддержки последней военнослужащими бундесвера. К июню 2016 г. в Сирии находилось около 50 военнослужащих спецназа ФРГ, ответственных за переподготовку частей оппозиции и принимавших участие в боевых действиях на ее стороне, хотя данный факт и отрицался официальным Берлином [Минобороны ФРГ., 2016]. Параллельно Германия, участвующая в межсирийском диалоге в качестве посредника, стремится укрепить позиции политических сил, ориентирующихся на Евро-Атлантическое сообщество, при строительстве «новой Сирии».

Вышеприведенный анализ дает представление о действии постоянных детерминант политики ФРГ в отношении стран Восточного Средиземноморья. В реалиях осени 2016 г. представляется, что на новом этапе в политике ФРГ в отношении Сирии будет использован достаточно широкий набор инструментов (в том числе

военных) для поддержки умеренной оппозиции и встраивания ее в вертикаль власти в Сирии на долгосрочную перспективу.

В конце 2000-х – начале 2010-х годов значительно возросла взаимозависимость ФРГ и государств Восточного Средиземноморья, которые как объективно, так и субъективно (в условиях необходимости решения «сирийской проблемы») превращаются в один из фокусных регионов для внешней политики Федеративной Республики.

С момента своего объединения Германия постепенно укрепляет свои позиции на Ближнем Востоке. Однако, в отличие от США и ряда стран коллективного Запада, она последовательно проявляет осторожность в вопросах применения военной силы в этом регионе, что отчетливо проявилось и в ходе сирийских событий. Подобная тактика способствует умелому «политическому балансированию» ФРГ на Ближнем Востоке – параллельному развитию контактов с ключевыми региональными акторами, находящимися в состоянии жесткой конкуренции. При этом Германия (преимущественно под эгидой ЕС) стремится стать значимым политическим игроком на ближневосточном политическом горизонте. Во многом успех или неудача данной линии зависят от будущего облика «новой Сирии», и в этом контексте для официального Берлина особенно важными являются два тесно связанных вопроса: будет ли «новая Сирия» ориентироваться на Евро-Атлантическое сообщество и будет ли она способна к абсорбированию внешних угроз безопасности?

Дать определенный ответ на оба вопроса становилось все сложнее по мере усугубления «сирийской проблемы» и перехода гражданской войны в затяжную стадию. С одной стороны, на фоне разрушения социально-экономической инфраструктуры в Сирии происходило укрепление радикальных, исламистских сил, в первую очередь «Исламского государства». С другой – «якорем стабильности» в Сирии выступали лояльные Б. Асаду силы, а отнюдь не умеренная оппозиция. Обе эти тенденции требовали постепенного расширения набора внешнеполитических инструментов, используемых ФРГ в Сирии, а также масштаба их применения.

В силу того что из числа опасностей, исходящих с сирийской территории, доминирующей для Германии являлась угроза распространения нестабильности, линия ФРГ характеризовалась тремя основными чертами. Во-первых, важная роль отводилась использованию дипломатических средств. При этом в рамках переговорного процесса первостепенной задачей официального Берлина являлось именно достижение договоренностей о прекращении огня, а оказание поддержки оппозиции все же стояло на втором месте. В частности, такой список приоритетов стал предпосылкой для налаживания достаточно эффективного взаимодействия ФРГ с РФ весной – осенью 2013 г. Во-вторых, применение военных инструментов было ограничено использованием бундесвера в оборонительных целях *вне пределов* Сирии (развертывание и последующее свертывание группировки ПВО, участие в уничтожении арсенала химического оружия). Это показывало, что Германия стремилась избежать своего втягивания в «горячие» фазы сирийской гражданской войны. В-третьих, с 2014 г. по мере разрастания миграционной проблемы стали активно использоваться экономические рычаги, причем применялись они в основном также не на территории Сирии, а в *сопредельных* государствах.

Действия боевиков в Париже 13 ноября 2015 г. продемонстрировали, что именно распространение международного терроризма стало основной угрозой для обеспечения безопасности ФРГ, в результате чего в линии ФРГ по «сирийскому вопросу» произошли определенные изменения. Этим было вызвано, в частности, наращивание использования военных инструментов – юридически оформленного включения бундесвера в борьбу с «Исламским государством». Однако де-факто и в этом случае Германии удалось избежать полномасштабного боевого использования своих вооруженных сил, приняв на себя преимущественно функции по разведке, охране коммуникаций и работе в оперативных штабах. При этом подключение к решению «сирийского вопроса» военных, тем более в столь ограниченных рамках, отнюдь не означало милитаризации германского подхода к проблеме в целом – ключевая роль по-прежнему отводилась политико-дипломатическим возможностям.

В перспективе, по мере ослабления ИГ использование всех внешнеполитических инструментов ФРГ будет нацелено в первую очередь на поддержку сирийской умеренной оппозиции; при этом под умеренной оппозицией будут пониматься главным образом те суннитские лидеры и полевые командиры, которые проявят лояльность или хотя бы договороспособность при развитии диалога с Германией и ЕС. Помимо дипломатической поддержки (в рамках «Женевского процесса») следует ожидать роста объемов финансовой и технической помощи, направляемой в районы, подконтрольные умеренной суннитской оппозиции. Кроме того, туда будут направляться военные эксперты. Высока вероятность и снятия эмбарго на поставки вооружений в Сирию (в условиях заключения договоренностей от 27 февраля 2016 г.), что откроет путь массовому проникновению туда германских вооружений. В ответ официальный Берлин будет прежде всего настаивать на пресечении новых потоков беженцев и постепенном возвращении на родину ранее мигрировавших.

Вторая группа сил, с которыми ФРГ будет развивать сотрудничество, – сирийские курды. В условиях охлаждения отношений с официальной Анкарой ее противление поддержке курдов уже не будет иметь столь весомого значения для Германии (в отличие от ситуации 2012–2013 гг.). Поэтому следует ожидать, что Германия станет активно оказывать им военную помощь (что уже имеет место), а также будет содействовать в восстановлении разрушенной социально-экономической инфраструктуры.

Наконец, третья группа сил – сирийские христиане. Безусловно, в силу близости цивилизационного кода это весьма выигрышное для Федеративной Республики направление деятельности. Однако существенное ослабление позиций сирийских христиан в ходе гражданской войны и негативная реакция на оказание им помощи, которая может с большой вероятностью воспоследовать со стороны суннитских лидеров умеренной оппозиции, до минимума сужают простор для оперативных действий Германии. Скорее всего, в ближнесрочной перспективе ФРГ будет предпринимать усилия по политической консолидации христианских общин (в том числе посредством использования возможностей католической и

лютеранской церкви) и оказывать содействие частичному возвращению сирийских христиан-мигрантов на родину. Однако вероятность предоставления им военной помощи очень невысока.

Вышеперечисленные три группы сил Германия будет стремиться использовать для крушения режима Б. Асада (желательно – без возобновления гражданской войны). Однако ожидать быстрого достижения этой цели не приходится. К середине 2016 г. германской стороне не удалось достичь ни одной из своих стратегических целей в отношении Сирии, что было обусловлено, в числе прочего, ограниченностью и не всегда высокой эффективностью используемых внешнеполитических инструментов. Необходимо также подчеркнуть, что попытки достижения этой цели ведут в данном случае к дивергенции позиций Германии и России – международного актора, внесшего и продолжающего вносить ключевой вклад в стабилизацию обстановки в Сирии и отнюдь не собирающегося ослаблять свои позиции в этой стране.

Список литературы

Долгов Б.В. «Мягкая» и «жесткая» сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 14–37.

Итоговое заявление встречи министров иностранных дел стран «Группы восьми» / МИД РФ. – М., 2013. – 12.04. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/114754 (Дата обращения – 26.11.2016).

Кондратьева Т.С. Миграционный кризис в Европе: Причины и последствия // Проблемы европейской безопасности / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 1. – С. 216–229.

Минобороны ФРГ опровергло информацию о присутствии своего спецназа в Сирии // РИА-Новости. – М., 2016. – 15.06. – Режим доступа: <http://ria.ru/syria/20160615/1447923181.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Новикова О.Н. «Жесткая» и «мягкая» сила Запада в современном Афганистане // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 38–58.

Путин В.В. Комментарий по ситуации с химическим оружием в Сирии // Президент России. – М., 2013. – 09.09. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19194> (Дата обращения – 26.11.2016).

Рабочий визит в Турцию // Президент России. – Стамбул, 2012. – 03.12. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/17019> (Дата обращения – 26.11.2016).

Сапронова М. Сирия, G8 и особая позиция России // Военно-промышленный курьер. – М., 2013. – 10.07. – № 26 (494). – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/16640> (Дата обращения – 26.11.2016).

Сивков К. Турецкие «декабристы» // Военно-промышленный курьер. – М., 2016. – 20.07. – № 27 (642). – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/31491> (Дата обращения – 26.11.2016).

Трунов Ф.О. Германия и иракский военно-политический кризис (2003) // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2015. – № 3. – С. 80-90.

Чернега В.Н. Подходы Совета Европы к проблемам миграции // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 4. – С. 38-60.

Allen K. World from Berlin: Germany's «cowardly position» on Syria // Spiegel Online. – Hamburg, 2013. – 09.09. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/europe/german-press-berlin-foreign-policy-in-syria-embarrassing-a-921238.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Antrag der Bundesregierung: Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL) auf Grundlage der Resolution 1701 (2006) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen vom 11. August 2006 / Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. – Drucksache 16/2572. – Berlin, 2006. – 13.09. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/025/1602572.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der deutschen Beteiligung an der internationalen Sicherheitspräsenz im Kosovo auf der Grundlage der Resolution 1244 (1999) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen vom 10. Juni 1999 und des Militärisch-Technischen Abkommens zwischen der internationalen Sicherheitspräsenz (KFOR) und den Regierungen der Bundesrepublik Jugoslawien (jetzt: Republik Serbien) und der Republik Serbien vom 9. Juni 1999 / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. – Drucksache 17/5706. – Berlin, 2011. – 04.05. – 4 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/057/1705706.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015. – 304 S.

Destroying Syria's chemical weapons: Germany's involvement as part of the international community // Federal Foreign Office. – Berlin, 2016. – 05.01. – Mode of access: <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Frieden>

spolitik/Abruestung/Projekte/Chemiewaffen-Syrien.html (Дата обращения – 26.11.2016).

Deutschland will Waffenvernichtung unterstützen // Die Bundeskanzlerin. – Berlin, 2013. – 16.09. – Mode of access: <http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Artikel/2013/09/2013-09-11-syrien.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Die deutsche Position: Zwei-Staaten-Lösung durch Verhandlungen // Auswärtiges Amt. – Berlin, 2015. – 24.09. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/01_KonfliktNahost/IsraelischPalaestinensischerKonflikt_node.html#top (Дата обращения – 26.11.2016).

Die PATRIOTs in der Türkei beenden ihren Auftrag // Bundeswehr. – Kahramanmaras, 2015. – 15.10. – Mode of access: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/!ut/p/c4/LYvBCsIwEET_KJtoRfDW2IsevWi9yLZZymKalLi1UPx4E-gMDMw8Bp6QHfDLAwrHgB4e0PZ86hbVLY5exOGDsuaKb5nJ-20iWQnu5exl9TGQIBQKwjmhHbKTmmISX8icUiaKHbTaNNYcK73J_Oq9vZ53h0o3F3uDaRzrP0pV5EE!/ (Дата обращения – 26.11.2016).

Erklärung der EG zu den baltischen Staaten vom 27.08.1991 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993: Eine Dokumentation / Auswärtiges Amt. – Bonn, 1994. – S. 81.

G8 leaders communiqué / GOV.UK. – Lough Erne, 2013. – 18.06. – 33 p. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/207771/Lough_Erne_2013_G8_Leaders_Communique.pdf (Дата обращения – 26.11.2016).

Joint statement on Syria // The White House. – Wash., 2013. – 06.09. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/06/joint-statement-syria> (Дата обращения – 26.11.2016).

Kleine Anfrage der Abgeordneten Jan van Aken, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Sevim Dağdelen, Annette Groth, Inge Höger, Andrej Hunko, Niema Movassat und der Fraktion Die Linke: Export von Patrouillenbooten nach Saudi-Arabien / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. – Drucksache 18/7922. – Berlin, 2016. – 16.03. – 4 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/079/1807922.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Kümmel G. Die Hybridisierung der Streitkräfte: Militärische Aufgaben im Wandel // Militärsoziologie: Eine Einführung / N. Leonhard, I.-J. Werkner (Hrsg.). – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – S. 117–138.

Maizière Th. Den vernetzten Ansatz stärken: Die Bedeutung der zivil-militärischen Zusammenarbeit in der deutschen Sicherheitspolitik // Sicherheitspolitik in Zeiten der Globalisierung: Strategische Konsequenzen für

Deutschland / Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – Berlin, 2013. – S. 12-27. – Mode of access: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/dfs_2013_konferenzband_weboptimiert.pdf (Дата обращения – 26.11.2016).

Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin anlässlich der Tagung des zivilen und militärischen Spitzenpersonals der Bundeswehr in der Akademieder Bundeswehr für Information und Kommunikation // Die Bundesregierung. – Berlin, 2012. – 22.10. – Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Reden/2012/10/2012-10-22rede-merkel-bundeswehr.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin in der vereinbarten Debatte: Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag // Die Bundesregierung. – Berlin, 2013. – 03.09. – Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2010-2015/2013/09/87-1-bk-bt.html> (Дата обращения – 06.01.2016).

Merkel A., Obama B. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin und US-Präsident // Die Bundeskanzlerin. – Berlin, 2013. – 19.06. – Mode of access: <http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Mitschrift/Pressekonferenzen/2013/06/2013-06-19-pk-merkel-obama.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Plenarprotokoll 18/142: Stenografischer Bericht / Deutscher Bundestag. 18. Wahlperiode, 142. Sitzung. – Berlin, 2015. – 02.12. – S. 13875–13930. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18142.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Plenarprotokoll 18/144: Stenografischer Bericht / Deutscher Bundestag. 18. Wahlperiode, 144. Sitzung. – Berlin, 2015. – 04.12. – S. 14105–14272. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18144.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Reconstruction Fund: Syria // KFW Development Bank. – Frankfurt am Main, 2016. – January. – 2 p. – Mode of access: <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/PDF/Entwicklungsfinanzierung/Länder-und-Programme/Nordafrika-Nahost/Syrien-2014-DE-SRTF.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Steinmeier F.-W. Es zerren starke Fliehkräfte an Europas Fundamenten: Interview für Tagesspiegel // Auswärtiges Amt. – Berlin, 2015. – 05.07. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2015/150706_BM_Tagesspiegel.html?nn=337666 (Дата обращения – 26.11.2016).

Support for Syria and its neighbours / Federal Foreign Office. – Berlin, 2016. – 05.02. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/160204_Syrienkonferenz_London.html (Дата обращения – 26.11.2016).

Syria and the use of chemical weapons / Parliament UK. House of Lords. – L., 2013. – 29.08. – Mode of access: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldhansrd/text/130829-0001.htm> (Дата обращения – 26.11.2016).

Syria: The Syrian crisis / Federal Ministry for economic cooperation and development. – Berlin, 2016. – Mode of access: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/naher_osten_mittelmeer/syrien/index.html (Дата обращения – 26.11.2016).

Unterstützung für die Türkei: Patriot-Einsatz // Die Bundesregierung. – Berlin, 2012. – 06.12. – Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Infodienst/2012/12/2012-12-06-patriot-raketen/2012-12-06-patriot-raketen.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Д.В. МАЛЫШЕВ

**СИРИЙСКИЙ КРИЗИС И УГРОЗА
РАДИКАЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Аннотация. В статье рассмотрено влияние современного кризиса на Ближнем Востоке (БВ), в частности в Сирии, на государства постсоветской Центральной Азии (ЦА). Определена негативная роль, которую играет террористическая структура «Исламское государство» как на БВ, так и в ЦА. Проанализирована ситуация в ЦА в свете сирийского кризиса, показаны основные направления деятельности террористических структур в этом регионе, выявлено негативное влияние базирующегося в Афганистане радикального исламизма на безопасность стран региона. Особое внимание уделено специфике проявления религиозного радикализма в каждом из пяти государств ЦА, их подходам к этой проблеме и путям противодействия террористической угрозе. Хронологические рамки исследования ограничены в основном 2015–2016 гг.

Abstract. The article analyzes the impact of the current crisis in the Middle East (ME), in particular, in Syria, on the post-Soviet states of Central Asia (CA). It emphasizes the negative role played by the terrorist organization «Islamic state» in the Middle East, as well as in Central Asia. The author analyzes the situation in Central Asia in the light of the Syrian crisis, examines the main directions of the activities of terrorist structures in this region, and reveals a negative impact of the radical Islamism based in Afghanistan on the security of the Central Asian states. Special attention is paid to the specifics of the manifestations of religious radicalism in each of the five Central Asian states and their approaches to the problem together with the elaboration of ways to counter a terrorist threat. The chronological framework of the study is limited basically to 2015–2016.

Ключевые слова: конфликт в Сирии, Ближний Восток, Центральная Азия, «Исламское государство», терроризм, радикализация, религиозный экстремизм.

Keywords: Syrian conflict, the Middle East, Central Asia, «Islamic state», terrorism, radicalization, religious extremism.

Введение

На протяжении последних лет в постсоветской Центральной Азии наблюдается тревожное явление: все большее число жителей региона направляются на Ближний Восток (БВ), где пополняют ряды запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» (ИГ), известной ранее под наименованием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), по-арабски – ДАИШ (организация запрещена в РФ решением Верховного суда).

Предполагают, что за последние несколько лет от 2 тыс. до 4 тыс. выходцев из ЦА примкнули к ИГ или же иным способом поддерживают эту террористическую структуру. Мотивация таких новообращенных сторонников религиозного экстремизма различна. Но очевидно, что они отвергают устоявшуюся во всех центральноазиатских государствах светскую альтернативу в пользу радикального ислама и ИГ в этом контексте привлекает не только боевиков, т.е. тех, кто готов и желает повоевать, но и тех, кто разделяет религиозные и идеологические установки ИГ.

Это создает реальную угрозу безопасности Центральной Азии, поскольку значительная часть подобных радикалов может вернуться (и уже возвращается) в родные места, где они будут готовы инициировать конфликты и антиправительственные выступления, тем более что этому благоприятствует кризисная ситуация в государствах центральноазиатского региона, испытывающих серьезные проблемы в социально-экономической и политической сферах. Низкий уровень жизни, широко распространенная коррупция, неограниченная власть местной администрации, нарушение прав человека – вот далеко не полный перечень проблем, создающих питательную почву для протестных настроений. Во всех странах отсутствует нормальное социальное обеспечение, и особенно это характерно для сельской местности. Да и в геополитическом плане

регион достаточно уязвим – он зажат между Россией, Китаем, Афганистаном и Ираном и нередко превращается в объект соперничества между различными внешними силами и структурами.

Не секрет, что активная вербовка в ряды экстремистов происходит по всему региону, прежде всего в мечетях и намазханах (молельных комнатах). Не последнюю роль в этом процессе в ЦА, как и в других регионах, играют Интернет и социальные сети. Привлекательность джихадизма в регионе ЦА связана и с несбывшимися ожиданиями политических и социальных перемен. Как отмечают эксперты Международной кризисной группы по предотвращению конфликтов, многие (не только в ЦА) видят в ИГ силу, «которая создаст и уже создает новый закон и освященный политический порядок» [Сирия зовет.., 2015, с. 2].

Таким образом, оценка событий последних лет на Ближнем Востоке, и особенно в Сирийской Арабской Республике (САР), роли в них ИГ и влияния всего этого на регион ЦА представляет интерес в плане понимания фактора радикального ислама как на постсоветском пространстве, так и в Европе, где этот феномен получил развитие вследствие инициированного «арабской весной» затянувшегося кризиса на Ближнем Востоке.

ИГ, конфликт в Сирии и ситуация в Афганистане versus ЦА

В Сирии военный конфликт, переросший в гражданскую войну, продолжается уже более пяти лет, оставаясь главной темой мировых новостей. И это неудивительно, поскольку зародившийся как локальный этот конфликт со временем превратился в международный. И дело здесь не только в том, что в урегулировании данного конфликта принимают участие мировые державы, являющиеся к тому же постоянными членами Совета Безопасности ООН. Серьезность ситуации состоит в том, что сирийская война так или иначе оказала и продолжает оказывать влияние на другие (помимо Ближнего Востока) регионы, включая и постсоветскую Центральную Азию. А та роль, которую в конфликте играет ставшая уже транснациональной группировка ИГ, придает ему особое значение.

Выступления оппозиции в Сирии начались еще в феврале 2011 г. Первоначально конфликт зарождался как сугубо внутренний – оппозиционные силы были недовольны всевластием правящей партии Арабского социалистического возрождения (БААС) и ее структур во главе с президентом Б. Асадом. Его оппоненты (в числе которых была и разгромленная режимом, но не ушедшая с политической арены Сирии организация «Братьев-мусульман») имели особые претензии к тому, что фактически все руководящие посты в стране занимали представители религиозного течения алавитов, к которым принадлежит и Б. Асад.

Сирийский конфликт возник в ходе «арабской весны», является ее частью, но обладает собственной спецификой. Как отмечает один из авторов коллективного труда «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка» Б. Долгов, «в таких странах, как Тунис, Египет, Йемен, причинами социального взрыва... были внутренние факторы... Что же касается Сирии, то здесь... главными причинами продолжающегося кризиса являются внешние факторы» [Долгов, 2015, с. 401].

Действительно, о своей поддержке сирийской оппозиции, которая в ноябре 2012 г. объединилась в Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС), объявили США, Турция, а также большинство стран ЕС, включая Англию и Францию. А арабские монархии Персидского залива, прежде всего Саудовская Аравия и Катар, вообще признали НКСРОС в качестве законного представителя сирийского народа [Сирия: В чем суть..., 2013].

Введение в сирийский конфликт Военно-космических сил РФ (ВКС), которые были приглашены в Сирию по просьбе президента Б. Асада и приступили 30 сентября 2015 г. к бомбардировкам позиций террористических организаций на территории этой ближневосточной страны, кардинальным образом изменило общую ситуацию в регионе. Был в какой-то мере восстановлен баланс сил между сторонами противостояния и восполнен определенный дефицит в живой силе и технике правительственных войск, верных президенту Сирии. Преимущество в воздухе стало основным фактором приобретения армией САР стратегической инициативы, что

серьезно изменило расстановку сил в конфликте [Сатановский, 2016 а].

Однако сохранилась одна из его наиболее серьезных движущих сил – радикальные исламистские структуры, в первую очередь «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра» (запрещены в России), продолжившие свою активную и деструктивную деятельность.

Что касается «Джабхат ан-Нусры», то ей удалось приобрести характер самой влиятельной после ИГ группировки, воюющей в Сирии. Эта террористическая структура возникла в январе 2012 г. при прямой поддержке иракской ячейки «Аль-Каиды» (запрещена в России) – организации «Исламское государство в Ираке», которой на тот момент руководил Абу Бакр аль-Багдади. Цель создания подобной структуры была в том, чтобы объединить разрозненные джихадистские группы в Сирии в одну боевую организацию. Признанным лидером «Джабхат ан-Нусры» стал Абу Мухаммад аль-Джулани, под руководством которого данная террористическая структура превратилась в одно из самых боеспособных формирований террористов в Сирии [Гасымов, 2015].

Но безусловным «лидером» во всех подобных процессах продолжает оставаться ИГ. По мнению авторов доклада международного дискуссионного клуба «Валдай» «Ближний Восток в эпоху испытаний: Травмы прошлого и вызовы будущего», «идейная привлекательность, а также широкое территориальное присутствие в Ираке и Сирии, дали возможность ДАИШ выйти за рамки обычной террористической организации... Задача ДАИШ заключается в использовании насилия для изменения общества» [Ближний Восток., 2016, с. 17].

ИГ четко структурировано. Роль своеобразного халифа в нем играет уже упоминавшийся Абу Бакр аль-Багдади. В ИГ есть свое правительство, национальное собрание, наделенное функцией представительного органа, а также совещательный, или консультативный, совет – шура. Есть и высший судебный орган – шариатский суд. Все это придает созданному ИГ псевдогосударственному образованию видимость институционализации, которая проявляется в попытках формализировать, закрепить в обществе базирую-

щиеся на религиозной основе нормы права и морали. Этим ИГ отличается от других подобных ему радикально-исламистских структур, что делает его несравненно более опасным.

В настоящее время, по данным ООН, на верность ИГ присягнуло более 30 исламистских группировок по всему миру, действующих в том числе и в регионе ЦА, и в Афганистане. В докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна отмечалось, что из всех центральноазиатских стран наибольшую угрозу ИГ в данном сегменте несет Узбекистану [Пан Ги Мун., 2016]. Тревогу вызывает и то, что ряды ИГ расширяются, и на место боевиков ИГ, погибших в Сирии и других «горячих точках», приходит новое пополнение. По данным частной аналитической компании «The Soufan Group» (SG), в одной только Сирии в рядах ИГ воюет порядка 12 тыс. иностранных бойцов из 81 страны. Число прибывших из республик бывшего Советского Союза составляет 4,7 тыс. человек. Что касается республик ЦА, то, по данным на 2015 г., в рядах ИГ воевало порядка 300 выходцев из Казахстана, 500 – из Кыргызстана, 386 – из Таджикистана, 360 – из Туркменистана и около 500 – из Узбекистана [Foreign fighters., 2015, p. 9–10]. Таким образом, ИГ получило подпитку своей разрушительной деятельности со стороны сотен и даже тысяч иностранных приверженцев, в числе которых находились и выходцы из региона ЦА.

В январе 2015 г. присяга (байа) на верность ИГ прозвучала от ряда представителей крупнейшего объединения Южной и Центральной Азии – движения «Талибан». Вскоре было объявлено и о создании в Афганистане своеобразной провинции (вилаята) ИГ – Хорасана, границы которого ИГ рисует по территории Афганистана и Пакистана, а также по прилегающим к этим государствам районам Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, СУАР), Индии (северный штат Джамма и Кашмир) и Бангладеш [Хорасан, 2016]. По сути, Хорасан представляет собой некую виртуальную реальность, являясь конгломератом рассеянных на большом пространстве автономных образований, каждое из которых усматривает в сотрудничестве с ИГ возможность для осуществления собственных целей.

Управление вилайетом Хорасан осуществляет совет (шура), главное достоинство которого, с точки зрения руководства ИГ, состоит в возможности рекрутировать в короткие сроки в ряды террористической структуры новых боевиков [Zahid, Khan, 2016]. Причиной, по которой в рядах ИГ в Афганистане оказалось большое число выходцев из ЦА, объясняется тем, что талибы являются в основном пуштунами, а представители этнических меньшинств (узбеки, таджики, уйгуры, туркмены) в Афганистане и Пакистане испытывали на себе давление своеобразного «пуштунского шовинизма» внутри «Талибана». Поэтому-то «центральноазиаты» легко пошли на сотрудничество с ИГ, став своего рода мобилизационным ядром этой структуры в регионе ЦА и в афгано-пакистанской конфликтной зоне [Лукиянов, 2016].

Разумеется, разнообразные союзы и коалиции под эгидой ИГ едва ли стоит воспринимать как альянсы единомышленников, сплоченных общей идеей: все движения и организации, присягнувшие на верность ИГ, разрозненны и разобщены, в том числе по причине серьезных внутренних разногласий и противоречий. Так, в августе 2016 г. упоминавшаяся выше террористическая организация «Джабхат ан-Нусра» объявила о том, что более не является ячейкой «Аль-Каиды» и будет теперь действовать самостоятельно и под новым названием – «Джабхат Фатх аш-Шам» (Фронт помощи народу аш-Шама) (в России данная структура тоже признана террористической). Об этом объявил лидер организации Абу Мухаммад аль-Джулани. Этим обозначился и определенный раскол внутри союзников ИГ, хотя, как отмечают многие эксперты, говорить о серьезном кризисе в данном сегменте радикального исламизма преждевременно [Атасунцев, Крючков, 2016].

Большое значение в данном контексте имеют вопросы о причинах продолжающегося функционирования ИГ и почему в ряды ИГ вовлекаются все новые сторонники из разных стран. По нашему мнению, для Европы одной из важнейших причин является общий кризис духовной культуры постиндустриального общества, на фоне которого возрастает привлекательность ислама, пусть даже в его радикально-экстремистском обличье. Так, во Франции в деятельности организаций исламистского толка стали

принимать участие молодые люди – выходцы из семей, принадлежащих к среднему классу (около 67%), представители которого на 80% позиционировали себя как атеисты [Rapport: Pourquoi..., 2014].

Есть и социальная причина. Как известно, на Западе степень интеграции в общество мусульманской молодежи, особенно мигрантов, крайне низкая. В результате неблагополучные подростки из бедных кварталов становятся легкой добычей для вербовщиков ИГ. Здесь также имеет место определенная романтика исламского братства, принадлежности к высокой идее и т.д. [Topping, Halliday, 2015].

Немаловажным фактором является и эффективность исламистской пропаганды, особенно со стороны ИГ. Вербовщики этой структуры апеллируют к самым разным мотивам, которыми руководствуются молодые люди. Но большинство жертв ИГ – молодые маргиналы европейских и ближневосточных городов и мегаполисов: осилившие только начальные ступени образования и не стремящиеся продолжить его, перебивающиеся сезонной работой или не имеющие даже и таковой, они располагаются на самой низшей ступени (на «дне») общества [Barluet, 2015]. Учитывают вербовщики ИГ и такие распространенные настроения, как неприязнь к армии и службам безопасности, враждебное восприятие любой связанной с государством структуры и ее «начальства», женоненавистничество и пр. [Nembrey, 2015].

Неудивительно, что проблеме ИГ уделяется все большее внимание не только в Европе, но и в России. Так, 16 октября 2015 г. президент РФ В.В. Путин в ходе заседания Совета глав государств СНГ заявил: «По разным оценкам, на стороне ИГ уже воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ. И мы, конечно, не можем допустить, чтобы они полученный сегодня в Сирии опыт позднее применяли бы у нас дома» [Заседание Совета..., 2015].

В рядах ИГ воюет и большое количество европейцев. По данным исследовательской службы Конгресса США, на апрель 2015 г. в рядах этой террористической структуры воевали около 4000–5000 европейцев [European fighters..., 2015, p. 1]. А еврокомиссар по

вопросам правосудия В. Юрова приводит еще более высокие цифры за тот же период – 5000–6000 человек [Jourova, 2015].

Что касается своеобразного рейтинга европейских государств по числу их граждан, примкнувших к ИГ, то здесь на первом месте стоит Франция, далее Великобритания, немецкоязычные государства (прежде всего Германия и Австрия). Правда, тут определенную роль играет связь потенциальных боевиков с прежними странами проживания. Значительная часть террористов с австрийским гражданством происходит из чеченского или боснийского национальных сообществ [Казанцев, 2016, с. 19]. Таким образом, очевидно, что проблема, связанная с вербовкой новобранцев в ряды ИГ, является актуальной и для Европы.

Рассмотрим эту проблему подробнее применительно к региону ЦА.

Радикализация ислама в ЦА

Одной из главных угроз современности является терроризм, основным действующим лицом которого в последнее время стало ИГ. К сожалению, в орбиту активности данной структуры попали и государства постсоветской Центральной Азии.

Этот регион, называвшийся в советские времена Средней Азией (этот термин часто употребляется и в наши дни для придания более четкого очертания географическим рамкам региона, включающего теперь пять независимых республик, входивших до распада СССР в его состав), – крайне проблемный. Многие его болевые точки формировались на протяжении длительного исторического периода. Начало современному развитию центральноазиатских государств дал распад СССР в 1991 г. После этого руководство стран региона столкнулось не только с валом серьезнейших социально-экономических и политических проблем, но и с ростом религиозных настроений. Одновременно по всему региону, за исключением некоторых центров (как правило, столиц или крупных городов), быстрыми темпами шло обнищание населения. С каждым годом возрастала трудовая миграция в более богатые города России и Казахстана, особенно из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Во всех пяти государствах постсоветской ЦА рели-

гия и религиозные структуры стали заполнять вакуум, возникший на месте некогда господствовавшей в СССР коммунистической идеологии. Процесс получил развитие главным образом вследствие социальной незащищенности основной массы населения, падения его доверия к органам государственной власти. На этом фоне особенно заманчиво выглядели агитационные обращения ИГ, в которых подчеркивалось, что самопровозглашенное «Исламское государство» нуждается не только в бойцах, но и в медсестрах, инженерах, учителях, т.е. в людях тех социальных категорий, которым не нашлось места в независимых, но обедневших государствах ЦА [«Исламское государство» начало., 2016].

Среди десятков тысяч боевиков ИГ выходцы из ЦА пока составляют лишь небольшую часть – цифры колеблются от 2000 до 4000 человек [Растущее число., 2015]. Тем не менее в Сирии погибли уже десятки (если не сотни) прибывших из этого региона, и об их смерти родственники нередко узнают из соцсетей или по телефону. Что касается отдельных этнических групп, то наибольший процент среди выходцев из ЦА в рядах ИГ составляют узбеки (причем как граждане Узбекистана, так и узбеки, живущие на юге Кыргызстана – в Ферганской долине, особенно в районе города Ош). В Таджикистане вербовка боевиков в ряды ИГ для отправки в Сирию наиболее активно ведется в Согдийской и Хатлонской областях; лишь из одного села Чоркишлок Исфаринского района Согдийской области Таджикистана в сентябре 2014 г. в Сирию уехали около 20 человек [Чоркишлок., 2014].

Проблема противодействия террористам в ЦА состоит еще и в том, что силовики (особенно это характерно для Таджикистана и Кыргызстана) зачастую имеют весьма ограниченные возможности для выявления вербовщиков ИГ. Ежегодно десятки молодых людей уезжают из стран ЦА на обучение или стажировку в религиозные школы и вузы Египта, Саудовской Аравии, Бангладеш, а в последние годы и Катара. Там они становятся легкой добычей для различных джихадистских агитаторов и по возвращении на родину сами вербуют новых рекрутов для ИГ. Однако в ЦА в условиях светских режимов ячейки вербовщиков относительно немногочисленны и жестко засекречены. Как правило, агитация ведется в ос-

новном среди посещающих мечети, где формируются отдельные небольшие группы из числа верующих, готовых разделить идеи ИГ. При этом не каждый член группы знает о планах других участников или о связях отдельных участников группы с исламистами, воюющими с правительственными войсками в Сирии. Так, в одной опшской женской группе молящихся, насчитывающей до 30 участниц, лишь несколько человек выразили желание отправиться в Сирию, в то время как остальным ничего не было известно об их планах.

В Кыргызстане и Казахстане ячейки вербовщиков действуют даже несмотря на то, что силовые структуры до определенной степени осведомлены об агитации исламистов. Такие международные религиозные объединения, запрещенные по обвинению в террористической деятельности в России, Казахстане и ряде других государств, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения) и «Джамаат Таблиг» («Пропаганда веры»), пока играют в ЦА лишь вспомогательную роль, однако это не исключает радикализации их приверженцев. Ни одна из этих двух структур, по всей видимости, не участвует напрямую в вербовке в Сирию. Однако можно предположить, что иногда они непреднамеренно становятся тем промежуточным звеном, которое открывает дорогу к насилию под религиозными лозунгами. Члены «Джамаат Таблиг», как правило, отрицают участие своей организации в призывах к джихаду. В то же время один из ведущих членов «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», действующей на юге Кыргызстана, заявил, что не осуждает джихадистов и что участие в джихаде – «личный выбор каждого» [Сирия зовет..., 2015, с. 7].

Определенные опасения вызывает и тот факт, что в связи с эскалацией конфликта в Сирии, где велики роль и влияние ИГ, в ЦА активизировались региональные террористические структуры. Одной из них является Исламское движение Узбекистана (ИДУ) (другое название – Исламская партия Туркестана (ИПТ)), созданное в 1996 г. Тахиром Юлдашевым (Мухаммад Тахир Фарук), который погиб в августе 2009 г. в Пакистане в результате авианалета. После смерти своего главаря ИДУ несколько ослабло, но тем не менее сохранило свою структуру. Под контролем ИДУ находится ряд группировок, в частности «Джамаат Ансарулла», созданная в 2010 г.

участником ИДУ А. Табаровым (известен также как мулла Амридин, командующий антиправительственными войсками во время гражданской войны в Таджикистане в 1992–1997 гг.; в январе 2016 г. министр внутренних дел Таджикистана Р. Рахимзода сообщил о ликвидации А. Табарова) [В Афганистане убит., 2016]. Новым главой ИДУ стал Усман Адил, который погиб в 2012 г. на территории Афганистана. После его смерти структуру возглавил Усман Гази, по инициативе которого в марте 2015 г. группировка принесла присягу представителю ИГ в провинции Хорасан Хафизу Саиду Хану. В итоге ИДУ стало играть роль некоего посредника между боевиками, которые получают первичный опыт в Афганистане и Пакистане, и теми, кто потом уже окончательно оттачивает свой боевой опыт в Сирии.

Еще одной немаловажной проблемой для ЦА является возвращение домой боевиков, воевавших в рядах ИГ в Сирии, что в перспективе может дестабилизировать всю ситуацию в регионе. Это отмечается даже на уровне официальных лиц. В частности, генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Н. Бордюжа заявил: «У нас есть информация, что на территории Афганистана уже сегодня есть вооруженные отряды из числа выходцев из наших государств, которые просто ждут команды для начала активной деятельности по дестабилизации обстановки в наших странах» [Бордюжа., 2014].

То, что джихадисты планируют активизировать свою деятельность – вплоть до свержения правительств в центральноазиатских государствах, – подтвердилось рядом уголовных дел, в частности в Таджикистане и Кыргызстане, где были раскрыты заговоры, предполагавшие взрывы бомб в Бишкеке и Душанбе, а также подрывы стратегически важных дорожных туннелей в горах Таджикистана [Zenn, 2013].

Нельзя не отметить, что правительства стран ЦА в целом достаточно жестко реагируют на негативные тенденции, связанные с активизацией радикального исламизма. Так, в Таджикистане и Казахстане была введена уголовная ответственность за участие в боевых действиях за границей. Соответствующие изменения были внесены в Уголовные кодексы Таджикистана и Казахстана в июле

2014 г. [Закон Республики Таджикистан., 2014; Назарбаев подписал., 2014]. Узбекистан ужесточил наказание для граждан, которые прошли обучение и подготовку в лагерях террористов за пределами страны.

Закон, подписанный бывшим президентом Узбекистана И. Каримовым, предусматривает наказание в виде штрафа в размере шестисот минимальных размеров заработной платы (это около 58 млн сумов, или 900 тыс. руб.) либо лишение свободы на срок до семи лет. Помимо этого в Уголовный кодекс Узбекистана была внесена поправка, предусматривающая уголовную ответственность за недонесение о готовящемся теракте. Наказание за это не менее строгое: от пяти до семи лет лишения свободы [Кожемякин, 2014]. Все эти факты четко свидетельствуют о том, что республики ЦА осознали огромную опасность, которая исходит от базирующихся в САР экстремистов ИГ, и полны решимости противостоять распространению их влияния.

Да и сами события военного конфликта в Сирии оказывают все большее воздействие на государства центральноазиатского региона. Не секрет, что, например, северо-западная часть Сирии, в частности районы близ г. Алеппо, является местом наибольшей активности различных террористических групп, включая ИГ, в рядах которых сражаются выходцы из стран СНГ. Сам Алеппо стал ключевым опорным пунктом боевиков запрещенной в России группировки «Джабхат ан-Нусра» (новое название, как уже отмечалось выше, – «Джабхат Фатх аш-Шам»), которая вербовала и вербует новых боевиков в России, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане.

Важно, на наш взгляд, и то, что в самой Центральной Азии отношение к событиям в Сирии далеко не однозначное. Через Интернет и социальные сети во многих странах ЦА формируется негативное отношение к официальному Дамаску, его президенту Б. Асаду и поддерживающим его российским ВКС. Немаловажную роль здесь играют спонсоры сирийской оппозиции (а фактически и ИГ) – Саудовская Аравия и Катар, имеющие определенное влияние на население ЦА [Сирийская война., 2016].

ИГ прибегает к различным формам агитации в ЦА. В ход идут, например, видеоролики, распространяемые через Интернет и социальные сети, в которых отцы семейств агитируют вступать в ИГ целыми семьями. Так, в начале 2016 г. были опубликованы два видеоролика: в одном 60-летний узбекский боевик рьяно призывает узбеков всех возрастов перебираться на территории, контролируемые ИГ. Во втором два казахских боевика и их сыновья призывают мусульман Казахстана покинуть свою страну и присоединиться к ним в Сирии. Видео было выпущено медиагруппой «Furat Media», которая вещает в том числе и на русском языке. Данный канал, ролики которого активно размещаются на YouTube, стал своеобразным рупором джихадистов на русском языке [Furat Media., 2015]. Опасность подобной пропаганды очевидна: в видеороликах дается четкий посыл – семьям можно и даже нужно перебираться на территории, подконтрольные ИГ. Еще один тренд видеоагитации: в рядах ИГ воюют подростки-боевики из Центральной Азии, и даже дети младшего возраста вовлекаются в «джихад» – это нормальное явление с точки зрения авторов агитационных роликов. В одном из видеороликов маленький казах даже произносит угрозы в адрес президента Н.А. Назарбаева. Не последнюю роль в подобной пропаганде играет служба Telegram, что также служит подтверждением тезиса о широком распространении идей ИГ в СМИ [Паражчук, 2016].

При этом в последнее время набирает силу и другая тенденция, о которой уже говорилось выше, – после ряда поражений ИГ и связанных с ним структур, в том числе из-за успешных действий ВКС России в Сирии, многие боевики, ранее воевавшие в рядах исламистов, начинают возвращаться на родину, что грозит изменить более или менее благополучную ситуацию в регионе на крайне неблагоприятную: к озлобленным вернувшимся мигрантам, которые по тем или иным причинам не смогли обустроиться вне своей страны, добавляется «горючий материал» – бывшие боевики, имеющие немалый опыт участия в боевых действиях, в основной массе не видевшие в жизни ничего, кроме войны, и априори ненавидящие любую власть, особенно светскую.

В этой связи стоит обратить внимание на негативное влияние, которое некоторые страны Персидского залива оказывают на религиозную ситуацию в ЦА. Известно, например, что в Саудовской Аравии живет большая группа потомков этнических узбеков. Часть их переселилась на Аравийский полуостров после подавления в царской России восстания 1916 г., а часть бежала в этот ближневосточный регион в 1930-е годы, после того как советская власть разгромила в Туркестане басмаческое движение. Своеобразный ренессанс обосновавшихся на Ближнем Востоке выходцев из ЦА пришелся на 1980-е годы. Именно тогда саудиты активно задействовали потомков тех первых переселенцев для борьбы с советскими войсками в Афганистане, которые, как известно, были выведены оттуда в 1989 г. Однако каналы взаимодействия между этническими узбеками и таджиками, оказавшимися по разные стороны границы, уже были налажены, и по этим каналам саудовские эмиссары стали активно проникать в страны постсоветской ЦА.

Что касается Сирии, то планировавшуюся здесь саудовскими властями смену режима – замену клана Асадов на просаудовских суннитских политиков – не удалось осуществить, во-первых, из-за того, что армия и спецслужбы остались верны сирийскому президенту, и, во-вторых, благодаря помощи, оказанной Сирии со стороны России и ее ВКС, что позволило законной сирийской власти не только держаться на плаву, но и успешно отражать атаки поддерживаемых Саудовской Аравией террористических групп. Однако угроза нанесения России очередного «удара в спину» – через дестабилизацию обстановки в ЦА руками боевиков, ранее получивших богатый боевой опыт в войне в Сирии, – по-прежнему сохраняется. По мнению российского востоковеда Е. Сатановского, «приближение “центральноазиатской весны” может значительно повысить уровень угрозы для Москвы, Астаны, Ташкента со стороны Эр-Рияда» [Сатановский, 2016 б].

Нельзя забывать и о таком факторе, во многом определяющем геополитическую обстановку в ЦА, как движение «Талибан», которое вопреки ожиданиям несколько не ослабило своего давления на регион. В конце мая 2016 г. появилась информация о гибели лидера «Талибана» муллы Ахтара Мухаммада Мансура на границе

Афганистана и Пакистана. Новым руководителем движения через несколько дней был объявлен богослов Хайбатулла Ахундзада (в связи с его фамилией было много разговоров о его таджикском происхождении, но многие специалисты по Афганистану, например Омар Нессер, считают это маловероятным – у пуштунов в Афганистане бывают таджикские имена) [Крючков, 2016]. «Талибан» в итоге оправился от перенесенных потрясений и уже в начале октября 2016 г. развернул массированное наступление на г. Кундуз в одноименной провинции на севере Афганистана. Талибы в 2015 г. уже захватывали этот город и даже удерживали в течение нескольких дней. Безусловно, данная ситуация наряду с ростом влияния ИГ в регионе и боевиками, возвращающимися домой с войны в Сирии, еще больше дестабилизирует ситуацию в ЦА.

Да и число боевиков «Исламского государства» в Афганистане также неуклонно возрастает, что представляет для ЦА несомненную угрозу. Как отмечает директор Второго департамента Азии МИД РФ З. Кабулов, «в Афганистане более 10 тысяч боевиков “Исламского государства”». Но год назад была максимум сотня игиловцев. Такие темпы роста за год впечатляют. Афганское крыло ИГ однозначно заточено под Среднюю Азию, среди них порой рабочий язык даже русский. Их однозначно готовят для Средней Азии, для России» [Афганское крыло., 2016].

Таким образом, регион ЦА с разных сторон зажат между различными экстремистскими структурами, и между пятью центральноазиатскими странами, несмотря на некоторые общие тенденции, наблюдаются определенные различия в плане борьбы и противодействия негативным проявлениям радикального исламизма.

Воздействие сирийского кризиса и ИГ на ЦА: страновое измерение

В каждой республике ЦА радикализация религиозной сферы проявлялась по-разному. В наибольшей степени этому явлению оказались подвержены Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, в меньшей степени – Казахстан и Туркменистан. Но во всех странах рост радикальных настроений, спровоцированных, в числе проче-

го, конфликтом в Сирии и влиянием ИГ, так или иначе имел место, что побуждало власти к жесткому противодействию.

Республика Казахстан

Республика Казахстан (РК) традиционно считалась практически самой спокойной страной в регионе. Казахстан избежал каких-то серьезных кризисных потрясений и конфликтов – в отличие от Таджикистана с его гражданской войной 1992–1997 гг., Узбекистана, где в 2005 г. имели место столкновения на религиозной и этнической почве в Андижане, или же Кыргызстана, пережившего два государственных переворота в 2005 и 2010 гг., а также массовые этнические столкновения на юге страны вслед за «революцией» 2010 г.

Все 25 лет независимости Казахстаном бесменно управляет первый и пока единственный президент Н.А. Назарбаев. Казахстан не граничит с Афганистаном, что в контексте ситуации в ЦА является фактором стабильности. За годы независимого развития стране удалось добиться устойчивого экономического роста, а обладание весомыми запасами стратегически важных природных ресурсов (прежде всего нефть, газ и уран) позволяет решать и экономические, и социальные проблемы.

Но последние годы показали, что в Казахстане не все так гладко, как это кажется на первый взгляд. С 2008 г. в Мангистауской области перманентными стали выступления нефтяников, которые избрали город Жанаозень основным центром своих социальных протестов. Обращает на себя внимание и то, что в последнее время протестные настроения в Казахстане приобретают не только социальный, но и религиозный характер. Это говорит о том, что при всем стремлении властей не афишировать проблему религиозного экстремизма она становится для Казахстана весьма актуальной.

Нельзя сказать, что для противодействия этой угрозе в Казахстане ничего не делается. В республике принята Госпрограмма по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом на 2013–2017 гг. На ее реализацию из бюджета РК планировалось потратить около 196 млрд тенге (более 1,5 млрд долл. США). Что касается информа-

ционно-пропагандистской работы в рамках этой программы, то ею охвачено уже более 200 тыс. человек [Около 200 млрд тенге., 2013].

Казахстан является страной с доминирующим мусульманским большинством, где более 70% населения причисляют себя к последователям ислама [Итоги национальной переписи., 2011, с. 25]. Однако нужно заметить, что в отличие от многих стран с мусульманским большинством, в том числе от соседей по региону ЦА, в Казахстане радикальные религиозные идеи распространены достаточно слабо. Так, только около 2% мусульман допускают, что нападения на граждан в целях защиты ислама могут быть оправданы, а 10% хотят, чтобы шариат в стране стал официальным (в Кыргызстане, например, эти цифры – 10 и 35% соответственно) [The world's Muslims., 2013, p. 15, 29].

Тем не менее в Казахстане имеются определенные внутренние предпосылки для радикализации граждан на мусульманской почве. Так, по данным на 2015 г., более 500 человек находятся в исправительных учреждениях республики по обвинению в терроризме и причастности к религиозным экстремистским организациям; не менее 300 казахстанцев выехали на территории Сирии и Ирака, где влились в ряды ИГ [В Казахстане сотни., 2013]. При этом, правда, стоит добавить, что большая часть казахстанцев – членов экстремистских организаций, действующих на Ближнем Востоке, прошла процесс радикализации у себя на родине: они не участвовали в каких-либо международных террористических организациях, не приобретали боевого опыта в зоне военных конфликтов, например на территории Афганистана, Чечни или бывшей Югославии.

Здесь нужно отметить, что в целом в Казахстане наблюдалось даже снижение уровня насильственного экстремизма. Так, в публикуемом с 2002 г. американским Институтом экономики и мира Глобальном индексе терроризма фиксируется, что в Казахстане в период с 2012 по 2015 г. влияние терроризма снизилось с 2,8 балла (47-е место из 162) до 1,9 балла (83-е место) [Global terrorism., 2012, p. 4; Global terrorism., 2015, p. 10]. Это, однако, не означает, что террористическая угроза перестала быть актуальной для Казахстана, особенно на фоне последних событий в Сирии и глобального роста

джихадистских настроений. Поэтому возникает закономерный вопрос о причинах роста экстремизма в этой внешне благополучной центральноазиатской стране.

На официальном уровне казахстанские власти ссылаются на ряд внешних и внутренних факторов: близость Казахстана к очагам вооруженных конфликтов с участием радикальных религиозных группировок, интернет-пропаганда экстремизма из-за рубежа, сложные социально-экономические проблемы внутри страны и низкий уровень религиозной грамотности населения [Государственная программа..., 2013]. Казахские политологи М. Шибутов и В. Абрамов основное внимание акцентируют на внутренних факторах – в частности, на общем процессе исламизации населения, росте социального неравенства, низких доходах населения, падении уровня профессионализма в правоохранительных структурах [Шибутов, Абрамов, 2012].

К этому можно добавить и такую проблему современного Казахстана, как явно обозначившийся процесс сращивания криминальных структур с джихадистским подпольем, например, в плане совместного использования рынка оружия. Говорить, что процесс этот полностью завершился, на наш взгляд, пока преждевременно, но в целом подобные явления должны стать предметом специального исследования.

Еще в 2011 г. в Актюбинской области была проведена контр-террористическая операция, в ходе которой девять экстремистов погибли при перестрелке со спецназом. Тогда власти объявили, что все экстремисты были приверженцами радикального ислама, но при этом не брезговали и криминалом – торговали нефтью, которую добывали, делая незаконные врезки в трубопроводы. В последние годы власти вынуждены были подтвердить, что экстремисты действительно получают прибыль от нелегальной торговли нефтью. Помимо этого источника дохода использовался и амалият (араб. «военный трофей»): этим термином исламисты-радикалы на Ближнем Востоке называют изъятие имущества у неверных для нужд джихада [Исаев, 2016]. Громкое дело, связанное с криминалом такого рода, имело место в том же 2011 г. в Атырауской области, где было задержано несколько десятков экстремистов. Нужно заметить,

что своеобразной «школой» для экстремистов в Казахстане все чаще становятся исправительные учреждения: большинство участников экстремистских объединений были ранее судимыми, отбывшими наказание в местах лишения свободы.

Центром деятельности джихадистов, налаживающих связи с криминальными структурами, становится Актюбинская область (Западный Казахстан). Там экстремисты постепенно приобретают статус реальной политической силы, обладающей собственной экономической базой и практикой «решения вопросов» [Широков, 2016 а]. И это не просто внутренняя проблема Казахстана. Опыт Ближнего Востока свидетельствует о том, что при определенных условиях региональные противоречия могут обернуться затяжным кровопролитным конфликтом.

По мысли казахстанского социолога С. Бейсембаева, сплетение криминала с радикальной идеологией «является социальным феноменом, требующим длительного изучения и всестороннего анализа. При анализе данной проблематики следует учитывать также другой аспект, связанный с молодежной криминальной субкультурой, выступающей почвой для сращивания криминала и джихадистской идеологии» [Бейсембаев, 2016]. И, добавим, также безусловно необходимы целые программы по декриминализации населения, в особенности молодежи.

События последнего времени свидетельствуют о том, что Казахстан постепенно утрачивает статус самой благополучной, с точки зрения противодействия радикальному исламу, республики ЦА, а хрупкий мир в Казахстане подвергается разнообразным испытаниям на прочность. Так, в феврале 2016 г. массовые беспорядки на межнациональной почве (между местными турками и казахами) вспыхнули в Жамбылской области на юге Казахстана, где по тревоге даже были подняты войска [На юге Казахстана., 2016]. В конце июля – начале августа 2016 г. столкновения произошли уже в г. Чимкенте – теперь между таджиками и казахами (после того, как таджикский мальчик был обвинен в попытке изнасилования казахской девочки). Все эти события не имели явно выраженного религиозного характера, а представляли собой скорее этносоциальные противоречия. Но в условиях неустойчивого положения в

стране подобные события могут быть использованы в том числе и религиозными экстремистами.

В качестве примера можно привести события мая 2016 г., когда в некоторых городах Казахстана, включая и столицу – Астану, произошли массовые беспорядки. Их участники выступили с протестом против внесения новых поправок в Земельный кодекс республики (некоторые средства массовой информации назвали это «битвой за землю») [Гришин, 2016]. Власти квалифицировали беспорядки как попытку государственного переворота, объявив позднее, что в Алма-Ате были обнаружены схроны с оружием, «коктейлями Молотова» и другими боеприпасами. В связи с массовостью протестных выступлений СМИ заговорили даже о «казахстанском майдане». Однако власти предприняли решительные превентивные меры, было задержано несколько десятков человек. «Цветная революция» в Казахстане не прошла, что говорит об эффективности государственных и правоохранительных структур республики. Тем не менее, по мысли казахстанских экспертов, из-за нерешенности ряда социальных проблем, в том числе касающихся и землепользования, подобные выступления будут повторяться [Досым Сатпаев., 2016].

Самым серьезным инцидентом, связанным с действиями экстремистского подполья в Казахстане, стали события в г. Актобе (Актюбинске) в июне 2016 г., развивавшиеся по классическим сценариям ближневосточных конфликтов времен «арабской весны» и недавних вылазок экстремистов в ряде европейских городов: 5 июня неизвестные, ограбившие до этого оружейные магазины, атаковали отделы полиции в разных частях Актобе, а позже попытались захватить заложников у расположения воинской части Национальной гвардии. В официальном заявлении МВД республики впоследствии говорилось: «Предположительно, нападавшие являются радикальными приверженцами нетрадиционных религиозных течений» [Широков, 2016 б]. Характерно, что теракт по схожему сценарию уже имел место в Казахстане в ноябре 2011 г. в г. Тараз на юге республики.

Через несколько дней по всей стране прокатилась волна арестов тех, кто подозревался в связях с экстремистами или в участии в

«группе революционных радикалов». Одновременно из Астаны стали поступать сообщения об арестах высокопоставленных чиновников по обвинению в подготовке госпереворота.

В Актобе был объявлен режим антитеррористической операции, людям даже рекомендовалось по возможности не выходить на улицу. Ситуацию взял под личный контроль президент Н.А. Назарбаев. Через несколько дней власти смогли подавить мятеж, но в целом нужно признать, что всплеск подобных радикальных настроений, безусловно, имеет далеко идущие последствия.

В организации беспорядков Комитет национальной безопасности (КНБ) Казахстана обвинил бывшего владельца завода «Шымкентпиво» Т. Тулешова, который на тот момент находился в следственном изоляторе [Спецслужбы Казахстана., 2016]. В любом случае слаженность, с которой действовали террористы, и то, что многим из них удалось уйти, свидетельствует о растущей опасности, связанной с подъемом экстремистской деятельности в Казахстане.

События в Актобе показали, что Казахстан не застрахован от действий террористического экстремистского бандподполья, а на территории страны существуют «спящие» ячейки радикалов, готовых к новым выступлениям. Многие российские эксперты указывают и на опасность действующего в Казахстане салафитского подполья, которое идейно и финансово спонсируется определенными кругами арабского Востока [Лукиянов, Яновская, 2016]. В июле 2016 г. в Казахстане вновь была предпринята попытка теракта – на этот раз уже в Алма-Ате, где нападавший пытался обстрелять здание УВД в центре города. Позднее было названо имя нападавшего – Р. Кулекбаев; он долгое время находился в местах лишения свободы, где и попал под влияние салафитов.

Тем не менее пока властям республики удастся удерживать ситуацию под контролем, но необходимо предпринять срочные меры для преодоления дальнейшего распространения подобной угрозы по всей территории республики.

Республика Узбекистан

Это крупное центральноазиатское государство имеет значительно большие по сравнению с Казахстаном предпосылки для

роста радикальных исламистских настроений. Во многом такая угроза обусловлена, во-первых, непосредственным соседством Узбекистана с Афганистаном, где узбекская диаспора по численности занимает третье место после пуштунов и таджиков. Одним из влиятельных полевых командиров в Афганистане является этнический узбек А.Р. Дустум, воевавший с советскими войсками еще в 1980-е годы прошлого века. Во-вторых, в Узбекистане существуют также исторические предпосылки религиозного сопротивления: узбеками были большинство басмачей, воевавших с советской властью в 1920-х – начале 1930-х годов XX в. В-третьих, если не в самом Узбекистане, то за его пределами – в Афганистане и Пакистане – имеются организационно сформировавшиеся структуры радикально-исламистского толка, состоящие в основном из узбеков (наиболее известный пример – Исламское движение Узбекистана (ИДУ)).

До недавнего времени властям Узбекистана удавалась достаточно действенно противостоять деятельности радикальных структур на территории страны. Руководство республики успешно выдержало испытание Баткенскими событиями 1999–2000 гг. и восстанием в Андижане в 2005 г. Неуверенность относительно будущего Узбекистана возникла в период смены власти в этой стране, вслед за кончиной в начале сентября 2016 г. первого президента республики Ислама Каримова. Но пока все говорит о том, что общее положение дел в Узбекистане не изменилось кардинально в худшую сторону и прогнозирувавшееся рядом экспертов «исламистское восстание», к счастью, не произошло.

Из недавних событий в республике, связанных с экстремизмом, можно выделить следующие. В августе 2016 г. в аэропорту г. Наманган задержали партию упакованных в шоколадные конфеты флеш-карт, содержавших экстремистские видеоматериалы. За год до этого, в августе 2015 г., в том же аэропорту был задержан агент, который пытался ввезти в страну пропагандистские материалы ИГ и ИДУ. По официальным данным, только в 2015 г. было выявлено более 1200 случаев попытки провоза в страну материалов экстремистского содержания. В конце апреля 2016 г. в Уголовный кодекс Узбекистана были внесены поправки, ужесточающие наказания за распространение идей религиозного экстремизма: теперь ав-

торы и распространители подобных материалов могут быть лишены свободы на срок от пяти до восьми лет [Джихад в шоколаде..., 2016].

И такое ужесточение законодательства Узбекистана не случайно. Из всех народов, проживающих в ЦА, именно узбеки сохраняют первенство по количеству участников экстремистских группировок, действующих за рубежом – от Афганистана и Пакистана до Сирии и Йемена. Одним из основных объяснений этого помимо уже озвученных выше, на наш взгляд, является то, что узбеки – самая крупная по численности этническая группа в регионе. Известно, что узбеки давно уже участвуют в боевых действиях в Сирии и Ираке, многие из них состоят в ИГ. Точное их число узнать практически невозможно, цифры разнятся от нескольких сотен до нескольких тысяч. При этом среди боевиков очень высок и уровень смертности, что еще больше затрудняет подсчеты [Панниер, Толибов, Клевцова, 2016].

Есть в Узбекистане и другая проблема. В республике, несмотря на сложившийся жесткий режим, существуют коррумпированные чиновники и военные, которые за плату фактически помогают террористам. В частности, в июле 2016 г. Маргиланский городской суд приговорил подполковника милиции О. Солиева к шести годам лишения свободы за продажу выездных виз, что позволило новобранцам ИГ отправиться в Сирию и Ирак, чтобы влиться в ряды этой транснациональной преступной группировки. Сам подполковник, что характерно, возглавлял Управление въезда, выезда и гражданства (УВВИГ) при МВД Узбекистана. Согласно официальной информации, следствие доказало, что он брал взятки от вербовщиков ИГ. Дело подполковника оказалось не единственным: вскоре уголовные дела были заведены еще против ряда сотрудников паспортных столов шести районов Ферганской области – за взятки при оформлении права выезда из Узбекистана [В Маргилане осужден..., 2016].

Конечно, пока еще неясно, каким будет дальнейшее развитие Узбекистана после смерти Ислама Каримова. Но главные вызовы остаются прежними – приграничные конфликты и влиятельное исламистское подполье, которое по-прежнему обладает в стране достаточной силой.

Республика Кыргызстан

Кыргызстан – одна из наиболее проблемных стран региона, пережившая два государственных переворота – в 2005 и 2010 гг. Сложный этнический состав населения де-факто способствует расколу страны по линии «север–юг». К этому добавляются жесткая клановость и семейственность, богатая история этнических столкновений, которые перманентно возникают со времен Ошской резни 1990 г., и непростые отношения с соседями – прежде всего с Таджикистаном и Узбекистаном, а также проблемы, связанные со значительным ростом радикальных исламистских настроений, дальнейшим падением уровня жизни, массовой миграцией, недоверием к власти, серьезным расколом в обществе.

В контексте нашей темы нужно отметить, что в Кыргызстане, не избежавшем негативных явлений, связанных с ростом исламистского экстремизма, имеется своя специфика.

Кыргызстан – единственная страна на постсоветском пространстве, где разрешена деятельность религиозного движения «Таблиг Джамаат» (иначе – «Джамаат Таблиг»). Основанное еще в 1926 г. в индийской провинции Меват богословом М.М. Ильясом, движение было запрещено во многих странах, включая и Россию (в 2009 г. решением Верховного суда РФ). Тем не менее многие видные российские востоковеды, в числе которых и член-корреспондент РАН В.В. Наумкин, считают, что экстремизм в деятельности «Джамаат Таблиг» несколько преувеличен. Эта структура, по словам Наумкина, «всегда занималась исключительно пропагандой и никогда не была замечена в каких-то террористических, экстремистских действиях» [«Таблиг Джамаат» запрещен., 2009].

В Кыргызстане за открытую деятельность «Джамаат Таблиг» выступает даже президент страны А.Ш. Атамбаев, а пост главы Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) занимает бывший «таблиговский» амир Максат ажы Токтомушев. У «таблиговцев» много последователей, их можно определить даже по одежде: мужчины носят дамбалы (серое одеяние до колен и шаровары до щиколоток), женщины – хиджабы. Конечно, в свете последних событий в Кыргызстане все больше экспертов говорят об опасности деятельности «Джамаат Таблиг». Но пока ни высшие эшелоны вла-

сти, ни сам президент, который очень любит цитировать Коран, вероятно, не готовы к тому, чтобы запретить эту организацию. По словам общественного деятеля Кыргызстана А. Турдукулова, «сам президент на протяжении последних лет пытается заигрывать с исламистами, каждый раз приводя цитаты из Корана» [Маматаев, 2016].

В последнее время республика все чаще сталкивается с возрастающей опасностью распространения влияния ИГ. 16 июля 2015 г. в центре Бишкека Государственный комитет национальной безопасности (ГКНБ) Кыргызстана провел спецоперацию, в ходе которой, по официальной версии, были убиты четыре боевика, предположительно принадлежавшие к ИГ. Лидером этой ячейки был назван гражданин Казахстана Ж. Амиров; в разгромленном здании на улице Темирова был найден черный флаг ИГ [Кыргызстан., 2015].

В июне 2016 г. в Бишкеке были задержаны четверо членов экстремистской организации «Жайшуль Махди» («Армия праведного искупителя ислама», или «Армия праведного правителя»). Эта организация уже давно занимается в Кыргызстане террористической деятельностью (крупный теракт был осуществлен ею 30 ноября 2010 г. у Дворца спорта в Бишкеке) и с 2012 г. запрещена в республике. Лидером группировки называют арестованного Б. Мамытова, которого кыргызские власти обвиняют в связях с ИГ, в подготовке и осуществлении ряда терактов, а также в разбойной деятельности, целью которой являлся сбор средств для отправки новых боевиков в Сирию [Шарипов, 2016 б].

Тем не менее, по признанию самих правоохранительных органов Кыргызстана, число граждан, которые пытаются выехать из страны для участия в боевых действиях в Сирии, остается довольно существенным. Особую значимость в данной связи приобретает Ферганская долина и ее город Ош, аэропорт которого используется экстремистами для транзита на Ближний Восток. Определенную роль в предотвращении радикализации молодежи пытается играть ДУМК, которое за один только 2015 г. провело в молодежной среде 818 мероприятий и разъяснительных бесед по предотвращению экстремизма [Шарипов, 2016 а]. Тем не менее ситуация в Кыргызстане остается напряженной, в известной мере даже взрывоопасной.

Республика Таджикистан

Таджикистан, как и Кыргызстан, принадлежит к числу наиболее проблемных стран региона ЦА. Кровавый след в новейшей истории страны оставила гражданская война 1992–1997 гг., последствия которой до сих пор не преодолены полностью. Крайне низкий уровень жизни, катастрофическая нехватка рабочих мест, массовая трудовая миграция – вот далеко не полный перечень тех социальных проблем, которые имеют место в республике. Есть и другие сложности: непростые отношения с соседями (особенно с Узбекистаном), нерешенные пограничные споры, огромная для маленькой страны (около 1344 км) и плохо защищенная граница с Афганистаном (притом что таджики – второй по численности после пуштунов этнос, проживающий в основном на севере Афганистана, вблизи границы с Таджикистаном по реке Пяндж). В Таджикистане сильны исламские традиции, хотя власти повсеместно пытаются их сдерживать – запрещены хиджабы, госслужащие в рабочее время не имеют права осуществлять намаз, ношение бороды разрешено только с 45 лет.

До недавнего времени Таджикистан был единственным государством в регионе и одним из немногих в мире, где была официально зарегистрирована исламская партия – Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), несколько представителей которой даже были в высшем законодательном органе республики. Но в августе 2015 г. ПИВТ была запрещена, что в сентябре 2015 г. спровоцировало мятеж, который возглавил замминистра обороны Таджикистана А. Назарзода, в бытность свою в роли полевого командира Объединенной таджикской оппозиции (в годы гражданской войны) именовавшийся Х. Халимом. Мятеж Назарзоды был подавлен, но эти события обозначили целый комплекс проблем, требующих внимания. Как показала дальнейшая практика, простым директивным запрещением ПИВТ проблема религиозного экстремизма не решается.

Таджикистан, как и другие государства ЦА, ощущает негативное влияние сирийского конфликта и деятельности «Исламского государства». Влияние ИГ, особенно на молодых таджиков, к сожалению, продолжает неуклонно расти. Так, в мае 2016 г. был

вынесен приговор двум сторонникам ИГ, которые обвинялись в покушении на президента страны Э. Рахмона в сентябре 2015 г. и в подготовке терактов в Худжанде и Вахдате. В мае 2016 г. также был проведен общереспубликанский референдум, по итогам которого в стране запретили создание политических партий и объединений религиозного и националистического характера [Кравченко, 2016].

Серьезную обеспокоенность вызывает то, что армия Таджикистана является самой слабой в регионе. Единственная надежда – на российскую 201-ю базу и на участие Таджикистана в ОДКБ. Но нерешенность многих внутренних проблем, в частности повальная бедность населения, создает для страны новые и новые трудности и остается питательной средой для деятельности террористов.

Власти пытаются жестко реагировать на любые попытки своих граждан вступить в контакт с радикальным исламом. В июне 2016 г. были вынесены пожизненные приговоры двум заместителям живущего в эмиграции руководителя ПИВТ М. Кабири – С. Хусайни и М. Хаиту, которые обвинялись также в причастности к мятежу А. Назарзоды. Другие члены ПИВТ были приговорены к различным (и достаточно длительным) срокам заключения [Подробности: Приговор..., 2016]. Одновременно были арестованы и многие родственники М. Кабири.

Таджикский след четко обозначился в Сирии, в рядах ИГ. Так, еще в апреле 2016 г. сообщалось о том, что в Сирии убит молодой таджик А. Азимов, которого как эмиссара «Исламского государства» подозревали в вербовке сотен своих земляков в ряды данной организации [В Сирии убит..., 2016].

Приверженность экстремистским идеям демонстрируют и представители правоохранительных структур Таджикистана. В частности, в мае 2015 г. появилась информация, что бывший командир таджикского ОМОНа полковник Г. Халимов бежал из страны и в Сирии примкнул к ИГ. Это был офицер, в течение трех лет возглавлявший республиканский ОМОН и имевший множество государственных наград. Полковника не устроило, в частности, то, что в стране мужчины не могут свободно носить бороды, а женщины – хиджабы. Через Интернет он призывал бывших сослуживцев последовать его примеру [Командир..., 2015]. Позже, после гибели вы-

ходца из Панкисского ущелья Грузии Умара аль-Шишани, который являлся одним из командующих отрядами ИГ, Г. Халимов, взявший себе прозвище аль-Таджики, занял его место. Таким образом, выходцы из Таджикистана уже начали своеобразное восхождение по карьерной лестнице внутри ИГ, что создает для республики еще большую опасность.

В августе 2016 г. на севере Таджикистана, в Худжанде, были задержаны 30 человек по обвинению в терроризме и экстремизме. А в общей сложности, по информации правоохранительных органов Таджикистана, на севере республики были задержаны около 460 человек по обвинению в связях с запрещенными в стране экстремистскими организациями «Салафия» и «Хизб ут-Тахрир» [В Худжанде 30 человек., 2016]. Тогда же на учет в Худжанде взяли 643 женщин и девушек, носивших диктуемые исламским канонами специальные одежды («сатри аврат») [В городе Худжанде., 2016]. Кроме того, в республике госслужащим запретили посещать пятничные молитвы, а более 1500 мечетей по всей стране были либо снесены, либо отданы под места общественного пользования.

Но, несмотря на принимаемые меры, ситуация продолжает оставаться напряженной. Так, по данным, обнародованным в конце сентября 2016 г. министром внутренних дел Таджикистана Р. Рахимзодой, с начала 2015 г. в республику было экстрадировано более 150 таджикских граждан, обвиняемых в терроризме и экстремизме и являющихся активными членами ряда террористических организаций, включая ИГ. По словам министра, на родину их вернули из России, Кыргызстана, Казахстана, Турции и Сирии. По другим данным, предоставленным правоохранительными органами Таджикистана, более 1100 граждан страны отправились в Сирию и Ирак для участия в боевых действиях, и около 300 из них погибло [В Таджикистан с 2015 года., 2016].

Республика Туркменистан

В отличие от центральноазиатских стран, о которых шла речь выше, Туркменистан избежал в своей новейшей истории каких-либо серьезных политических потрясений. Страна является крайне закрытой, и любая информация о ней носит очень скудный

характер. Официальные власти не допускают даже намека на информацию о каких-то кризисных явлениях. И тем не менее определенные проблемы, аналогичные тем, о которых в контексте нашей темы говорилось выше, здесь тоже имеются. Так, у Туркменистана достаточно протяженная (745 км) граница с Афганистаном, в котором как раз вдоль границы проживает около 1 млн этнических туркмен. Из трех стран ЦА, граничащих с Афганистаном, Туркменистан имеет наименее защищенную границу [Балиев, 2015], что порождает серьезные вызовы безопасности страны.

В феврале 2015 г. боевики ИГ и отряды талибов начали скапливаться на границе Афганистана с Туркменистаном. Основной целью игиловцев и талибов стала граничащая с Туркменистаном афганская провинция Фарьяб. В июне 2015 г. в районе туркменского поселка Тагтабазар в Марыйском вилайете произошли столкновения, в ходе которых погибли 12 туркменских военнослужащих [Ашхабад., 2015]. Таким образом, Туркменистан явно начал ощущать на себе угрозу со стороны ИГ и соседнего государства.

В мае 2016 г. на севере Афганистана вблизи границы с Туркменистаном началась операция по ликвидации боевиков, командование которой осуществлял первый заместитель президента Афганистана генерал Абдул Рашид Дустум. По его информации, операция закончилась успешно [На северо-западе Афганистана., 2016], но данный факт свидетельствует, что боевые действия в сопредельном государстве уже подошли непосредственно к границам Туркменистана.

На борьбу с экстремистскими настроениями в Туркменистане привлекли даже имамов. В середине июля 2016 г. Центральный комитет (Генгеш) по делам религий при правительстве Туркменистана разослал указание, согласно которому руководители нижестоящих советов и имамы мечетей должны усилить просветительскую работу среди прихожан и местного населения. Цель ее состоит в информировании мусульман о действиях экстремистов, которые пропагандируют продвижение радикального ислама в качестве настоящей и чистой религии [Аннаев, 2016]. Надо иметь в виду, что в Туркменистане имамы всех уровней назначаются госу-

дарством и данное указание следует в русле государственной политики по противодействию экстремистской деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что на регион ЦА оказывают серьезное воздействие многие мировые события. На этом фоне война в Сирии и связанная с ней активизация деятельности ИГ рассматриваются в ЦА как едва ли не первостепенные по значимости угрозы. От того, удастся ли странам региона создать противовес подобным угрозам, отразить вызовы радикального исламизма, зависит не только их будущее развитие, но и безопасность ЦА и всего постсоветского пространства.

Список литературы

Аннаев Д. Туркменские имамы ведут борьбу против радикального ислама // InoZpress. – Бишкек, 2016. – 17.08. – Режим доступа: <http://inozpress.kg/news/view/id/49215> (Дата обращения – 09.11.2016).

Атасунцев А., Крючков И. Передел сирийского джихада // Газета.ру. – М., 2016. – 14.08. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/13_a_10124159.shtml (Дата обращения – 09.11.2016).

Афганское крыло «Исламского государства» однозначно заточено под Среднюю Азию // CA-News. – Бишкек, 2016. – 20.04. – Режим доступа: <http://www.ca-news.org/print:1185136/> (Дата обращения – 09.11.2016).

Ашхабад: «Груз 200» // Хроника Туркменистана. – Ашхабад, 2015. – 06.07. – Режим доступа: <http://www.chrono-tm.org/2015/07/ashhabad-gruz-200> (Дата обращения – 09.11.2016).

Балиев А. Туркменистан: Угроза с юга // Фонд стратегической культуры. – М., 2015. – 28.02. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2015/02/28/turkmenistan-ugroza-s-uga-31970.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Бейсембаев С. Специфика и факторы радикализации молодежи в условиях Казахстана // Central Asian Bureau for analitical reporting. – Астана, 2016. – 27.07. – Режим доступа: <http://cabar.asia/ru/serik-bejsembaev-spetsifika-i-factory-radikalizatsii-molodezhi-v-usloviyah-kazahstana> (Дата обращения – 09.11.2016).

Ближний Восток в эпоху испытаний: Травмы прошлого и вызовы будущего / Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д.; Международный дискуссионный клуб «Валдай». – М., 2016. – 32 с. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/blizhniy-vostok-v-epokhu-ispytaniy> (Дата обращения – 09.11.2016).

Бордюжа: Боевики ИГ из стран ОДКБ могут дестабилизировать ситуацию // РИА. – М., 2014. – 28.10. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20141028/1030623357.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

В Афганистане убит лидер запрещенной таджикской группировки // Радио Азаттык. – Бишкек, 2016. – 26.01. – Режим доступа: <http://rus.azattyk.org/a/27511213.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

В городе Худжанде взяли на учет женщин, носящих сатр // Авеста. – Душанбе, 2016. – 19.08. – Режим доступа: <http://avesta.tj/2016/08/19/v-gorode-hudzhande-vzjali-na-uchet-zhenshhin-nosyashhih-satr> (Дата обращения – 09.11.2016).

В Казахстане сотни человек сидят за экстремизм и терроризм // Tengrinews. – Астана, 2013. – 26.02. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-kazahstane-sotni-chelovek-sidyat-za-ekstremizm-i-terrorizm-229238 (Дата обращения – 09.11.2016).

В Маргилане осужден милиционер, выпускавший из страны сторонников ИГ // Sputnik. – Ташкент, 2016. – 08.07. – Режим доступа: <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20160708/3260662.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

В Сирии убит таджикский эмиссар «Исламского государства» // CA-News. – Бишкек, 2016. – 22.04. – Режим доступа: <http://www.ca-news.org/print:1185458> (По подписке).

В Таджикистан с 2015 года экстрадировано более 150 членов террористических организаций // Фергана. – М., 2016. – 20.09. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/news/25354> (Дата обращения – 09.11.2016).

В Худжанде 30 человек задержаны за терроризм и экстремизм // CA-News. – Бишкек, 2016. – 19.08. – Режим доступа: <http://ca-news.org/news:1324240> (По подписке).

Гасымов К. Джихад без особых причин // Lenta.ru. – М., 2015. – 27.10. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/10/27/evilones/> (Дата обращения – 09.11.2016).

Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы // Параграф. – Астана, 2013. – 24.09. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31451218#sub_id=300 (Дата обращения – 09.11.2016).

Гришин А. Казахстан: Битва за землю // ЦентрАзия. – М., 2016. – 23.05. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1463985360> (Дата обращения – 09.11.2016).

Джихад в шоколаде: Узбекистан борется с импортом экстремизма // 365 info.kz. Аналитика. Расследования. Новости. – Бишкек, 2016. – 19.08. –

Режим доступа: <https://365info.kz/2016/08/dzhihad-vmesto-shokolada/> (Дата обращения – 09.11.2016).

Долгов Б. Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка / РАН. ИВ. – М., 2015. – С. 401–421.

Досым Сатпаев: Недовольство в Казахстане будет нарастать // EurAsia Daily. – М., 2016. – 23.05. – Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2016/05/23/dosym-satpaev-nedovolstvo-v-kazahstane-budet-narastat> (Дата обращения – 09.11.2016).

Закон Республики Таджикистан о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан // СоюзПравоИнформ. – Душанбе, 2014. – 26.07. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69815 (Дата обращения – 09.11.2016).

Заседание Совета глав государств СНГ // Президент России. – М., 2015. – 16.10. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515> (Дата обращения – 09.11.2016).

Исаев А. «Армия Махди»: Третье пришествие // Дело. – Бишкек, 2016. – 29.06. – Режим доступа: <http://delo.kg/index.php/2011-08-04-18-06-33/9604> (Дата обращения – 09.11.2016).

«Исламское государство» начало вербовать джихадистов за еду // Lenta.ru. – М., 2016. – 07.06. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/06/07/will_wage_jihad_for_food (Дата обращения – 09.11.2016).

Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года: Аналитический отчет / Агентство Республики Казахстан по статистике. – Астана, 2011. – 66 с.

Казанцев А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: Опыт Европы и перспективы России / РСМД. – М.: Спецкнига, 2016. – 40 с.

Кожемякин С. За недонесение накажут // Правда. – М., 2014. – 12.02. – Режим доступа: <https://kprf.ru/pravda/issues/2014/14/article-46631/> (Дата обращения – 09.11.2016).

Командир таджикского ОМОНа стал боевиком «Исламского государства» // LifeNews. – М., 2015. – 29.05. – Режим доступа: <http://lifenews.ru/news/154749> (Дата обращения – 09.11.2016).

Кравченко Л. Таджикистан: Очерк с российской стороны / Центр Сулакшина. – М., 2016. – 01.06. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analitics/tadjikistan-ocherk-s-rossiyskoy-storony> (Дата обращения – 09.11.2016).

Крючков И. Руководство «Талибана» меняет роли // Газета. ru. – М., 2016. – 25.05. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/25_a_8264831.shtml (Дата обращения – 09.11.2016).

Кыргызстан: Власти утверждают, что обезврежена именно ячейка ИГИЛ // EurasiaNet. – Бишкек, 2015. – 22.07. – Режим доступа: <http://russian.eurasianet.org/node/62311> (Дата обращения – 09.11.2016).

Лукиянов Г. ИГ в Афганистане: Реальная угроза для региона? // РСМД. – М., 2016. – 13.09. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8111#top-content (Дата обращения – 09.11.2016).

Лукиянов Г., Яновская М. Российский эксперт – о салафитах в Казахстане: Кто, где, когда и что делать // Фергана. – М., 2016. – 24.06. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/9006> (Дата обращения – 09.11.2016).

Маматаев А. Тихий легион: В Кыргызстане разрастается религиозное движение «Таблиг Джамаат» // Фергана. – М., 2016. – 02.07. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/9015> (Дата обращения – 09.11.2016).

На северо-западе Афганистана возобновилась операция против «Талибана» // CA-News. – Бишкек, 2016. – 10.05. – Режим доступа: <http://ca-news.org/print:1186941> (По подписке).

На юге Казахстана начались массовые беспорядки // REGNUM. – Астана, 2016. – 17.02. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/2080702.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Назарбаев подписал новый Уголовный кодекс Казахстана // REGNUM. – Астана, 2014. – 03.07. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1821767.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Около 200 млрд тенге потратят на борьбу с терроризмом // Капитал. – Астана, 2013. – 24.05. – Режим доступа: <https://kapital.kz/gosudarstvo/16010/okolo-200-mlrd-tenge-potratyat-na-borbu-s-terrorizmom.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Пан Ги Мун представил доклад об угрозе со стороны ИГ // Взгляд. – М., 2016. – 07.06. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2016/6/7/814752.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Панниер Б., Толибов С., Клевцова А. Узбекские боевики: От Афганистана до Сирии // Радио Азаттык. – Бишкек, 2016. – 15.07. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/boeviki-iz-uzbekistana-syria-ig/27859628.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Паражчук Й. ИГ зазывает из Центральной Азии в «семейном формате» // Радио Азаттык. – Бишкек, 2016. – 02.04. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/centralnaya-azia-verbovka-islamistami/27650123.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Подробности: Приговор главам ПИВТ: От 2 лет до пожизненного // CentralAsia TV. – Душанбе, 2016. – 02.06. – Режим доступа: <http://catv24>.

com/podrobnosti-prigovor-glavam-pivt-ot-2-let-do-pozhiznennogo (Дата обращения – 09.11.2016).

Растущее число выходцев из Центральной Азии, сражающихся на стороне ИГ, преувеличено // Stan Radar. – Бишкек, 2015. – 03.02. – Режим доступа: <http://stanradar.com/news/full/14873-rastuschee-chislo-vyhodtseviz-tsentralnoj-azii-srazhajuschihsja-na-storone-ig-preuvelicheno.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Сатановский Е. Ближнее будущее Ближнего Востока: Активность игроков в регионе будет зависеть от цен на нефть // ВПК. – М., 2016 а. – 29.06. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/31214> (Дата обращения – 09.11.2016).

Сатановский Е. Трудовые будни салафитов: Саудовская Аравия готовит почву в Средней Азии // ВПК. – М., 2016 б. – 25.05. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/30763> (Дата обращения – 09.11.2016).

Сирийская война и интересы стран Центральной Азии // Информационно-аналитический центр. – М., 2016. – 24.08. – Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/23844> (Дата обращения – 09.11.2016).

Сирия зовет: Радикализация в Центральной Азии / International crisis group. – Бишкек; Брюссель, 2015. – 18 с. – Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/central-asia/syria-calling-radicalisation-central-asia> (Дата обращения – 09.11.2016).

Сирия: В чем суть конфликта / РИА. – М., 2013. – 26.08. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20130826/958749095.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Спецслужбы Казахстана заявили о срыве госпереворота // Взгляд. – М., 2016. – 06.06. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2016/6/6/814599.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

«Таблиг Джамаат» запрещен в России // IslamNews. – М., 2009. – 07.05. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-18587.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Хорасан // Шиитская энциклопедия. – М., 2016. – Режим доступа: <http://www.shiizm.ru/2442> (Дата обращения – 09.11.2016).

Чоркишло: Родина 20 участников сирийской войны // Радио Озоди. – Душанбе, 2014. – 25.09. – Режим доступа: <http://rus.ozodi.org/a/chorqishloq-20-jihadists-in-syria-/26606148.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Шарипов С. В Кыргызстане задерживают «джихадистов» // InoZpress. – Бишкек, 2016 а. – 12.08. – Режим доступа: <http://inozpress.kg/news/view/id/49231> (Дата обращения – 09.11.2016).

Шарипов С. В Кыргызстане обезврежена предполагаемая экстремистская группировка // InoZpress. – Бишкек, 2016 б. – 01.07. – Режим доступа: <http://inozpress.kg/news/view/id/48889> (Дата обращения – 09.11.2016).

Шибутов М., Абрамов В. Терроризм в Казахстане: 2011–2012 годы // Центр стратегической конъюнктуры. – М., 2012. – 12.11. – Режим доступа: http://conjuncture.ru/shibutov_report_27-1-2012 (Дата обращения – 09.11.2016).

Широков А. Бандформирование: Религиозные экстремисты в Казахстане сращиваются с криминалом // Lenta.ru. – М., 2016 а. – 18.08. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/08/18/w_kazakhstan (Дата обращения – 09.11.2016).

Широков А. Теракт безответственности: Как экстремисты напали на казахстанский Актюбинск // Lenta.ru. – М., 2016 б. – 05.06. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/06/06/aktobe> (Дата обращения – 09.11.2016).

Barluet A. La Défense préoccupée par les menaces de radicalisation dans les armées // Le Figaro. – P., 2015. – 16.07. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2015/07/16/01016-20150716ARTFIG00323-la-defense-preoccupee-par-les-menaces-de-radicalisation-dans-les-armees.php> (Дата обращения – 09.11.2016).

European fighters in Syria and Iraq: Assessments, responses, and issues for the United States / Archick K., Belkin P., Blanchard Ch.M., Humud C.E., Mix D.E.; Congressional Research Service. – Wash., 2015. – 27.04. – 42 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R44003.pdf> (Дата обращения – 09.11.2016).

Foreign fighters: An undated assessment of the flow of foreign fighters into Syria and Iraq / The Soufan Group. – N.Y., 2015. – 25 p. – Mode of access: http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFighters_Update_FINAL3.pdf (Дата обращения – 09.11.2016).

Furat Media – рупор джихадистов на русском языке / РИА. – М., 2015. – 17.07. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20150717/1134310785.html> (Дата обращения – 09.11.2016).

Global terrorism index 2012 / Institute for economics and peace (IEP). – N.Y., 2012. – 55 p. – Mode of access: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2012-Global-Terrorism-Index-Report.pdf> (Дата обращения – 09.11.2016).

Global terrorism index 2015 / Institute for economics and peace (IEP). – N.Y., 2015. – 108 p. – Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-Global-Terrorism-Index-Report.pdf> (Дата обращения – 09.11.2016).

Hembrey J. ISIS recruits: Radicalized young women motivated by ideology, sense of adventure // CBC News. – Toronto, 2015. – 27.02. – Mode of access: <http://www.cbc.ca/news/isis-recruits-radicalized-young-women-motivated-by-ideology-sense-of-adventure-1.2973691> (Дата обращения – 09.11.2016).

Jourova V. Près de 6000 Européens sont partis faire le djihad / Interviewé par P. Gonzales // Le Figaro. – P., 2015. – 12.04. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/international/2015/04/12/01003-20150412ARTFIG00128-vera-jourova-pres-de-6000-europeens-sont-partis-faire-le-djihad.php> (Дата обращения – 09.11.2016).

Rapport: Pourquoi ces jeunes sont attirés par le jihad // Le Parisien. – P., 2014. – 17.11. – Mode of access: <http://www.leparisien.fr/faits-divers/rapport-pourquoi-ces-jeunes-sont-attires-par-le-jihad-17-11-2014-4299381.php> (Дата обращения – 09.11.2016).

The world's Muslims: Religion, politics and society / Pew research center. – Wash., 2013. – 226 p. – Mode of access: <http://www.pewforum.org/files/2013/04/worlds-muslims-religion-politics-society-full-report.pdf> (Дата обращения – 09.11.2016).

Topping A., Halliday J. Who is Mohammed Emwazi? From shy, football-loving boy to Isis killer // The Guardian. – L., 2015. – 02.03. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk-news/2015/mar/02/who-is-mohammed-emwazi-from-lovely-boy-to-islamic-state-executioner> (Дата обращения – 09.11.2016).

Zahid F., Khan M.I. Prospects for the Islamic State in Pakistan / Hudson Institute. – Wash., 2016. – 29.04. – Mode of access: <http://www.hudson.org/research/12453-prospects-of-the-islamic-state-in-pakistan> (Дата обращения – 09.11.2016).

Zenn J. Afghan and Syrian links to Central Asian jihadism // The Jamestown Foundation. – Wash., 2013. – 29.10. – Mode of access: <https://jamestown.org/program/afghan-and-syrian-links-to-central-asian-jihadism> (Дата обращения – 09.11.2016).

О.Н. НОВИКОВА

ЖЕНЩИНЫ В ИГ

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия женщин в террористических организациях на примере их деятельности в «Исламском государстве». Изучается мотивация этих женщин, особенности их рекрутирования и работы. Анализируются вопросы, связанные с гендерной стороной терроризма.

Abstract. The paper deals with the problem of the involvement of women in terrorists' organizations (the case of IS). It has generated questions about the relationship between women, gender and terrorism. The motivations of these women, their recruitment and activities have been also considered.

Ключевые слова: гендер, женщины, ИГ, терроризм, террористки-смертницы.

Keywords: gender, women, ISIL, terrorism, female suicide bombers.

Вопросы участия женщин в террористической деятельности мало изучены и не учитываются в должной мере как политиками, так и структурами, борющимися с международным терроризмом [Fink, Barakat, Shetret, 2013, p. 1]. И в академических исследованиях, и в медийных материалах акцент делается на анализе индивидуальных жизненных историй женщин, но не ведется изучение основных закономерностей на групповом уровне. Между тем гендерную сторону терроризма уже невозможно игнорировать. Вопросы гендерного характера включают изучение мотиваций и роли женщин, поддерживающих экстремистские организации, способы рекрутирования женщин, а также освещение краткой истории участия женщин в террористических операциях.

Ранние определения термина «гендер» подчеркивали разницу социальных и биологических отличий мужчин и женщин. Гендер подразумевал социально детерминированные роли, отношения и ценности, которые общество считало подходящими одному или другому полу. Таким образом, понятие «гендер» отличается от понятия «пол» тем, что последний выявляет только биологические различия. Дальнейшая концептуализация гендера подчеркивает и более широкие социологические коннотации. Гендер начинают связывать с властью, рассматривают как социальный конструкт, основанный на власти, которой обладает личность, и на ее положении в обществе. Затем понятие гендера было выведено за рамки индивидуальных характеристик и стало определять специфические формы социальной организации. Дж. Лорбер дал следующее определение: «Гендер – это набор социальных и культурных практик, которые влияют на жизнь женщин и мужчин в обществе» [Lorber, 1994, p. 13]. Таким образом, специфическая гендерная культура пронизывает все институты общества. К тому же основанный на ней подход описывает сформированные в обществе характеристики поведенческих ожиданий, стереотипы и правила, конструирующие мужественность и женственность. Вместе с тем что гендер является источником личной идентичности и формирует ожидания общества, он также используется как главный критерий при распределении в обществе важнейших ресурсов, в том числе политической власти. В этом смысле гендер – важный детерминирующий фактор в вопросах, связанных с социальной стратификацией и неравенством, и его влияние зависит от других культурных институтов, идеологий и идеалов [Newman, 1999, p. 238].

В рамках гендерного подхода роль женщин во время вооруженных конфликтов и социальных потрясений изучалась в основном с одной стороны. Участники феминистского движения создали образ женщины-жертвы, спасение которой осуществляет международное сообщество и коллективный Запад. Например, утверждалось, что одна из целей операции международной коалиции в Афганистане – защита прав угнетенных женщин этого исламского государства. Весьма ограниченный круг исследований посвящен вопросам изучения активного участия женщин в конфликтах.

Женщины-боевики – это редкое явление в истории. Однако нужно вспомнить женщин-народовольцев (последняя треть XIX в.) и членов партии социал-революционеров (эсеров) (начало XX в.). Кроме того, женщины участвовали в террористических нападениях, осуществлявшихся группировкой «Сияющий путь» в Перу, повстанческими группами в Северной Ирландии, тамильскими сепаратистами, боевиками Рабочей партии Курдистана, организацией ХАМАС, сапатистами (Мексика), группировкой «Абу Сайяф» (Филиппины), движением «Талибан» (Афганистан), Революционными вооруженными силами Колумбии. Женщины были среди руководителей группы Баадера-Майнхоф «Фракция Красной армии» (Германия), «Красных бригад» и «Первой линии» (Италия), ЭТА (Баскская сепаратистская организация, Испания), Красной армии Японии, Фронта освобождения Палестины [Agara, 2015, p. 116].

В ходе военных конфликтов, происходивших за пределами России, наибольшее число женщин из западных стран наблюдалось, возможно, во время гражданской войны в Испании (1936–1939). Это были члены коммунистических партий и других организаций левого толка (в частности, анархистов), воевавших против фашистского режима генерала Ф. Франко. Большая их часть работала сестрами милосердия, но некоторые воевали и с оружием в руках. С тех пор имелись отдельные случаи участия женщин из западных стран в конфликтах на территории Палестины, Кении, Колумбии. Женщины-иностраные боевики были замечены в Афганистане и Ираке. В 2005 г. Абу Мусаб аль-Заркави, бывший в то время лидером «Аль-Каиды» в Ираке, определил деятельность женщин-смертниц как часть стратегии «Аль-Каиды» [Stone, Pattillo, 2011, p. 161]. В этой связи особый интерес представляет изучение опыта деятельности женщин в «Исламском государстве», что является задачей настоящей статьи.

ИГ (под названием «Исламское государство Ирака и Леванта», ИГИЛ), будучи в 2006–2012 гг. малозначимой террористической структурой, имело в своих рядах небольшое число женщин-террористок. Но положение дел изменилось после провозглашения «халифата» Абу Бакром аль-Багдади 29 июня 2014 г. и достижения им успехов в Сирии и Ираке. Так, в 2015 г. среди 3 тыс. европейцев

в ИГ было около 550 женщин (не считая граждан России, стран СНГ и Турции), в том числе:

- из Германии – 70 (из них 28 человек младше 25 лет; школьниц – 9 человек);
- из Франции – 63–70;
- из Великобритании – 60 (из них школьниц – 20 человек);
- из Нидерландов – 30 [Bakker, de Leede, 2015, p. 3].

Напомним, что всего на стороне ИГ воюют около 30 тыс. иностранных боевиков [The Islamic State., 2014, p. 8]. Их часто называют «мигрантами в ИГ», или мухаджирами¹. По имеющимся сведениям, женщины составляют от 10 до 15% иностранцев, находящихся в ИГ [Bhulai, Peters, Nemr, 2016, p. 4].

Практически невозможно создать типичный портрет женщины, которая могла бы направиться в ИГ, исходя только из данных о возрасте, месте происхождения, национальности, семейном положении. Однако известно, что это большей частью девушки и молодые женщины 16–24 лет, хотя есть и подростки. Как правило, это выходцы из среды мусульман-мигрантов второго или третьего поколения, хотя растет и число неопитов. Многие девушки и молодые женщины имеют хорошие перспективы для получения образования и вполне успешной дальнейшей жизни на Западе, происходят из благополучных семей с умеренными взглядами. Значительное число девушек окончили школу, среди них есть студентки, некоторые очень хорошо образованы, способны независимо мыслить [Perešin, 2015, p. 22].

Женщины-мусульманки очень привязаны к своим большим семьям, которые, как правило, возражают против поездки молодых женщин в Сирию и Ирак. Часто семьи активно препятствуют отъезду, отбирая у девушек паспорта и отказывая в деньгах. А «Исламское государство», напротив, активно способствует таким «путешествиям». Например, если при пересечении границы у девушек

¹ Мухаджир (араб. «совершивший хиджру») – мусульманин, во времена пророка Мухаммада переселившийся из Мекки в Медину в 622 г. Мухаджирами также называются мусульмане, которые ради спасения своей веры переселяются в другие страны.

возникают проблемы, помощь им оказывают адвокаты, направленные из ИГ.

В целях рекрутирования на Востоке успешно применяется идея кровного родства. Создание родственных союзов путем заключения браков позволяет конструировать и поддерживать цепочку лояльных связей и целые сети сплоченных групп. В Ираке лидеры «Аль-Каиды» привлекали на свою сторону целые кланы путем заключения браков с представительницами этих семей [Sutten, 2009, p. 37].

Мотивы поездки на территории, подконтрольные «Исламскому государству»

Какими мотивами руководствуются женщины, следующие в «Исламское государство»?

Всех женщин, прибывающих на территории, подконтрольные ИГ, можно разделить на две группы в зависимости от того, путешествуют они одни или со своими мужьями. Когда женщина едет одна, она обычно называет целый ряд причин, по которым направляется в Сирию. Чаще всего ее решение связано с тем, что в обществе, где она живет, у нее существуют серьезные и болезненные проблемы. Поездка в ИГ кажется ей способом решения этих проблем. В западных исследованиях основной причиной, побуждающей женщину ехать в ИГ, нередко называют чувство мести в связи с потерей главного из мужчин в ее жизни: отца, сына, мужа или брата [Sutten, 2009, p. 22]. Предполагается, что, потеряв такого мужчину, и женщина, и вся ее семья часто оказываются без средств к существованию. Западные авторы считают, что, направляясь в ИГ, женщина рассчитывает найти там пропитание и кров [Ibid., p. 24]. И этот мотив действительно нельзя исключать, так как данная террористическая организация, утвердив на своей территории своеобразную патриархальную систему, создала механизмы обеспечения безопасности, защищает и поддерживает всех тех, кто лоялен к «Исламскому государству». На территориях, подконтрольных ИГ, незамужние женщины живут в общежитиях, не платят за аренду жилья и коммунальные услуги. Ежемесячно им выдаются паек и деньги на мелкие расходы. «Исламское государство» выпла-

чивает вновь прибывшему мужчине в месяц 100 долл., женщине – 50 долл. и по 35 долл. выдается на каждого ребенка.

Поскольку исламистам удалось создать жизнеспособные государственные структуры, сконструировать в СМИ образ полноценного государства, имеющего перспективу дальнейшего укрепления, многие молодые женщины из исламских стран решили, что могут здесь выйти замуж за «героя-моджахеда» и создать семью. Со своей стороны ИГ декларирует, что женщина должна выйти замуж, если хочет присоединиться к группировке. Свадьба организуется вскоре после прибытия женщины на территории, подконтрольные ИГ, или даже немедленно. Если муж гибнет, второе замужество приветствуется, и процедура заключения нового брака упрощена.

Женщин в ИГ ждут, особый спрос есть на девушек, говорящих по-русски. Боевики с Северного Кавказа, чувствующие себя в изоляции среди арабговорящих товарищей, нуждаются в невестах из стран СНГ, потому что отцы семейств в Сирии запрещают своим дочерям выходить замуж за иностранных боевиков [Джихад., 2016, с. 29]. На территорию «Исламского государства» приезжают также вдовы погибших в Чечне и Дагестане членов бандформирований, а также те, чьих мужей-джихадистов убили в других странах, чтобы повторно выйти замуж за джихадистов. Приезд в ИГ любых одиноких женщин – как вдов, так и девушек – часто замалчивается, потому что в соответствии с шариатом женщине возбраняется путешествовать без сопровождения мужчин. Поэтому нет точных данных о количестве приехавших в ИГ женщин. Интересно, что чеченские женщины, например, приезжают в основном из европейских диаспор: сталкиваясь с проблемами интеграции в социальную ткань Европы, они ощущают себя там людьми второго сорта, без жизненных перспектив. Обычно такие семьи в Европе живут на пособия.

Часть женщин едет непосредственно из Чечни. Появление в ИГ женщин из района Северного Кавказа связано с деятельностью террористической организации «Имарат Кавказ» (ИК), действующей в русле идеологии «Аль-Каиды». С 2009 по 2013 г. наибольшая террористическая активность наблюдалась в Дагестане; в Чечне она более успешно подавлялась Р. Кадыровым. Перед Олимпиадой

в Сочи в результате жестких мер правоохранительных структур количество терактов на Северном Кавказе снизилось почти в два раза. Дальнейшее снижение уровня насилия было обусловлено тем, что боевики, часто вместе с семьями, начали уезжать на территории, подконтрольные «Исламскому государству». «Командиры подполья 21 июня 2015 г. выступили с совместным обращением, в котором заявили, что все вилайаты ИК присягнули на верность лидеру Исламского государства – Абу Бакру аль-Багдади», – говорится в докладе Международной кризисной группы, опубликованном в марте 2016 г. [Джихад., 2016, с. 2]. Данные о количестве граждан СНГ, воюющих в Сирии и Ираке на стороне ИГ, сильно разнятся – от 2900 до 5000 человек. То, что поток боевиков с Северного Кавказа в ИГ не прекращается, объясняется тем, что к настоящему времени запрещенная в РФ террористическая организация «Имарат Кавказ» в основном разгромлена. Возможности джихада на территории Российской Федерации значительно сужены, здесь срок жизни джихадиста недолог, и экстремистски настроенная молодежь, разочарованная провалом попытки ИК сорвать Олимпиаду в Сочи, направилась в Сирию. Для молодых выходцев с Кавказа война в Сирии – продолжение своей незаконченной войны на родине. Подчеркнем, что большинство северокавказских боевиков в Сирии – молодые люди из сельской местности (опытные, известные бойцы отслеживаются, у них возникают трудности с пересечением границ). И именно эти молодые люди приветствуют приезд потенциальных невест.

Известны случаи, когда женщины, которые подверглись насилию на родине, едут в ИГ, чтобы «очиститься» и обрести новый социальный статус. Вообще обретение более высокого социального статуса посредством участия в террористической организации – одна из распространенных мотиваций отъезжающих.

То, что среди женщин, отправляющихся в ИГ, присутствует значительное число французских мусульманок, можно объяснить строгими запретами, введенными французским правительством относительно ношения исламской одежды. Девочки-мусульманки, исключенные из школ за ношение хиджаба, живут и учатся в изоляции от французского общественного мейнстрима. В октябре 2014 г.

Парижская опера отменила представление, поскольку в зале находилась женщина-мусульманка в парандже – она имела билет и отказалась покинуть зрительный зал по требованию администрации [Zakaria, 2015, p. 124]. Ношение паранджи и исламских купальных костюмов рассматривается во Франции как неуважение к французской культуре. Женщинам, недовольным введением подобных запретов, ИГ предоставляет возможность покинуть государство, в котором, чтобы пользоваться равными правами с коренным населением, нужно отказаться от требований исламской религии. Таким образом, отказ «Исламского государства» от национальной идентичности в пользу идентичности, основанной на вере, делает границы стран трансцендентными.

Другая часть приезжающих в ИГ – это женщины, обращенные в ислам после заключения брака с мусульманами. Возможно, кто-то из них и не имел намерения участвовать в борьбе. Они могли приехать по сугубо личным мотивам, но, прибыв на место, общились к радикальным идеям (при этом нужно отметить, что, хотя близкие отношения с мужчиной – членом экстремистской группировки могут способствовать радикализации женщины, они необязательно являются причиной ее вступления в экстремистские организации). Иногда радикализация доходит до того, что женщина выражает готовность стать смертницей. Обращенные в ислам женщины – чаще всего выходцы из Канады, США, Франции, Германии, Великобритании, Бельгии и Италии. Многие из них были несчастливы в родительской семье и уехали в ИГ в поисках стабильности.

Притягательность проекта «Исламского государства» для замужних женщин объясняется еще и тем, что иностранным боевикам разрешается приезжать в ИГ с семьями, это даже поощряется. После боя мужчины отдыхают в кругу семьи.

Представляется, что вопреки мнению большинства западных исследователей важнейшая причина отъезда женщин в ИГ – идеологическая, религиозная. Женщины, принимающие участие в вооруженном конфликте в Сирии на стороне ИГ, уверены, что во всем мире мусульмане подвергаются угнетению и гонениям. В социальных сетях размещаются фотографии искалеченных детских тел.

Международные конфликты воспринимаются мусульманками как часть большой войны, которая ведется неверными против ислама. Женщины, отправляющиеся в ИГ, не только отвергают западную культуру и обличают внешнюю политику западных стран, они хотят участвовать в строительстве общества нового типа на основе принципов шариата. Участие в строительстве «халифата» женщины рассматривают как свой долг и как залог того, что после смерти они окажутся в раю. И в этом их мотивация сходна с мотивацией мужчин.

Нужно отметить, что женщины – иностранные боевики участвуют в вооруженном конфликте в Сирии и Ираке не только на стороне ИГ: значительная часть иностранных боевиков-шииток приехала для того, чтобы присоединиться к группам, поддерживающим войска Б. Асада, и защитить шиитские святыне места в Багдаде и его окрестностях. Показательно также, что одна треть всех курдов, сражающихся против ИГ, – женщины [Darden, 2015, p. 454].

Имеется и еще один мотив для участия в боевых действиях – многие женщины стремятся испытать чувство товарищества, возвышенной сестринской любви в противовес фальшивым, по их мнению, приземленным взаимоотношениям, которые они наблюдают на Западе. Поиск смысла жизни, возвышенных чувств, идентичности – одна из главных мотиваций для отправляющихся в Сирию женщин-мусульманок.

Понятия о мужественности (смелость, самопожертвование) и женственности (невинность, хрупкость) – так же стары, как мир. Можно согласиться с Ф. Али, аналитиком «РЭНД корпорэйшн» (RAND Corporation), которая утверждает, что террористические акты смертников имеют большее воздействие на общество, чем аналогичные действия мужчин, поскольку ломают гендерные стереотипы [Ali, 2005]. Ассоциация женщины с насилием выпадает из идеального представления о том, что означает быть женщиной, ломает стереотипы восприятия женщины как существа чистого и мягкого. Поэтому в средствах массовой информации Запада насильственные действия женщин объясняются влиянием мужей, родственников мужского пола, т.е. связываются с доктриной доминирования мужчин. Однако чаще всего женщины действуют в со-

ответствии со своим собственным сознательным выбором, руководствуясь теми же мотивами, что и мужчины. Они одобряют жестокость боевиков в отношении неверных. Женщины, приехавшие в Сирию, чтобы поддержать ИГ, испытывают ненависть к власти Б. Асада, а также ненависть к шиитам, израильтянам, Западу. Необходимо признать этот факт, а не рассматривать феномен женщин-боевиков как проявление отчаяния в рядах террористических группировок.

Отметим еще один интересный феномен: на территории нестабильных государств женщины стремятся действовать в составе повстанческих вооруженных формирований, а не регулярных национальных воинских частей. Некоторые западные исследователи, отмечая данное явление, полагают, что это связано с тем, что идеология повстанческих группировок носит более эгалитарный характер [Darden, 2015, p. 461]. Этот вывод кажется ошибочным. Женщины-мусульманки не служат в воинских подразделениях национальных армий, но участвуют в сирийском конфликте, и идеи эгалитаризма здесь ни при чем. В ИГ женщины пользуются меньшими демократическими свободами, чем в странах, из которых они прибывают.

Основные направления деятельности

Необходимо различать женщин-экстремисток и женщин-террористок. Лишь немногие женщины готовы участвовать в насильственных действиях.

Женщины-экстремистки вовлечены в действия боевиков ИГ в основном в качестве сестер милосердия, они организуют быт боевиков, но не участвуют в военных операциях. На территориях, подконтрольных ИГ, женщины ведут жизнь домохозяек, занимаются детьми, готовят еду. На улицу выходят лишь в сопровождении мужчины или другой женщины. Зато они могут вдохновлять мужчин на активную борьбу, агитировать других женщин приехать в Сирию и Ирак, призывать к проведению террористических актов на территории западных стран. Опасность для Запада могут представлять женщины, вернувшиеся в западные страны после гибели своих мужей, они могут участвовать в террористических ак-

тах. Особенно опасны те, кто не проявляет активности в социальных сетях и не отслеживается силами безопасности.

Женщины-террористки непосредственно участвуют в боевых действиях или являются террористками-смертницами (шахидками).

Более детальный анализ различных функций женщин в террористических организациях содержится в работе С. Махан и П. Гризе, где они подразделяют женщин-террористок по роду деятельности на четыре категории: симпатизирующие, разведчицы, бойцы и осуществляющие влияние [Mahan, Griset, 2008, p. 250–252]. Р. Крэгин и С. Дэли предлагают иную классификацию сфер участия женщин в террористической деятельности: логистика, вербование, мученичество (террористки-смертницы), участие в боевых операциях, командование вооруженными группами, политическая пропаганда [Cragin, Daly, 2009]. В обеих классификациях под разными названиями присутствуют уже указанные нами традиционные вспомогательные функции женщин: приготовление пищи, уход за ранеными, предоставление крова, помощь комбатантам продуктами и деньгами. Хотя такая деятельность не является собственно террористической в обыденном понимании, она помогает выживанию террористических групп. Более высокий уровень вовлечения женщин в вооруженные конфликты – использование их как разведчиц, заманивающих противника в засады, собирающих разведывательную информацию и работающих связными.

Нужно отметить, что участие женщин в вооруженных конфликтах в качестве руководителей вооруженных подразделений характерно для левоэкстремистских группировок в таких регионах, как Европа (в 1960–1970 годы), Южная и Центральная Америка. На Ближнем и Среднем Востоке женщины, даже будучи страстными приверженцами идеологии джихада, не становятся руководителями вооруженных групп и политическими лидерами в рамках «Исламского государства».

Но при этом женщины активно привлекают в экстремистские группы новых членов – при личном контакте, распространяя пропагандистскую информацию. Велико влияние женщин на подрастающее поколение, детей, которым они рассказывают об истории конфликта, формируя их отношение к нему и определенное

мировоззрение, оправдывают ведение вооруженной борьбы, подготавливая таким образом будущих бойцов. Женщины воспроизводят и передают идеологию джихада своим детям. Уже сам факт, что мать разделяет идеи джихада, придает этой идеологии легитимность в глазах детей.

В книге американской исследовательницы М. Гонзалес-Перес, опубликованной в 2008 г. и посвященной членству женщин в национальных и международных террористических организациях, делается общий вывод о том, что «женщины более активны и на значительно более высоком уровне участвуют в работе террористических групп, преследующих внутривластные цели и ведущих антиправительственную деятельность, чем в террористических организациях с международной повесткой дня, которые борются с глобализацией, империализмом и иностранным влиянием» [Gonzalez-Perez, 2008, p. 162]. Представляется, что этот вывод ошибочен и не соответствует современному положению дел, что подтверждается фактом активного участия женщин в деятельности «Исламского государства».

«Аль-Каида» всегда выступала против того, чтобы женщины активно участвовали в тренировочном процессе, пропаганде и боевых операциях. Однако «Аль-Каида в исламском Магрибе», похоже, готова отказаться от такой политики. В 2016 г. в Буркина-Фасо эта организация создала опасный прецедент, завербовав женщин для проведения террористического акта.

Что касается ИГ, то оно всегда активно рекрутировало женщин и в настоящее время продолжает эту тактику. 2 декабря 2015 г. супруги С. Фарук и Т. Малик открыли огонь на корпоративном вечере во Внутривластном центре в Сан-Бернардино, Калифорния. Было убито 14 человек и ранен 21 [Gohel, Sutherland, 2016, p. 6]. Это было первое нападение, осуществленное «Исламским государством» на Западе, в котором непосредственно участвовала женщина в качестве боевика. До этого ИГ, в отличие от «Аль-Каиды», хотя и призывало женщин играть видную роль в своей организации, прежде всего подчеркивало их значимость как жен и матерей. Акция в Сан-Бернардино обозначила разрыв с этой установкой, создав новый прецедент в развитии международного тер-

роризма, который может привести женщин, взгляды которых радикализируются, в ряды террористов.

Феномен террористок-смертниц

Существуют различные мнения по поводу такого явления, как террористические акты с участием террористов-смертников. Часто повторяется утверждение, что это «оружие слабых и угнетаемых, последнее средство тех, у кого нет выбора» [Pape, 2005, p. 9]. Такой подход способствует созданию образа изолированных от общества индивидов из среды пассивных и подавленных людей. Их поведение признается ненормальным, объясняется недооцененностью в личном и общественном плане, тоской по родине, друзьям и родственникам, а также чувством отчужденности, которое они испытывают, будучи мигрантами. Делается общий вывод о том, что поступки смертников могут объясняться личными причинами, и нет разницы, мужчина это или женщина [Ibid.].

В действительности данное положение далеко не всегда соответствует истине. В этом вопросе велико значение организаций, которые готовят террористок-смертниц. Данные организации с помощью акций с участием женщин стараются привлечь внимание населения для решения своих политических задач. Почти половина взрывов в России в период 2000–2005 гг. была осуществлена террористками-смертницами из Чечни, так называемыми «черными вдовами». Признано, что все террористические организации не имеют нравственных или иных ограничений для проведения терактов с помощью террористов-смертников, но некоторые ограничивают участие женщин.

В данном случае остается открытым вопрос о том, допускают ли Коран и хадисы такого рода мученическую смерть, особенно женщин. Ведь ислам осуждает самоубийства. Кроме того, необходимо отметить разницу между актами самоубийства, сопряженными с уничтожением военнослужащих вражеской армии во время военных действий (например, камикадзе в Японии), и взрывами террористов-смертников. Последние осуществляются с целью запугивания местного населения и часто направлены против мирных жителей.

Однако, рассуждая о роли общества и культуры в санкционировании операций с участием смертников, нужно признать, что в ряде случаев большая часть населения поддерживает акции смертников и организации, к которым они принадлежат (например, «Талибан» во время операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане), особенно в условиях социального или национального унижения, в ситуациях, когда в исламских обществах зреет чувство отчужденности из-за своего маргинального статуса в неолиберальном капиталистическом мире.

До недавнего времени террористки-смертницы были редким явлением в мусульманском мире, и ряд исламистских организаций, например ХАМАС и «Исламский джихад», не допускали участие женщин даже как комбатантов, не говоря уже об использовании их как террористок-смертниц. Среди редких исключений – взрывы, осуществленные курдками в Турции в 1996–1999 гг. Руководство организаций ХАМАС и «Исламский джихад» было категорически против того, чтобы женщины участвовали в насильственных действиях, они должны были оставаться дома, играть традиционные роли матерей и жен, носить исламскую одежду, не появляться на людях без сопровождения. Но в 2002 г. Ясир Арафат в своей знаменитой речи «Армия роз» призвал женщин наравне с мужчинами бороться против Израиля и ввел в употребление термин «шахида» (женский род арабского слова «мученик»). В тот же день Вада Идрис стала первой палестинкой-смертницей [Victor, 2003, p. 4]. С тех пор женщины-смертницы появились почти во всех террористических организациях религиозного толка.

На территории РФ во время чеченских войн бандформирования активно использовали женщин. Есть информация, что 42% всех смертников были женщинами [Sutten, 2009, p. 10]. Из 40 террористов, участвовавших в террористическом акте на Дубровке, 19 были женщинами [Ibid., p. 11].

Однако сейчас некоторые террористические организации, например «Имарат Кавказ», запрещают участие женщин. В марте 2014 г. эта организация избрала нового лидера – Алиасхаба Кебекова. Будучи скорее радикальным исламским клириком, чем боевиком, он «строго ограничил методы ведения джихада, запретив

самоподрывы смертников, нападения на гражданское население и их дома, а также участие женщин» [Джихад., 2016, с. 7].

Акции террористок-смертниц не очень затратны с финансовой точки зрения и с точки зрения подготовки, имеют большой резонанс в СМИ, являются эффективным средством ведения психологической войны. Для террористок-смертниц самоубийство – уже не акт самоуничтожения, а богом освященное мученичество в защиту веры, продолжение джихада.

Положение женщин после завершения боевых действий

Когда женщина участвует в вооруженном конфликте, ее социальное и экономическое пространство расширяется. Но продолжается это недолго. После окончания военных действий женщин редко включают в программы по демобилизации и реинтеграции комбатантов. Их отправляют домой заниматься обычными домашними делами. Они часто не могут успешно реинтегрироваться в общество и чувствуют себя беспомощными и изолированными.

После завершения конфликта часто высказывается мнение, что женщин неправомерно считать участницами боевых действий, поскольку они исполняли лишь вспомогательные функции. Однако мужчины, осуществляющие вспомогательные функции в конфликте, однозначно признаются комбатантами. Действительно, подобная деятельность, которая считается второстепенной по значимости, зачастую является определяющей для поддержания жизнеспособности и эффективности боевой группы. Известны случаи, когда женщин лишали права на участие в программах «разоружение, демобилизация, реинтеграция» (РДР) на основании того, что льготы по этим программам предоставлялись лишь комбатантам, имевшим собственное оружие и сдавшим его в специальных лагерях по разоружению. На самом же деле во многих исламистских организациях женщинам просто не дают возможности носить оружие, не признают случаев активного участия женщин в вооруженных действиях. Их часто вынуждают отдавать свое оружие мужчинам.

Выходом из такого положения могло бы стать разделение компетенций между службами безопасности и органами, реализующими программы реинтеграции или реабилитации. Службы

безопасности должны заниматься делами женщин, имеющих оружие, иногда женщин – членов семей мужчин-комбатантов, и предоставлять им помощь в вопросах разоружения и демобилизации. А службы по реабилитации должны заниматься остальными женщинами – участницами вооруженного конфликта и помогать им интегрироваться в общество после окончания боевых действий [Bouta, Frerks, Bannon, 2005, p. 9].

В исследовании Всемирного банка предлагается пересмотреть определение женщин-комбатантов, с тем чтобы включить в него женщин – участниц вооруженных конфликтов, осуществляющих вспомогательные функции, а также женщин, которые были вынуждены предоставлять сексуальные услуги [Ibid., p. 10]. Нужно заметить, что это уже сделано в отношении девочек-комбатантов. В документе Детского фонда ООН, где дается определение ребенка-солдата, говорится: «Ребенок-солдат – это любое лицо, не достигшее 18 лет, являющееся участником любого рода регулярных или нерегулярных вооруженных сил или вооруженной группы любой численности, включая тех (но не ограничиваясь теми), кто работает поварами, проводниками, курьерами, а также сопровождает такие группы, не являясь при этом членом семьи. Под данное определение подпадают также девочки, взятые в группу для осуществления сексуальных услуг и при заключении насильственных браков. Таким образом, данное определение распространяется не только на детей, имеющих или имевших оружие» [Care Town principles., 1997, p. 12].

В настоящее время, если молодая женщина из России, попав в ИГ, разочаровывается и стремится вернуться к родным, или вдова, потерявшая мужа в Сирии или Ираке, хочет вернуться на родину, им предъявляются обвинения в участии в незаконных вооруженных формированиях за рубежом (ст. 208 УК РФ) либо в терроризме (ст. 205 УК РФ). Одна надежда на то, что ст. 208 предусматривает освобождение от уголовной ответственности, если человек добровольно прекратил участие в незаконном вооруженном формировании.

Существует необходимость приложить дополнительные усилия для выявления всех женщин – участниц конфликта, с тем что-

бы после окончания конфликта они не были исключены из программ помощи. Женщин – участниц конфликта нужно также информировать об их гражданских правах после войны, а также помогать их общественной интеграции посредством участия в новых формах социальной организации общества (в тех государствах, где подобные формы существуют или могут возникнуть), в частности в женских и ветеранских организациях.

Как уже отмечалось, обосновывая свое вторжение в Афганистан, США говорили об освобождении афганских женщин как одной из основных целей введения войск. Однако предполагавшаяся идея равенства полов была воспринята большей частью населения Афганистана просто как предлог для иностранной оккупации. В западном понимании роли женщин и мужчин одинаковы, с точки зрения ислама – не одинаковы, а дополняют друг друга. И роль, и влияние женщины в исламском обществе – особого рода. Неприятие населением изменения положения женщин в рамках западного проекта демократизации способствовало успеху альтернативного проекта наделения женщин большим влиянием в обществе, предложенного «Исламским государством». Этот проект предлагает женщинам расстаться и с их гетторизированным статусом на Западе, и с принижением положением в мусульманских странах. Возможно, проект «Исламского государства» оказывается притягательным для мусульманок не потому, что пропаганда ИГ умело манипулирует их сознанием, а потому, что политические установки ИГ предлагают решения для некоторых их проблем. Поэтому намерение многих женщин присоединиться к «Исламскому государству» является следствием политического решения, принятого сознательно, с учетом целого ряда факторов.

Необходимо признать, что женский экстремизм, так же как и мужской, является частью политической борьбы за идентичность и безопасность [Katz, 2015, p. 25]. Женщины отправляются в ИГ по многим причинам. Одна из них – поиски смысла жизни, сестринской любви и идентичности. «Халифат» предлагает этим женщинам что-то более высокое и морально значимое, чем их повседневная жизнь. Другие мотивации включают религиозные и гуманитарные

причины, семейные обстоятельства, проблемы, связанные с замужеством. Политические мотивации женщин-мусульманок отражают их видение современного мира как арены борьбы между бездуховным Западом, в котором нет места вере и который перешел в наступление, и исламским миром. Они считают свое участие в борьбе «Исламского государства» богоугодным делом, которое в соответствии с исламским учением будет вознаграждено обеспечением места в раю. Кроме того, для девушек поездка в ИГ – испытание, знаменующее их переход от детства к зрелости. Женщины, прибывающие из диаспор, полагают, что в «Исламском государстве» они найдут общность и единение, которых им не хватает в чуждом западном обществе.

Хотя женщины активно участвуют в войнах и конфликтах, они по-прежнему рассматриваются в основном как жертвы насилия со стороны мужчин; подчеркивается, что они становятся вдовами, что их лишают домашнего очага. Женщины воспринимаются как миротворцы, при этом обычно полагают, что их действия чаще всего продиктованы врожденным материнским инстинктом. Вопреки реальности участие женщин в конфликтах, как правило, либо просто игнорируется, либо трактуется таким образом, чтобы соответствовать социально-культурному гендерному восприятию. Гендерный подход доминирует и при оценке активных действий женщин во время вооруженных конфликтов. Анализируя мотивации женщин, авторы зачастую изображают их жертвами обстоятельств – психологически неадекватными, принуждаемыми к действиям окружающими мужчинами или движимыми местью за убийство мужей или других членов семьи. Такой гендерный подход отвергает способность женщин принимать самостоятельные ответственные решения и, таким образом, не признает политические, идеологические и религиозные мотивы их действий.

Западные исследователи и политики часто неправильно оценивают участие женщин в осуществлении политического насилия, будучи не в состоянии выйти за рамки западных стереотипов в восприятии женщин как второстепенных членов террористических организаций, действующих иррационально, – не так как представители просвещенного Запада. Им непонятно, почему мусульман-

ки, проживающие на Западе и пользующиеся всеми демократическими гарантиями равенства полов, отправляются туда, где, согласно взглядам западных аналитиков, они будут дискриминированы и угнетены. Кроме того, в экспертной среде бытует мнение о том, что участие женщин в джихадистских организациях в качестве смертниц основано на личных мотивах (потеря мужа, смерть брата), – хотя представляется, что на самом деле выбор такой судьбы объясняется, скорее, идеологической, религиозной мотивацией.

Существует тенденция не придавать слишком большого значения женскому терроризму, поскольку теракты, осуществленные женщинами в истории, составляют лишь незначительный процент от общего числа актов террористической деятельности. Тем не менее следует заметить, что в ИГ была осуществлена конвергенция женщины как индивида с террористической организацией, что не только повысило уровень участия женщин в данной организации, но и расширило круг их оперативного использования. Использование женщин-террористок – вызов современному восприятию безопасности, отход от общепринятых социальных норм женского поведения. Это способствует росту страха среди населения. Ведь даже небольшое число женщин, задействованных в террористических операциях, может быть очень опасно, так как, безусловно, им легче ускользнуть от внимания спецслужб, чем их соратникам-мужчинам.

Список литературы

Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия / Международная кризисная группа. – Брюссель, 2016. – 16 марта. – Доклад № 238 (Европа). – 41 с. – Mode of access: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/238-the-north-caucasus-insurgency-and-syria-an-exported-jihad-russian.pdf> (Дата обращения – 11.11.2016).

Agara T. Gendering terrorism: Women, gender, terrorism and suicide bombers // International j. of humanities and social science / Center for promoting ideas (CPI). – N.Y., 2015. – Vol. 5, Issue 6 (1). – P. 115–125.

Ali F. Muslim female fighters: An emerging trend // Terrorism monitor / The Jamestown foundation. – Wash., 2005. – Vol. 3, Issue 21. – Mode of access: https://jamestown.org/program/muslim-female-fighters-an-emerging-trend/#.Vyn_-4SLTIU (Дата обращения – 11.11.2016).

Bakker E., de Leede S. European female jihadists in Syria: Exploring an under-researched topic / International centre for counter terrorism (ICCT). – The Hague, 2015. – April. – 13 p. – Mode of access: [http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Bakker-de-Leede-European-Female-Jihadists-In-Syria-Exploring-An-Under-Researched-Topic-April2015\(1\).pdf](http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Bakker-de-Leede-European-Female-Jihadists-In-Syria-Exploring-An-Under-Researched-Topic-April2015(1).pdf) (Дата обращения – 11.11.2016).

Bhulai R., Peters A., Nemr Chr. From policy to action: Advancing an integrated approach to women and countering violent extremism / Global center on cooperative security. – N.Y., 2016. – June. – 12 p. – Mode of access: http://www.globalcenter.org/wp-content/uploads/2016/06/From-Policy-to-Action_Women-and-PCVE_Policy-Brief_Global-Center_Inclusive-Security.pdf (Дата обращения – 11.11.2016).

Bouta T., Frerks G., Bannon I. Gender, conflict and development / The World Bank. – Wash., 2005. – 194 p. – Mode of access: <http://siteresources.worldbank.org/INTCPR/Resources/30494GenderConflictandDevelopment.pdf> (Дата обращения – 11.11.2016).

Cape Town principles and best practices adopted at the symposium on the prevention of recruitment of children into the armed forces and on demobilisation and social reintegration of child soldiers in Africa / United Nations international children's emergency fund (UNICEF). – Cape Town, 1997. – 12 p. – Mode of access: [http://www.unicef.org/emerg/files/Cape_Town_Principles\(1\).pdf](http://www.unicef.org/emerg/files/Cape_Town_Principles(1).pdf) (Дата обращения – 11.11.2016).

Cragin R.K., Daly S.A. Women as terrorists: Mothers, recruiters, and martyrs. – Santa Barbara, CA: Praeger Security International, 2009. – 142 p.

Darden J.T. Assessing the significance of women in combat roles // International j. – Toronto: Sage Publications, 2015. – Vol. 70, Issue 3. – P. 454–462.

Fink N. Ch., Barakat R., Shetret L. The roles of women in terrorism, conflict, and violent extremism: Lessons for the United Nations and international actors / Center on global counterterrorism cooperation. – Wash., 2013. – April. – 14 p.

Gohel S.M., Sutherland J.R. The January 2016 terrorist attacks: Al-Qa'ida vs Daesh / Asia-Pacific foundation (APF); International policy assessment group. – L., 2016. – 19.01. – 6 p.

Gonzalez-Perez M. Women and terrorism: Female activity in domestic and international terror groups. – N.Y.: Routledge, 2008. – 176 p.

Katz J. Where do the women fit in? A theoretical analysis of Western women's participation and role in the Islamic State / Swedish defence univ. – Stockholm, 2015. – 40 p. – Mode of access: <http://frivard.se/wp-content/uploads/2015/08/Masters-thesis-Jessica-Katz.pdf> (Дата обращения – 11.11.2016).

Lorber J. Paradoxes of gender. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1994. – 436 p.

Mahan S., Griset P.L. Terrorism in perspective; 2 nd ed. – Los Angeles, CA: Sage Publications, 2008. – 426 p.

Newman D. Sociology of families. – Thousand Oaks, CA: Pine Forge press, 1999. – 540 p.

Pape R. Dying to win: The strategic logic of suicide terrorism. – N.Y.: Random House, 2005. – 336 p.

Perešin A. Fatal attraction: Western Muslimas and ISIS // Perspectives on terrorism / Terrorism research initiative; Center for terrorism and security studies. – Lowell, MA: Univ. of Massachusetts Lowell press, 2015. – Vol. 9, Issue 3. – P. 21–38. – Mode of access: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/427/848> (Дата обращения – 11.11.2016).

Stone J., Pattillo K. Al-Qaeda's use of female bombers in Iraq: A case study // Women, gender and terrorism / L. Sjoberg, C.E. Gentry (Eds.). – Athens, GA: Univ. of Georgia press, 2011. – P. 159–175.

Sutten M.L. The rising importance of women in terrorism and the need to reform counterterrorism strategy / School of advanced military studies. – Fort Leavenworth, KS, 2009. – 54 p. – Mode of access: <http://www.dtic.mil/docs/citations/ADA506225> (Дата обращения – 11.11.2016).

The Islamic State in Iraq and the Levant and the Al-Nusrah Front for the People of the Levant: Report and recommendations submitted pursuant to resolution 2170 (2014) / UN. Security Council. – N.Y., 2014. – 14.11. – S/2014/815. – P. 3–35. – Mode of access: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2014_815.pdf (Дата обращения – 11.11.2016).

Victor B. Army of roses: Inside the world of Palestinian women suicide bombers. – N.Y.: St. Martin's press, 2003. – 320 p.

Zakaria R. Women and Islamic militancy // Dissent. – North Hollywood, CA, 2015. – Vol. 62, Issue 1 (Winter). – P. 118–125. – Mode of access: <https://www.dissentmagazine.org/article/why-women-choose-isis-islamic-militancy> (Дата обращения – 11.11.2016).

А.А. ЦУРКАН

**РЕЖИМ ПРЕКРАЩЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
В СИРИИ: УСПЕХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

***Аннотация.** Режим прекращения боевых действий в Сирии, введенный в конце февраля 2016 г., анализируется через призму российско-американского сотрудничества. Первоначальный успех частичного прекращения огня, обозначивший значительный сдвиг в международных усилиях по урегулированию сирийского конфликта, способствовал интенсификации двустороннего взаимодействия Москвы и Вашингтона. Однако еще до начала реальной координации усилий для проведения совместных бомбардировок позиций «Джабхат ан-Нусры» и ИГ встал вопрос об аннулировании всех договоренностей по Сирии между Россией и США, таким образом было поставлено под сомнение прекращение боевых действий.*

***Abstract.** Cessation of hostilities in Syria, which was established at the end of February 2016, is analyzed through US–Russia co-operation. The initial success of partial ceasefire designated serious break in international efforts on the Syrian conflict resolution and contributed to strengthening bilateral interaction between Moscow and Washington D.C. However, in front of the real coordination in bombing of Nusra Front and Daesh, the issue of suspension of all agreements on Syria between Russia and the USA occurred, casting doubts on the future of cessation of hostilities.*

***Ключевые слова:** Сирия, Россия, США, российско-американские отношения, режим прекращения боевых действий.*

***Keywords:** Syria, Russia, USA, US–Russian relations, cessation of hostilities.*

Во многом благодаря политической воле России и США, действовавших в качестве сопредседателей Международной группы поддержки Сирии (далее – МГПС) и согласовавших все необходимые условия прекращения огня, 27 февраля 2016 г. с полуночи по дамасскому времени был введен режим прекращения боевых действий, знаменовавший серьезный прорыв в ходе урегулирования сирийского конфликта. Позже специальный посланник Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистура будет называть «чудом» российско-американские усилия [Mistura, 2016 a], приведшие к согласованию конкретных условий по имплементации соответствующего режима и, как следствие, к реальному сокращению числа бомбардировок и жертв среди мирных жителей. Однако в конце февраля международное сообщество еще предпочитало более умеренный тон в оценках предполагаемых успехов мирной инициативы, обозначая ее, скорее, как «испытание на прочность» реальных возможностей внешних игроков воздействовать на вовлеченные в вооруженное противостояние силы.

По большому счету, в то время не было уверенности ни в том, что американцы, которые, по оценкам многих экспертов, потеряли контроль над оппозицией, смогут воздействовать на нее; ни в том, что россияне перестанут наносить удары по рядам этой оппозиции под предлогом борьбы с ИГ и «Джабхат-ан Нусрой»; ни в возможности приостановки пятилетней гражданской войны и перехода к политическому процессу.

Вообще, несмотря на то что МГПС призывала конфликтующие стороны к прекращению огня начиная с октября 2015 г., т.е. практически непосредственно с даты своего создания, впервые решение о введении режима прекращения боевых действий в Сирии было принято в ходе Мюнхенской встречи 12 февраля 2016 г. Для претворения в жизнь этого решения в составе МГПС была создана отдельная целевая группа под председательством России и США, в задачи которой входило, среди прочего, проведение внутрисирийских консультаций с правительством и оппозицией. В соответствии с заявлением МГПС от вышеуказанной даты, стороны должны были приступить к введению режима прекращения огня в недельный срок после достижения взаимного согласия по этому поводу [Заяв-

ление.., 2016]. За это время Москве и Вашингтону следовало определить условия прекращения боевых действий.

Очевидно, что процесс внутрисирийских консультаций, равно как и согласования позиций двух председателей МГПС, проходил далеко не гладко, что было ожидаемо. Уже 15 февраля, т.е. спустя три дня после заключения Мюнхенского соглашения, Государственный департамент США в одном из своих официальных заявлений в связи с авиаударами по гражданским объектам в районе Алеппо выражал «сомнение по поводу желания и/или возможности России оказать помощь в прекращении продолжающейся агрессии режима Б. Асада против собственного народа» [Kirby, 2016]. В мировых СМИ появились спекуляции на тему попыток официального Дамаска и его союзников добиться максимального упрочения своих позиций на земле до введения режима частичного прекращения огня, чему в целом можно было найти подтверждения, исходя из заявлений самого Б. Асада и интенсификации бомбардировок. Россия, безусловно, отвергала обвинения в свой адрес, утверждая, что они были «изобретены в Вашингтоне» [Захарова, 2016 а]. Поэтому к 20 февраля, когда условия прекращения боевых действий в Сирии все еще находились в стадии согласования между сопредседателями МГПС, казалось, что существующая мирная инициатива не получит развития, как и все прежние, из-за критической невозможности Москвы и Вашингтона договориться между собой – в условиях обострения взаимоотношений двух стран, произошедшего после украинских событий.

В предыдущие годы, когда российско-американские связи находились в лучшем состоянии, некоторые эксперты по Ближнему Востоку уже высказывали предположения, что международные дипломатические усилия по Сирии не достигают своей цели во многом из-за того, что Россия и США не могут найти точки соприкосновения по вопросу дальнейшего развития сирийского политического процесса [Tabler, 2013]. Камнем преткновения и тогда, и сейчас была судьба президента Б. Асада, с тем только отличием, что в настоящее время на первый план вышла борьба с терроризмом. Однако, хотя сейчас и российские, и американские вооружен-

ные силы на территории Сирии участвуют в этой борьбе, они находятся по разные стороны баррикад.

И все-таки усилия США и России и общая усталость от сирийского конфликта, накопившаяся не только у непосредственных участников этого конфликта, но и в странах задействованного региона Ближнего Востока, а также необходимые гарантии, полученные от определенных участников достаточно репрезентативной МГПС, сыграли свою роль при заключении реальных договоренностей.

Так, 21 февраля 2016 г. на сайте МИД России появилось краткое сообщение о том, что согласование основных условий частичного прекращения огня близко к завершению, а выработанные предложения и параметры устанавливаемого режима выносятся на рассмотрение президентов России и США [О телефонном разговоре., 2016 б]. А уже 22 февраля было опубликовано совместное заявление сопредседателей МГПС от Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о прекращении боевых действий в Сирии, во исполнение которого 27 февраля на сирийской территории и был введен режим частичного прекращения огня.

Техническая работа по сбору информации от конфликтующих сторон и контролю за соблюдением режима прекращения огня была поручена двум центрам по примирению враждующих сторон: российскому – на авиабазе Хмеймим в Сирии и американскому – в иорданской столице Аммане. Российский центр начиная с 28 февраля ежедневно выпускает информационный бюллетень, в котором публикуются общие данные о соблюдении режима прекращения боевых действий, о возможных нарушениях и гуманитарном доступе. По сообщению Министерства обороны России от 27 февраля 2016 г., к режиму частичного прекращения огня помимо сирийской армии, при посредстве российского центра в Сирии присоединились еще 17 вооруженных формирований общей численностью 6111 человек, занимающих 74 населенных пункта и района, удары по которым отныне должны были быть исключены [В Минобороны России., 2016].

Впоследствии, по словам спецпосланника по Сирии С. де Мистуры, режим прекращения боевых действий соблюдался вплоть до

конца апреля 2016 г. [Mistura, 2016 a], когда численность присоединившихся к нему группировок достигла 52 [Информационный бюллетень., 2016 a]. Тем не менее это не означало прекращения всех бомбардировок на сирийской территории. Россия и коалиция стран во главе с США, а также непосредственные участники конфликта – официальный Дамаск и оппозиционные группировки – продолжали вести борьбу с ИГ и «Джабхат ан-Нусрой», исключенными из любых переговоров по прекращению огня в силу признания их террористическими организациями Советом Безопасности ООН. Безусловно, фиксировались и периодические нарушения установленного режима обеими сторонами: сирийской армией и оппозицией. Но в целом, по словам С. де Мистуры, в этот период число человеческих жертв в зоне конфликта сократилось в разы [Mistura, 2016 a].

Однако после серии массированных бомбардировок, которым подверглись районы Дамаска и Алеппо во время проведения последующих межсирийских переговоров, спецпосланник по Сирии заговорил о необходимости переутверждения режима прекращения боевых действий, что было возможно только при наличии политической воли России и США. Поэтому С. де Мистура выступил с инициативой повторного привлечения Москвы и Вашингтона к переговорному процессу и провел официальные встречи с государственным секретарем США Дж. Керри и министром иностранных дел России С. Лавровым.

По итогам этих консультаций Российская Федерация и Соединенные Штаты 9 мая 2016 г. выступили с совместным заявлением, в котором еще раз подтвердили приверженность обеих сторон соблюдению режима прекращения огня и обозначили конкретные шаги по его реализации на всей территории Сирии. Кроме того, Москва и Вашингтон договорились о создании в Женеве совместного российско-американского Центра оперативного реагирования на нарушения режима прекращения огня. С. Лавров охарактеризовал достигнутые соглашения как «очень большой качественный шаг вперед к более интенсивной координации российской стороны с американской и в целом с возглавляемой США антитеррористической коалицией» [Выступление и ответы., 2016 a].

По данным Министерства обороны России на 1 сентября 2016 г., к процессу перемирия присоединились 534 населенных пункта и 69 вооруженных формирований [Информационный бюллетень..., 2016 б]. Однако по-прежнему не удавалось стабилизировать обстановку в районе Алеппо, Дамаска, а также на ряде других направлений, где происходили постоянные боестолкновения сирийской армии с оппозицией и радикальными исламистами из «Джабхат ан-Нусры». Именно поэтому в конце августа 2016 г. Дж. Керри назвал режим прекращения огня «существующим, в большинстве случаев, если не во всех, только на бумаге» из-за недостатка ответственности участников и невозможности справиться с нарушениями [Kerry, 2016 с].

Нужно отметить, что после создания в мае 2016 г. женевского Центра оперативного реагирования сопредседатели МГПС не оставляли попытки имплементировать режим прекращения огня, понимая, что перемирие является базисом как для осуществления гуманитарного доступа в зоны боевых действий, так и для дальнейшего политического урегулирования конфликта. Так, 6 июля 2016 г. состоялся телефонный разговор между президентами США и России – В. Путиным и Б. Обамой, после чего 14–15 июля госсекретарь США Дж. Керри, посетивший Россию с официальным визитом, провел встречи с В. Путиным и С. Лавровым. Итогом этих переговоров стало новое подтверждение приверженности обеих стран режиму прекращения боевых действий, а также признание необходимости приложения усилий по его возобновлению и, возможно, установлению полноценного режима прекращения огня. Однако детали переговоров и разрабатываемых соглашений не разглашались. Было известно только, что американская и российская экспертные группы проводят регулярные заседания в Женеве. Когда спустя месяц – 26 августа – состоялся публичный отчет Дж. Керри и С. Лаврова, финальное соглашение так и не было представлено. Главы внешнеполитических ведомств ссылались на продолжающийся процесс согласования.

Тем не менее после личной встречи В. Путина и Б. Обамы на полях саммита «большой двадцатки» 4 сентября 2016 г. в Китае стало очевидно, что между президентами двух стран достигнута

принципиальная договоренность. Уже 10 сентября, по итогам переговоров в Женеве, продолжавшихся 15 часов, С. Лавров и Дж. Керри заявили о переутверждении режима прекращения боевых действий на всей территории Сирии. При этом широкой публике не было представлено никаких конкретных двусторонних соглашений, несмотря на то что в ходе пресс-конференции министры упомянули пять таких документов [Kerry, 2016 d]. Вместе с тем повторное введение в действие режима прекращения огня было осуществлено в полночь 12 сентября, после чего последовал тестовый семидневный период.

Принципиальным отличием от предыдущих договоренностей в этот раз стал запрет на проведение сирийской армией воздушных бомбардировок территорий дислокации умеренной оппозиции; фактическое сохранение статус-кво на земле на основании запрета по отвоевыванию территорий враждующих сторон, а также открытие дорог для свободного гуманитарного доступа. Россия и США традиционно взяли на себя обязательства гарантировать соблюдение режима прекращения боевых действий со стороны официального Дамаска и оппозиционных группировок соответственно.

Уже в ходе пресс-конференции 10 сентября С. Лавров заявил, что правительство Б. Асада готово выполнять российско-американские договоренности [Выступление и ответы..., 2016 в]. Далее при соблюдении в течение семи дней режима прекращения огня Россия и США должны были приступить к созданию Совместного исполнительного центра, в рамках которого военные двух стран должны были заниматься вопросами разграничения умеренной оппозиции и «Джабхат ан-Нусры», а также координацией совместных российско-американских боевых ударов по «Джабхат ан-Нусре» и ИГ.

Однако сокращение насилия в Сирии после переутверждения режима прекращения боевых действий отмечалось только в период с 12 по 17 сентября 2016 г. И даже в начале этого периода, по сообщениям МИД РФ, ряд вооруженных группировок сирийской оппозиции, включая «Ахрар аш-Шам», отказывался следовать российско-американским договоренностям [Комментарий Департамента информации..., 2016 а]. 17 сентября российская сторона

официально объявила о факте бомбардировки позиций сирийской армии в районе аэропорта города Дейр эз-Зор авиацией коалиции во главе с США [Комментарий Департамента информации..., 2016 в]. На следующий день, 18 сентября, сирийские войска осуществили бомбардировку рядов оппозиции в районе Алеппо, а 19 сентября, по информации С. де Мистуры, режим Б. Асада объявил об одностороннем выходе из режима прекращения боевых действий [Mistura, 2016 с]. Вечером того же дня в районе Алеппо обстрелу подвергся гуманитарный конвой ООН, в результате чего погибли сотрудники гуманитарной миссии.

С этого момента само существование режима прекращения боевых действий, коспонсорами которого являлись Россия и США, было поставлено под вопрос. Несмотря на продолжающиеся двусторонние контакты между С. Лавровым и Дж. Керри лично и по телефону, две встречи МГПС на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20–22 сентября, антагонизм между позициями Москвы и Вашингтона вышел на первый план.

Москва, продолжая откращиваться от любых обвинений в срыве договоренностей о прекращении огня, адресованных российским военным или официальному Дамаску, указывала на инцидент в городе Дейр эз-Зор и упрекала американцев в нежелании сражаться с «Джабхат ан-Нусрой» [Лавров, 2016]. Вашингтон, в свою очередь, в совместном заявлении, подписанном также министрами иностранных дел Франции, Германии, Италии, Великобритании и Верховным представителем ЕС по иностранным делам, выражал сомнение в приверженности России дипломатическому разрешению сирийского кризиса, отмечая беспрецедентную поддержку, которую Россия оказывала режиму Б. Асада в наступательной операции в районе Алеппо [Joint statement., 2016].

28 сентября Дж. Керри предупредил С. Лаврова, что США готовы приостановить действие российско-американских договоренностей по Сирии [Secretary Kerry's call., 2016 b], что будет означать фактически полную смену парадигмы процесса сирийского урегулирования. Именно это и произошло в конце сентября 2016 г.

Таким образом, остается констатировать, что в условиях «нового» восприятия Москвы на международной арене и соответст-

вующего к ней отношения, сложившегося по итогам украинского кризиса и присоединения Крыма к России, российско-американская кооперация буксует. По сути, Россия сама «навязала себя» в качестве активной стороны сирийского конфликта, приступив 30 сентября 2015 г. к проведению в Сирии военно-воздушной операции.

Но выгодно ли российской власти разрешение конфликта в Сирии в обозримом будущем? Тема противостояния террористам в Сирии¹ удачно сменила украинскую тематику в российских СМИ. На то же самое был сделан расчет и во внешней политике. Нужно добавить, что, если в настоящее время из российского информационного поля полностью уйдет образ внешнего врага (особенно реального), на вооруженное противостояние с которым тратятся бюджетные средства, на первый план выйдут внутренние проблемы, в частности дефицит бюджета в условиях санкций, антисанкций и общего экономического кризиса.

В отличие от России, США, несмотря на свою изначально четкую позицию по судьбе Б. Асада («Асад должен уйти»), далеко не сразу включились в войну на стороне «умеренной» оппозиции. Они до последнего тянули с поставкой ей сколь-нибудь серьезных вооружений (приборы ночного видения не в счет!), тем самым навлекая на себя ее гнев и, по факту, вынуждая ее обращаться за поддержкой в различные неправительственные фонды арабских стран, включая джихадистские. По мнению российского востоковеда Г. Мирского, основной причиной оттягивания администрацией Б. Обамы принятия решения об оказании прямой военной помощи сирийским повстанцам были опасения по поводу возможности попадания американского оружия в руки «Джабхат ан-Нусры», активно воюющей в Сирии [Мирский, 2013].

¹ Именно в такой упрощенной форме – в виде борьбы режима Б. Асада с различными террористическими группировками – представлен сирийский конфликт в российском медийном пространстве, где отрицается сама суть генезиса этого конфликта – противостояние официального Дамаска и восставших против него граждан страны.

В итоге как триггером, так и основным реципиентом американских бомбовых ударов по территории Сирии позднее стало ИГ¹. Таким образом, несмотря на декларативные заявления, которые политический истеблишмент Соединенных Штатов делал в отношении сирийского режима, начиная с 2011 г. США не предпринимали активных действий с целью его свержения.

Напротив, военная операция ВКС России против ИГ в Сирии направлена как раз на то, чтобы оказать поддержку режиму Б. Асада, в том числе и в борьбе с «умеренной» оппозицией, которую в Москве, по примеру официального Дамаска, зачастую именуют «радикальной оппозицией», «оппозиционерами-джихадистами», даже «экстремистами» и «террористами» [Захарова, 2016 в].

Тем не менее Россия нужна Соединенным Штатам в качестве партнера, способного оказывать влияние на режим Б. Асада. «Выторговать» уход Б. Асада, соблюдение договоренностей о прекращении огня и другие уступки американцы могут только через союзника официальной сирийской власти. При этом ни Корпус стражей исламской революции (Иран), ни «Хизбалла» (Ливан) союзниками США не являются. Более того, по мнению Г. Мирского, именно вовлечение в войну на сирийской территории 3–4 тыс. шиитских боевиков «Хизбаллы», означавшее, что в конфликт все более решительно вмешивается Иран, подтолкнуло официальный Вашингтон к принятию решения о поставках вооружения «умеренной» оппозиции [Мирский, 2013]. Россия же готова к сотрудничеству и стремится к нему, чтобы вернуть себе былое место на международной арене.

В любом случае российско-американское сотрудничество, пусть и неполноценное, привело в феврале 2016 г. к установлению режима прекращения боевых действий в Сирии, который мог стать прологом к введению всеобщего перемирия. Но, как бывало не раз во взаимоотношениях России и США, восприятие ситуации и связанные с этим ожидания в двух столицах «заклятых друзей» оказа-

¹ Напомним, что Соединенные Штаты проводят операцию против ИГИЛ на территории Ирака и Сирии с августа 2014 г. в составе коалиции из 67 стран, включающей, что следует отметить особо, большое количество арабо-мусульманских стран.

лись различными. Российская сторона ожидает главным образом возобновления полноценной кооперации Москвы и Вашингтона, желательно с установлением двустороннего военного сотрудничества на паритетных условиях. Американская сторона, похоже, ожидает, что сможет сыграть на реальной заинтересованности России в восстановлении связей с западным миром после украинских событий, чтобы иметь внешний источник влияния на Б. Асада, при этом, безусловно, не доверяя официальной Москве.

Интересно, что в нынешней ситуации Соединенные Штаты часто используют дискурс, более характерный для России: в нем соседствуют и совершенно конкретные обвинения Москвы в нарушении режима прекращения огня и нанесении бомбовых ударов по позициям противников Б. Асада, и, можно сказать, благодарность за включенность страны в процесс урегулирования сирийского конфликта [Secretary Kerry's call., 2016 a; Kerry, 2016 c].

В то же время за период с февраля по сентябрь 2016 г. прослеживалась тенденция к потеплению американской риторики в отношении России. Если накануне установления режима прекращения боевых действий Б. Обама заявлял, что «российская интервенция и бомбардировки укрепили режим Б. Асада и усугубили гуманитарную катастрофу в Сирии» [Obama, 2016], и выражал сомнения в заинтересованности Москвы в выполнении взятых ею на себя обязательств, то во время своего визита в Москву в июле 2016 г. Дж. Керри, апеллируя к совместным успехам российско-американской дипломатии в решении вопросов по химическому оружию в Сирии, иранской ядерной сделке и изменению климата, утверждал, что две страны могут добиться позитивных сдвигов при наличии политической воли [Kerry, 2016 b]. Хотя многое, конечно, будет зависеть от конкретных действий России.

Нужно отметить, что Россия изначально пыталась повысить уровень российско-американского сотрудничества, ссылаясь на необходимость интенсифицировать кооперацию между военными ведомствами двух стран [О встрече., 2016; О телефонном разговоре., 2016 a]. Следует обратить внимание на сообщение С. Лаврова о том, что американская сторона только 26 августа впервые предоставила российским коллегам список группировок, присоединив-

шихся к режиму прекращения боевых действий через американский координационный центр в Аммане [Выступление и ответы..., 2016 б]. Скорее всего информация министра иностранных дел полностью соответствует действительности, и американцы, очевидно, не хотели и не спешили делиться военной информацией. А это, безусловно, говорит об низком уровне двустороннего сотрудничества и недоверии США к России, что вполне объяснимо в условиях, когда российские ВКС, оказывающие поддержку режиму Б. Асада, проводят бомбардировки позиций его противников на сирийской территории.

На этом фоне весьма обнадеживающе прозвучало заявление президента России В. Путина по итогам полуторачасовой встречи с его американским коллегой Б. Обамой 4 сентября 2016 г. В. Путин прокомментировал, что они с Б. Обамой «добрались до понимания друг друга, понимания проблем, перед которыми мы стоим, но некоторые технические вещи еще нужно доработать» [Фролова, 2016]. По словам В. Путина, президент США «абсолютно искренне стремится к достижению результатов в борьбе с терроризмом и разрешению сирийского конфликта» [там же]. В заключение В. Путин заявил, что «полноформатная нормализация отношений, в том числе с Соединенными Штатами, которые, безусловно, для нас являются очень важным партнером, произойдет» [там же]. Такие «теплые» высказывания в адрес американцев на высшем уровне в России не звучали уже более десятилетия, что позволяет предположить, что в ходе встречи были достигнуты конкретные договоренности, выгодные российской стороне. Последующие заявления С. Лаврова и Дж. Керри о переутверждении режима прекращения боевых действий на всей территории Сирии, в рамках которого планировалось проведение совместных российско-американских бомбардировок ИГ и «Джабхат ан-Нусры», полностью вписываются в логику ожидаемого Россией прямого военного сотрудничества.

В последнее время России удавалось успешно продвигать и отстаивать свои позиции в ходе переговоров с США. Ярким примером является включение пункта о размежевании отрядов «умеренной» оппозиции и группировок «Джабхат ан-Нусры» в изначально не предназначавшиеся для широкой публики российско-американ-

ские соглашения от 9 сентября 2016 г. Москва, в свою очередь, настоятельно призывала американскую сторону способствовать такому разграничению еще в период первоначального утверждения режима прекращения боевых действий в мае 2016 г. [Захарова, 2016 б].

Россия также продвигает инициативу по расширению списка террористических организаций в Сирии, утвержденного ООН. В частности, Москва настаивает на включении в этот список группировок «Ахрар аш-Шам» и «Джейш аль-Ислам». Однако соответствующий проект резолюции Совета Безопасности ООН был заблокирован в мае 2016 г. США, Францией, Великобританией и Украиной. В настоящее время «Ахрар аш-Шам», поддерживаемая Турцией и странами Персидского залива, формально считается участником режима прекращения боевых действий, а «Джейш аль-Ислам» – член саудовской группы участников политического процесса [Russian attempt., 2016]. Однако учитывая, что террористический характер деятельности обеих группировок не отрицается американцами [Kerry, 2016 а], налицо отсутствие реального контроля над оппозицией со стороны США: ведь именно эти группировки заявили об отказе участвовать в прекращении огня, объявленном 12 сентября, в то время как в соответствии с российско-американскими договоренностями от 9 сентября задача Вашингтона состояла в том, чтобы обеспечить участие в прекращении огня всех оппозиционных группировок, поддерживаемых американской стороной [Комментарий Департамента информации., 2016 б].

Во многом именно по этой причине Россия активно выступала за необходимость обнародования последних договоренностей, «чтобы устранить любые двусмысленности в восприятии международным сообществом реального положения дел с их исполнением» [О телефонном разговоре., 2016 в]. Впервые эти договоры были опубликованы агентством Associated Press 23 сентября 2016 г., спустя две недели после их заключения. Однако 28 сентября, после вышеуказанного телефонного разговора С. Лаврова с Дж. Керри, в ходе которого была обозначена реальная угроза существованию режима прекращения боевых действий, на официальном сайте МИД РФ были опубликованы вообще все российско-американские

договоренности по Сирии. Помимо документов, касающихся установления режима прекращения огня в феврале 2016 г. и его переутверждения в сентябре, на сайте МИД появились еще два ранее неизвестных документа – «Стандартные условия и процедуры, необходимые для обеспечения режима прекращения боевых действий», вступивший в силу 28 марта 2016 г., и «Подход к практическим российско-американским усилиям в борьбе с ИГ и “Джабхат ан-Нусрой” и укреплению режима прекращения боевых действий» от 15 июля 2016 г.

За судьбой российско-американских контактов по Сирии пристально следят в офисе ООН в Женеве. Несмотря на то что С. де Мистура назвал последние недели сентября 2016 г. худшими в истории шестилетнего конфликта [Mistura, 2016 b], от работы и решений двух сопредседателей МГПС зависят ход и успех сирийского политического процесса. Как известно, предыдущие попытки урегулирования сирийского кризиса, инициированные ООН, провалились. В 2011 г. Россия, опасаясь повторения ливийского сценария, заблокировала резолюцию Совета Безопасности ООН по Сирии¹. В 2012 г. провалился малореалистичный на тот момент план Кофи Аннана, основным элементом которого было прекращение огня и вывод правительственных войск из городов [Мирский, 2012]. Таким образом, несмотря на то что параметры сирийского урегулирования были выработаны и закреплены в Женевском коммюнике еще 30 июня 2012 г., процесс сдвинулся с мертвой точки только с созданием МГПС². В итоге в декабре 2015 г. СБ ООН своей резолюцией признал МГПС в качестве «центральной платформы для содействия усилиям ООН по достижению прочного политического урегулирования в Сирии» [Резолюция., 2015].

Процесс межсирийских переговоров под эгидой ООН также был инициирован МГПС и стартовал в конце января 2016 г. До этого в Москве, Каире и Эр-Рияде состоялись встречи разных групп сирийской оппозиции. Декларируемой целью этих встреч было

¹ К июню 2013 г. таких заблокированных резолюций уже было три. Подробнее см.: [Tabler, 2013].

² С. де Мистура был назначен спецпосланником по Сирии более чем за год до создания МГПС – 10 июля 2014 г.

обеспечение наибольшей репрезентативности влиятельных оппозиционных кругов в ходе последующих встреч в рамках ООН. Одновременно каждый из внешних игроков пытался посредством включенности поддерживаемых им участников влиять на составление окончательного списка сирийских политических организаций, задействованных в процессе урегулирования. Россия, например, требуя «инклюзивного» характера межсирийских переговоров, критиковала ООН за отсутствие политической воли по включению в список представителей сирийских курдов [Выступление и ответ., 2016 б].

По состоянию на сентябрь 2016 г. прошло три раунда межсирийских переговоров: с 29 января по 3 февраля, с 14 по 24 марта, с 13 по 27 апреля. Первый раунд был остановлен из-за эскалации насилия на территории Сирии. После перехода режима прекращения боевых действий в активную фазу удалось провести две серии встреч представителей сирийской оппозиции и официального Дамаска под эгидой ООН. Но несмотря на то что возобновить контакты планировалось не позже августа, в сентябре переговоры так и не были возобновлены из-за масштабных нарушений режима прекращения огня.

Между тем в соответствии с венским заявлением МГПС от 14 ноября 2015 г., подтвержденным резолюцией СБ ООН № 2254 (2015), переход к заслуживающему доверия, инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе, а также определение графика и процедуры разработки проекта новой конституции Сирии должны были быть осуществлены в шестимесячный срок [Заявление., 2015]. Далее, в 18-месячный срок в Сирии должны были пройти выборы. Однако все сроки были нарушены, а ситуация осложнилась появлением нового активного участника конфликта – Турции, начавшей 24 августа 2016 г. наземную операцию на севере Сирии, по официальной версии, против ИГ, а по факту против курдов.

Интересно, что и США, и, главное, Россия на действия Турции отреагировали достаточно спокойно. Эксперты также не спешат с оценками турецких маневров. Открытым остается вопрос о том, каким образом эта военная операция может быть увязана с

переустановленным режимом прекращения огня на всей территории Сирии. Можно предположить, что сопредседатели МГПС согласовали свои решения с остальными членами группы, в том числе с Анкарой. Тем не менее в ходе пресс-конференции С. Лаврова и Дж. Керри 10 сентября 2016 г. вопрос турецкой вовлеченности в конфликт даже не поднимался.

В этой связи возникает желание в заключение рассмотреть вопрос о реальной заинтересованности региональных держав в урегулировании сирийского кризиса. Конечно, не может быть сомнений в том, что в целом вооруженный конфликт невыгоден государствам региона: во-первых, из-за огромных потоков беженцев, захлестнувших не только соседнюю Турцию, Ливан и Иорданию, но и ЕС; во-вторых, потому что по мере развития конфликта увеличиваются террористические риски и возрастает угроза дестабилизации всего Ближнего Востока. Но, с другой стороны, международные «спонсоры» уже вложили такое количество сил и средств в эту войну, что просто отойти от избранной политической линии невозможно – это будет казаться предательством завоеванных позиций.

На фоне действий региональных акторов курс России и США по проведению планомерной работы, направленной на полное прекращение огня и переход к политическому процессу, выглядит особенно привлекательно. Вскоре после первоначального введения режима прекращения боевых действий, 14 марта 2016 г., Москва объявила о выводе «основной части» российской военной группировки с территории Сирии. Представляется, что для России февральское соглашение с Соединенными Штатами стало удобным поводом частично завершить военную операцию. США накануне смены администрации также, похоже, старались прийти к какому-либо приемлемому итогу. Однако желание Б. Обамы договориться по Сирии не стоит переоценивать: многое, как и прежде, будет зависеть от политической воли России и ее способности оказывать влияние на Б. Асада и придерживаться достигнутых договоренностей.

В любом случае, завершая обзор российско-американских двусторонних контактов по разрешению сирийского кризиса,

можно с уверенностью сказать, что, несмотря на частые нарушения режима прекращения боевых действий, ни США, ни Россия не видят альтернативы этому процессу, поскольку другого способа остановить кровопролитие в Сирии пока не смогли предложить ни вовлеченные стороны, ни внешние игроки. Хотя нельзя недооценивать известное расхождение позиций США и РФ по вопросу о дальнейшей судьбе Б. Асада, тем не менее при наличии обоюдного желания имеется потенциал для достижения компромисса. Впрочем, приведет ли довольно успешно стартовавший и затем неоднократно перезапускавшийся режим прекращения боевых действий в Сирии к концу войны и к политическим преобразованиям, покажет время. В краткосрочной перспективе подобный сценарий представить трудно.

Пока неясно, можно ли говорить о сближении позиций двух стран только в отношении сирийского урегулирования или по поводу более широкого круга вопросов двусторонней повестки дня. В условиях смены администрации в Соединенных Штатах пока сложно представить какую-либо долгосрочную программу по реанимированию российско-американского диалога. Вместе с тем России особенно важно пытаться достичь определенных договоренностей с новой американской администрацией. Хотя следующему президенту США в любом случае на внешнеполитической арене придется работать с той повесткой, которую сформировал Б. Обама, с его приходом ситуация для Москвы может коренным образом измениться – и не в лучшую сторону.

Список литературы

В Минобороны России прошел брифинг о ходе процесса примирения сторон в Сирии / Минобороны РФ. – М., 2016. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12079556@egNews> (Дата обращения – 24.11.2016).

Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров со специальным представителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой / МИД РФ. – М., 2016 г. – 3 мая. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2262412 (Дата обращения – 24.11.2016).

Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри по итогам переговоров / МИД РФ. – Женева, 2016 б. – 26 августа. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2410768 (Дата обращения – 24.11.2016).

Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри и специальным посланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой по итогам переговоров / МИД РФ. – Женева, 2016 в. – 10 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2428815 (Дата обращения – 24.11.2016).

Захарова М.В. Ответ на вопрос СМИ по поводу ситуации на севере Сирии / МИД РФ. – М., 2016 а. – 16 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2096949 (Дата обращения – 24.11.2016).

Захарова М.В. Комментарий по тематике сирийского урегулирования / МИД РФ. – М., 2016 б. – 10 мая. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2270896 (Дата обращения – 24.11.2016).

Захарова М.В. Комментарий в связи со срывом сирийскими оппозиционными группировками гуманитарной операции ООН в Алеппо / МИД РФ. – М., 2016 в. – 28 августа. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2413058 (Дата обращения – 24.11.2016).

Заявление Международной группы поддержки Сирии / МИД РФ. – Вена, 2015. – 14 ноября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1941109 (Дата обращения – 24.11.2016).

Заявление Международной группы поддержки Сирии / МИД РФ. – Мюнхен, 2016. – 12 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2086375 (Дата обращения – 24.11.2016).

Информационный бюллетень российского Центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики / Минобрны РФ. – М., 2016 а. – 27 апреля. – Режим доступа: http://syria.mil.ru/peacemaking_bulletins/more.htm?id=12084189@egNews (Дата обращения – 24.11.2016).

Информационный бюллетень российского Центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики / Минобороны РФ. – М., 2016 б. – 1 сентября. – Режим доступа: http://syria.mil.ru/peacemaking_bulletins/more.htm?id=12094581@egNews (Дата обращения – 24.11.2016).

Комментарий Департамента информации и печати МИД России об итогах российско-американских консультаций по урегулированию в Сирии / МИД РФ. – М., 2016 а. – 12 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2433311 (Дата обращения – 24.11.2016).

Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с отказом ряда вооруженных оппозиционных группировок в Сирии выполнять положения российско-американских договоренностей от 9 сентября 2016 года / МИД РФ. – М., 2016 б. – 13 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2437594 (Дата обращения – 24.11.2016).

Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ракетно-бомбовым ударом международной антиигиловской коалиции под руководством США по позициям сирийских правительственных войск в районе г. Дейр эз-Зор / МИД РФ. – М., 2016 в. – 18 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2444527 (Дата обращения – 24.11.2016).

Лавров С.В. Интервью для программы «Поздняков» на телеканале НТВ, Москва / МИД РФ. – М., 2016. – 26 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2470301 (Дата обращения – 24.11.2016).

Мирский Г.И. Обама и оружие для сирийских повстанцев // Эхо Москвы. – М., 2013. – 14 июня. – Режим доступа http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1095270-echo/ (Дата обращения – 24.11.2016).

Мирский Г.И. Три сценария для Сирии // Эхо Москвы. – М., 2012. – 6 июня. – Режим доступа http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/896453-echo/ (Дата обращения – 24.11.2016).

О встрече министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016. – 14 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2086930 (Дата обращения – 24.11.2016).

О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016 а. – 20 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2105483 (Дата обращения – 24.11.2016).

О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016 б. – 21 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2105601 (Дата обращения – 24.11.2016).

О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016 в. – 17 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2444361 (Дата обращения – 24.11.2016).

Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7588-м заседании 18 декабря 2015 года / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2015. – S/RES/2254 (2015). – 5 с. – Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2254\(2015\)&referer=/english/&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2254(2015)&referer=/english/&Lang=R) (Дата обращения – 24.11.2016).

Фролова М. Путин и Обама пришли к пониманию друг друга на полуторачасовой встрече в Ханчжоу // Блокнот. – М., 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <http://bloknot.ru/obshchestvo/putin-i-obama-prishli-k-ponimaniyu-drug-druga-na-polutorachasovoj-vstreche-v-hanchzhou-484267.html> (Дата обращения – 24.11.2016).

Joint statement on Syria by the Foreign Ministers of France, Italy, Germany, the United Kingdom, the United States, and the High Representative of the European Union / US Department of State. – Wash., 2016. – 24 September. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/09/262382.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Kerry J. Remarks at the Aspen Ideas Festival and Conversation with Walter Isaacson / US Department of State. – Aspen, CO, 2016 а. – 28 June. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/259165.htm> (Дата обращения – 02.09.2016).

Kerry J. Joint press availability with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov / US Department of State. – М., 2016 б. – 15 July. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/07/260134.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Kerry J. Remarks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at a press availability / US Department of State. – Geneva, 2016 с. – 26 August. – Mode of

access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/08/261303.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Kerry J. Remarks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and UN Special Envoy Staffan de Mistura at a press availability / US Department of State. – Geneva, 2016 d. – 9 September. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/09/261722.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Kirby J. Airstrikes in Northern Syria: Press statement / US Department of State. – Wash., 2016. – 15 February. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/02/252503.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Mistura S. Transcript of press remarks / UN. – Geneva, 2016 a. – 27 April. – Mode of access: [http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/\(httpPages\)/000D36A774282696C1257FA3002BA4E4?OpenDocument](http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/(httpPages)/000D36A774282696C1257FA3002BA4E4?OpenDocument) (Дата обращения – 24.11.2016).

Mistura S. Briefing to the Security Council on Syria (25 September 2016) / UN. – N.Y., 2016 b. – 25 September. – Mode of access: [http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/\(httpNewsByYear_en\)/1855175EF35E4B31C125803A0031C370?OpenDocument](http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/(httpNewsByYear_en)/1855175EF35E4B31C125803A0031C370?OpenDocument) (Дата обращения – 24.11.2016).

Mistura S. Transcript of stakeout / UN. – N.Y., 2016 c. – 25 September. – Mode of access: [http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/\(httpNewsByYear_en\)/604700A846CE3BE2C125803A003167E2?OpenDocument](http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/(httpNewsByYear_en)/604700A846CE3BE2C125803A003167E2?OpenDocument) (Дата обращения – 24.11.2016).

Obama B. Remarks on progress against ISIL / The White House. – Wash., 2016. – 25 February. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/25/remarks-president-progress-against-isil> (Дата обращения – 24.11.2016).

Russian attempt to blacklist Syria's Islamist rebels blocked // The New Arab. – L., 2016. – 11 May. – Mode of access: <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2016/5/11/russian-attempt-to-blacklist-syrias-islamist-rebels-blocked> (Дата обращения – 24.11.2016).

Secretary Kerry's call with Russian Foreign Minister Lavrov / US Department of State. – Wash., 2016 a. – 20 February. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/02/253094.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Secretary Kerry's call with Russian Foreign Minister Lavrov / US Department of State. – Wash., 2016 b. – 28 September. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/09/262532.htm> (Дата обращения – 24.11.2016).

Tabler A.J. Syria's collapse and how Washington can stop it / Foreign affairs. – N.Y., 2013. – July-August. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2013-06-11/syrias-collapse> (Дата обращения – 24.11.2016).

Г.И. КУТЫРЕВ

ПОЗИЦИЯ ИТАЛИИ В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И РОССИЕЙ

Аннотация. В статье анализируется внешнеполитическая позиция Итальянской Республики по отношению к гражданской войне в Сирии. Рассматриваются внутренние и внешние факторы, влияющие на процесс принятия внешнеполитических решений официальным Римом. Особое внимание в данном контексте уделяется последствиям мирового финансово-экономического кризиса, превратившего Италию в одну из «больных стран» Европейского союза.

Abstract. The article analyzes the Italian Republic foreign policy stance on Syrian civil war. The internal and external factors affecting the official Rome foreign policy decision-making process examined. Particular attention in this context is paid to the effects of the global financial-economic crisis which converted Italy into one of the «sick counties» of the European Union.

Ключевые слова: Италия, Сирия, Россия, гражданская война в Сирии, международные отношения, «арабская весна», Ближний восток, ИГ.

Keywords: Italy, Syria, Russia, Syrian civil war, international relations, Arab Spring, Middle East, IS.

Введение

17 декабря 2010 г. самосожжение торговца фруктами и овощами Мухаммада Буазизи, чьи товары были конфискованы властями, послужило началом широких антиправительственных выступлений («вторая жасминовая революция») в Тунисе, в ходе которых был свергнут президент З. эль-Абидин Бен Али (1987–2011). С успехом «единовременных массовых выступлений против

старого режима» [Мадатов, 2008, с. 166] в Тунисе в следующем 2011 г. эта волна протестов приобрела глобальный размах; в Египте, Алжире, Иордании, Йемене, Саудовской Аравии, Бахрейне и других странах Ближнего Востока начались антиправительственные выступления и массовые демонстрации.

Данные события получили название «арабской весны», «арабских восстаний», «арабских революций»¹ и даже «четвертой» или «пятой волны демократизации» [Хабутдинов, 2011; Кудряшова, 2015]. Протесты затронули более десятка арабских стран, включая государства Залива, а в Ливии привели к свержению персоналистского режима М. Каддафи (1969–2011) и гражданской войне (2011 – н.в.)².

Отмечая те или иные симптомы кризиса в арабском мире, ученые разошлись в оценках факторов, лежащих «в основе» [Иващенко, 2013, с. 38] данного феномена. Для удобства мы разделим мнения экспертов на три большие группы. Наиболее многочисленная *первая группа* ученых [Мирский, 2011; Иващенко, 2013; Binhuwaidin, 2015; Ogbonnaya, 2013] в качестве основных причин «арабской весны» называет преимущественно *социально-экономические факторы*: экономическая стагнация, бедность, неравенство, всепроникающая коррупция и безработица среди молодежи.

Вторая группа [Коротаяев, 2013; Гринин, 2011] – сторонники *информационно-демографических факторов* – считает, что «арабские революции» во многом связаны с распространением «новых медиа»

¹ Согласно таким исследователям, как А.В. Коротаяев, С.Ф. Крамер, Д.С. Япхе, термин «арабская весна» – прямая аллюзия к европейской «Весне народов» 1848–1849 гг., когда вооруженные восстания, баррикадные бои потрясали Париж и Милан, Вену и Берлин, Мюнхен и Дрезден, Палермо и Рим, Будапешт и Прагу, Краков и Львов и много других городов Европы. На Западе широкое распространение термин получил после упоминания в статье американского журналиста Ч. Краутхаммера. См.: [Krauthammer, 2005].

² Важную роль в свержении М. Каддафи сыграли войска НАТО, которые провели коалиционную миротворческую операцию «Объединенный защитник» с использованием воздушных, военно-морских и наземных сил по подавлению ливийской армии. Натовские действия в Ливии опирались на резолюцию ООН № 1973, которая придавала им законный характер. Подробнее см.: [Фанчини, 2012].

(в первую очередь, социальных сетей и блог-сервисов), демографическим взрывом и стремительной экспансией высшего образования.

Третья группа исследователей [Byun, Hollander, 2015; Чэнь, 2013] ставит под сомнение возможности «новых медиа», поясняя, что исследования выявляют относительно слабую корреляцию между доступом в Интернет и нарастанием революционной ситуации. Так, Э. Холландер и Ч.К. Боун указывают: «Широко разрекламированные эффекты электронных и социальных медиа во многом бездоказательны... мы не нашли никаких подтверждений того, что доступ к электронным средствам способствует повышению революционных настроений» [Byun, Hollander, 2015, p. 40]. Некоторые экономические причины (высокая безработица, экономическое неравенство) также «не работают» на повышение уровня революционности. Зато инфляция и коррупция, по словам исследователей, имели важное значение для возникновения революционных ситуаций в арабских странах.

В Сирии выступления против правительства Б. Асада начались в марте 2011 г. в городе Дараа, расположенном на юго-западе Сирии (50 тыс. жителей), неподалеку от границы с Иорданией. Вскоре они распространились на другие города, где манифестанты выступали за улучшение социально-экономических условий жизни. Вопросы этноконфессионального или религиозного характера в то время практически не поднимались.

По словам независимого журналиста Р. Эрлиха, «в Сирии был собственный Мухаммад Буазизи» [Erlich, 2014, p. 83]. Однако поворотным моментом в развитии сирийского кризиса стал не акт самосожжения, совершенный Хасаном Али Аклехом в городе Эль-Хасака 26 января 2011 г., а задержание полицией города Дараа 15 школьников, которые после ареста были подвергнуты пыткам за антиправительственные граффити.

Рассматривая развитие сирийского кризиса, переросшего в гражданскую войну, необходимо отметить ряд особенностей, которыми характеризуется ситуация в Сирии.

- *Разделение населения по этнорелигиозному признаку оказывает сильнейшее влияние на жизненный уклад и политико-религиозную жизнь сирийского общества. На протяжении веков религиоз-*

ные общины суннитов¹ и шиитов (алавиты², исмаилиты³) жили раздельно, религия была стержнем их единения и выживания. На современном этапе религиозные традиции продолжают играть определяющую роль, власть шейхов трансформировалась во власть политических кланов. Вся верхушка сирийской армии состоит из алавитов, значительная часть интеллигенции, оказывающей поддержку режиму, – христиане.

• *Этнический состав сирийского общества.* Сирия – родина курдов⁴ и друзов⁵; также в стране сохранились переселенные в период турецкого владычества народы: адыгейцы, черкесы, кабардинцы, чеченцы.

• В Сирии произошла *трансформация конфликта* – сначала в полномасштабную локальную войну, которую в экспертном сообществе определяют как «проxy war» (опосредованная война, война чужими руками), характеризующуюся «наличием ряда “наслаивающихся” измерений» [Саргон, 2013, с. 13], а затем в один из наиболее острых глобальных конфликтов.

• В данный вооруженный конфликт, по словам Б.В. Долгова, оказались *вовлечены практически все мировые центры силы*: «Здесь

¹ В Сирии проживают приверженцы трех основных мазхабов суннизма. Половина сирийских суннитов – ханбалиты; курды и бедуины – шафииты; на юге страны проживают маликиты.

² Алавиты (самоназвание – нусайриты) – самая крупная община шиитов Сирии. Алавитский культ представляет собой своеобразную смесь ислама, христианства и язычества. На протяжении всей своей истории алавиты презирались ортодоксальными мусульманами и занимали в левантских обществах низшие ступени социальной иерархии, выполняя самые тяжелые и грязные работы.

³ Исмаилиты исповедуют неортодоксальную доктрину «скрытых имамов». В данной ветви шиитского ислама прослеживается определенное влияние буддизма, маздаизма, а также древних культов времен античности.

⁴ «Особенность сирийских курдов заключается в том, что они расселены практически по всей территории страны, включая Дамаск и Алеппо, кроме того, бааский режим предпринял попытки отделить их от курдов соседних стран арабским буфером» [Свешникова, 2015, с. 91].

⁵ Друзы – замкнутая этнорелигиозная общность, считающаяся одной из самых воинственных на Ближнем Востоке.

фокусируется внимание ведущих стран НАТО и Европейского союза (ЕС), России, Китая и региональных держав – Турции, Ирана, Израиля, монархий Персидского залива, а также соседних с Сирией арабских стран» [Долгов, 2013, с. 94–95]. Действия данных международных акторов, по мнению экспертов, связаны с борьбой за энергоресурсы Сирии.

• *Энергетическая отрасль* всегда была стратегической для национальной экономики Сирии¹: «Доходы от экспорта нефти (до 2012 г. порядка 95% сырой нефти вывозилось в Европу) были основным источником пополнения госбюджета страны, обеспечивая примерно четверть совокупных государственных расходов... В районе Восточного Средиземноморья Сирия остается самым крупным производителем, даже несмотря на внушительное сокращение объемов добычи нефти и газа в результате военного конфликта» [Зейн Айдрус, 2013]. Хотя, по мнению экспертов, Сирия является незначительным игроком на мировом рынке нефти (0,1%) и газа (0,2%), в районе Восточного Средиземноморья она остается самым крупным нефтедобывающим и экспортирующим государством. За нефтяные и газовые месторождения, расположенные в восточной и северо-восточной частях страны, идет ожесточенная борьба.

• *Вооруженные силы Сирии и ее союзники.* Критическая нехватка людских и материальных ресурсов по-прежнему препятствует сирийской армии получить преимущество в гражданской войне. На сегодняшний день (2016) армия Сирии насчитывает 130,5 тыс. человек; созданные сирийским правительством военизированные формирования (Национальные силы обороны и другие, менее крупные организации) насчитывают еще 150 тыс. человек [The military balance., 2016, p. 354]. Также на стороне сирийской армии воюют члены ливанской «Хизбаллы» (ок. 4 тыс. человек), иранского Корпуса стражей исламской революции (ок. 2 тыс. человек) и ВКС Российской Федерации (ок. 4 тыс. человек). В стране существует

¹ Разведка нефти в Сирии началась еще в 1933 г. Первое месторождение было открыто в 1956 г., а добыча началась в 1968 г. Экспортировать нефть Сирия стала в середине 1980-х годов.

развитая система ПВО и ВВС, возможности которой значительно увеличились благодаря поставкам со стороны России¹.

• *Политический режим Б. аль-Асада.* Устойчивость авторитарного режима Б. Асада во многом объясняется его «правильной институционализацией», обеспечивающей мобилизацию поддержки и легитимации режима. В то время как авторитарный режим Туниса продержался считанные недели, в Египте – немногим более месяца, а режим М. Каддафи в Ливии пал после полугода войны, режим Б. Асада, несмотря на санкции и гражданскую войну, демонстрирует исключительную живучесть. С. Хантингтон обращал внимание, что «политическая партия является единственной современной организацией, которая может стать источником власти» (цит. по: [Харитоновна, 2012, с. 20]). Такой партией в Сирии стала авторитарно-доминантная Партия арабского социалистического возрождения – БААС². Подобно другим автократам («царям горы»), Б. Асад использовал выстроенную его отцом Х. Асадом систему «плохих» институтов (непрозрачных, неэффективных и неподотчетных) для «захвата государства», закрепив институциональную ловушку и собственную власть [Мельвиль, 2013, с. 164].

• *Политическая оппозиция.* Режиму Б. Асада и партии БААС противостоит внутрисирийская оппозиция, представленная Национальным координационным советом за демократические перемены, Сирийским национальным советом, «Свободной сирийской армией» и курдскими политическими партиями.

¹ 12 тактических фронтовых бомбардировщиков с крылом изменяемой стреловидности Су-24 М; 4 двухместных многоцелевых истребителя Су-30 СМ; 4 многофункциональных истребителя-бомбардировщика Су-34; 10 фронтовых штурмовиков-бомбардировщиков Су-25 СМ; 2 штурмовика Су-25 УБМ; 1 самолет радиоэлектронной разведки Ил-20 М; 12 ударных вертолетов Ми-24 П и 6 транспортно-штурмовых вертолетов Ми-8 АМТШ [The military balance., 2016, p. 312].

² В основу политической концепции созданной в 1947 г. партии БААС легли идеи Ф. Ницше, К. Маркса, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, теоретиков арабского национализма, антиимпериализма и социализма. Соединив в своей концепции понятия «национализм» и «социализм», основатель партии М. Афляк дал понять, что сторонниками социализма он считает борцов с колониализмом, а противниками – тех, кто его поддерживает.

• *Новые политические партии.* В 2011 г. руководством Сирии был подписан специальный указ № 100 о вступлении в силу Закона о создании и деятельности политических партий, а в 2012 г. прошел референдум об отмене статьи о руководящей роли партии БААС¹. В результате были зарегистрированы новые политические партии: Национальная партия сирийской молодежи, Национальная партия молодежи за справедливость и развитие, «Арабская демократическая солидарность», «Авангард демократии», «Партизаны», Национальная партия развития и «Сирийская родина».

• *Вооруженные антиправительственные группировки.* Помимо международной террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)² на территории Сирии активно действуют десятки, если не сотни террористических группировок. Почти все группы боевиков придерживаются салафитско-джихадистской идеологии. Самыми крупными из них являются: «Джабхат ан-Нусра»³ и коалиция «Исламский фронт»⁴.

¹С 1972 г. партия БААС возглавляет Национал-прогрессивный фронт – зонтичную организацию, в которую входят партии социалистической или националистической ориентации, признающие лидерство партии БААС.

²На сегодняшний день (2016) ИГ представляет собой протогосударство с территорией в 50–70 тыс. кв. км и населением 6–7 млн человек (цифры, естественно, приблизительные). Конечная цель руководства «халифата» не вызывает сомнения – превращение этого протогосударства в полноценное государство, что будет означать появление нового актора на Ближнем и Среднем Востоке.

³«Джабхат ан-Нусра» – салафитская джихадистская организация, заявившая о своем создании в январе 2012 г. Создание группы инициировало ИГ, взявшее на себя организационные вопросы, финансирование, обеспечение оружием, бойцами и тренировочной базой. Основной костяк группы (включая ее лидера, взявшего псевдоним Абу Мухаммад аль-Джолани) составили сирийские джихадисты, воевавшие в Ираке и Афганистане в 2000-е годы.

⁴Создана в ноябре 2013 г. на базе нескольких влиятельных радикальных формирований. Костяк организации составили такие радикальные исламистские группировки, как «Ахрар аш-Шам», «Джейш аль-Ислам», «Ансар аш-Шам» и «Лива ат-Таухид».

По словам Н. Кожанова, на сегодняшнем этапе (2016) «сирийский конфликт можно назвать “странной войной”... проблема заключается в том, что мир в Сирии сейчас основным участникам и нужен, и не нужен одновременно... В результате все стороны продолжают пытаться силой изменить ситуацию в свою пользу. Проблема заключается в том, что на внешних спонсоров конфликта абсолютно не давит время» [Кожанов, 2016].

Начиная с августа 2014 г. ВВС США приступили к ночным бомбардировкам территорий, занятых боевиками ИГ в Сирии и Ираке. Позже на саммите НАТО в Уэльсе (4–5 сентября 2014 г.) госсекретарь США Дж. Керри призвал создать коалицию стран «готовых и способных» [Kerry, 2014] бороться с угрозой ИГ. Девять стран – членов НАТО (Франция, Великобритания, Дания, Германия, Канада, Турция, Италия и Польша), а также Австралия присоединились к операции против ИГ. 10 сентября 2014 г. президент США Б. Обама представил стратегию борьбы с ИГ/Исламским фронтом [Fact sheet., 2014]. 24 сентября на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Б. Обама вновь призвал страны присоединиться к коалиции, чтобы «демонтировать эту сеть смерти» [Gerstein, Epstein, 2014].

На сегодняшний момент (2016) в Международную коалицию по противодействию ИГ (Global Coalition to Counter the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL)), действующую на основании резолюций Совета Безопасности ООН № 2170 от 15 августа 2014 г. [Resolution., 2014] и № 2178 от 24 сентября 2015 г. [Security Council., 2014], входит 60 стран. Итальянская Республика – один из наиболее влиятельных членов НАТО и активных участников Международной коалиции. Она активно поддерживает действия коалиции, осуществляя военную и гуманитарную помощь: в частности, в рамках участия в коалиции итальянские карабинеры (военная полиция) обучают иракских военных и полицейских стрельбе и полицейскому делу.

В данной статье мы рассмотрим военную политику Италии в контексте вооруженного конфликта в Сирии. Особое внимание предполагается уделить факторам, оказавшим существенное влияние на выработку военно-политического курса страны: мировому

финансово-экономическому кризису, НАТО и Атлантическому партнерству, российскому вектору внешней политики.

Мировой экономический кризис, военная политика и константы внешней политики Италии

Формальные политические институты (к которым можно отнести и институт внешней политики) возникают под влиянием неформальных, складывающихся веками, формирующих «несущую конструкцию» институтов как правил игры. В основе данного процесса лежит принцип «тропы зависимости» (*path dependence*), означающий, что события или решения прошлого определяют возможности современности.

«Тропа зависимости» задает рамки (константы) системы внешнеполитических координат, т.е. границы, в которых может меняться стиль дипломатии и могут смещаться акценты в соответствии с теми или иными предпочтениями политиков. Внешняя политика находится под влиянием интеллектуального, культурного и институционального наследия прошлого, налагающего традиционный поведенческий и организационный отпечаток на действия политических сил, что сказывается на развитии внешнеполитического курса.

Согласно Э. Греко и Дж. Бонвичини [Greco, Bonvicini, 2013] и Н.К. Арбатовой [Арбатова, 2015], константами внешней политики Италии являются следующие.

- *Ощущение уязвимости.* С окончанием холодной войны и устранением угрозы глобального конфликта чувство «небезопасности» не исчезло, а приобрело новое измерение в силу близости Италии к конфликтным регионам – Балканам и Южному Средиземноморью. Почти все крупнейшие конфликты 1990-х годов имели место именно здесь.

- *Пограничное международное положение.* Положение Италии в системе международных отношений описывается формулировкой «последняя среди великих держав и первая среди малых». Именно этим объясняется ее стремление числиться в группе государств-лидеров (быть членом «большой восьмерки», «большой двадцатки») и поиск международного признания.

• *Асимметрические альянсы.* Стремление к развитию двусторонних связей или союзов, которые могут обеспечить Италии присутствие «за столом великих держав», а также внешнюю и внутреннюю безопасность, нередко вступает в противоречие с экономическими, политическими и военными интересами страны.

• *Дефицит возможностей.* Данная константа непосредственно связана с предыдущей. Как правило, принятие обязательств, которые помогают Италии поддерживать свой имидж перед союзниками, не сопровождается увеличением соответствующих бюджетных ассигнований на деятельность министерств иностранных дел и обороны [Арбатова, 2015, с. 120–121].

• *Ограниченный интерес к международным делам.* Итальянцы считаются с внешней политикой страны, но глобальные вопросы занимают не самое высокое положение на шкале их приоритетов. Только когда международные события затрагивают интересы граждан страны напрямую (как в случае с нелегальной иммиграцией и пограничной безопасностью), итальянцы начинают уделять больше внимания внешней политике [Greco, Bonvicini, 2013, p. 3].

• *Политическая наука и международные отношения.* В настоящее время политическая наука и вопросы международных отношений в Италии разрабатываются достаточно хорошо организованной группой специалистов. Многие области данных дисциплин глубоко проработаны исследователями. Однако профессиональные границы исследований пока четко не определены. Кроме того, на работу исследователей по-прежнему оказывает влияние интеллектуально-культурное и институциональное наследие Италии. Так, большинство итальянских политологов и международников рассматривают политические процессы не с эмпирико-практической точки зрения, но с позиций нормативной философии, институционального права и истории. Стоит добавить, что активность научного сообщества, занимающегося разработкой указанных научных дисциплин, неодинакова в различных районах Италии. В некоторых ключевых центрах (таких как Рим) эти дисциплины практически не используются ни как потенциальные источники политико-административных изменений, ни как фундамент для подготовки и общения будущих руководителей.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в американской финансовой системе во второй половине 2008 г., спровоцировал развитие в 2010 г. долгового кризиса в ЕС, Японии, развивающихся странах. Итогами кризиса стали «потеря ликвидности ведущих финансовых институтов зоны ЕС в среднем на 10–30%, падение мирового промышленного производства на 10–35% и сокращение ВВП на 1–10%. Во всех странах наблюдался рост безработицы на 6–15% (в среднем 10%). Фондовые индексы отреагировали падением на 10–40%. Произошел рост государственного внутреннего и внешнего долга к ВВП от 60%...» [Шавшуков, 2014, с. 123].

В конце 2009 г. возникли проблемы с обслуживанием государственного долга Греции: «Был объявлен бюджетный дефицит в размере 12,7% ВВП – вдвое больше, чем ожидалось. При этом госдолг страны составлял почти 300 млрд евро» [Александрова, 2013, с. 107], и стало очевидно, что с подобными проблемами в ближайшее время столкнется еще несколько стран ЕС, размер государственного долга которых угрожает банкротством их экономикам (так называемые страны PIIGS – Португалия, Италия, Ирландия, Греция, Испания).

В июле-августе 2010 г. развернулся спекулятивный ажиотаж вокруг долговых обязательств Италии, которая стала объектом спекулятивной атаки по ряду причин: в частности, ее государственный долг, составлявший в 2008 г. 106,3% ВВП, скачкообразно вырос до 119,0 – в 2010 г., а в 2011 г. – до 121,1%. В отличие от малых стран европейской периферии (Греции, Ирландии и Португалии), Италия была слишком крупным объектом для спасательных операций «тройки» международных кредиторов (представителей Еврокомиссии, Европейского центробанка и Международного валютного фонда). Результатом стал кризис доверия к правительству С. Берлускони, чьи антикризисные меры оказались неэффективными.

В середине ноября 2011 г. правительство С. Берлускони сменил кабинет технократов М. Монти, задачей которого стало безотлагательное проведение антикризисных реформ: сокращение дефицита госбюджета к 2013 г. на 54 млрд евро за счет введения налога в размере 5% для всех, кто получает больше 90 тыс. евро в год, и 10% – для тех, чей доход выше 150 тыс. евро; увеличения пен-

сионного возраста до 65 лет с 2014 г.; объединения 36 небольших провинций в более крупные; сокращения бюджета национальных министерств на 8 млрд евро. Новое правительство М. Ренци, пришедшее к власти в конце февраля 2014 г., подтвердило курс на продолжение ключевых экономико-социальных реформ в стране.

На сегодняшний момент (2016), несмотря на определенные успехи в преодолении экономического кризиса, в экономике Италии по-прежнему нет тенденции к устойчивому росту по ряду показателей¹. Подобная ситуация объясняет скептицизм населения по отношению к решениям итальянского правительства, связанным с участием Италии в международных военных операциях НАТО и других военных коалициях.

Следует заметить, что итальянское общественное мнение по вопросам обороны страны² неоднородно: спектр мнений варьируется от полного отсутствия интереса до прямой оппозиции официальному курсу. По мнению экспертов, для общественного мнения в отношении военных расходов характерны: большая роль предрассудков, стереотипов, заблуждений; упрощенность и поверхностность оценок; быстрый рост внимания к проблеме и такой же стремительный спад интереса; превалирование экономико-социальных интересов над стратегическими [Gilli, Unagro, Morrane, 2015].

Тем не менее, согласно социологическим опросам (2013), большинство итальянцев (86%) выступают против отправки воен-

¹ Жесткая кредитная политика и слабые корпоративные балансы продолжают оказывать давление на внутренний спрос. Кроме того, несмотря на ослабление налогового бремени, раздутый государственный сектор сталкивается с необходимостью дальнейшей консолидации. Число итальянцев, проживающих за чертой бедности, продолжает расти. За последние пять лет численность бедняков возросла почти в два раза. См.: [Овакимян, 2015, с. 17–18].

² В данной статье «общественное мнение по вопросам обороны страны» определяется как совокупность оценочных суждений различных социальных общностей относительно фактов, событий, явлений военной сферы общественной жизни, представляющих собой форму проявления массового (группового) сознания и оказывающих влияние на военную политику, процессы принятия военно-политических решений. См.: [Тимофеев, 2013, с. 8–9].

ного контингента для участия в международных военных операциях [Gresco, Bonvicini, 2013, p. 21]. В ходе исследования респондентам предлагалось ответить на вопрос, какой вариант действий США и их сторонников (в том числе Италии) в отношении Сирии представляется наиболее допустимым. Опрос показал, что лишь 22% итальянцев выступают за внешнее военное вмешательство в сирийский конфликт; большинство – 71% – высказались против. Из тех респондентов, кто высказался против военной операции в Сирии, 75% заявили, что выступали бы против миротворческой операции, даже если бы она была санкционирована Советом Безопасности ООН, и только 21% заявили, что в таком случае миротворческая операция допустима [Gresco, Bonvicini, 2013, p. 21].

В мае 2015 г. была опубликована «Белая книга» Минобрны Италии, в которой отражены необходимые изменения, внесенные в концепцию обороны и безопасности страны под влиянием новых международных вызовов и угроз, изменений в военно-теоретической и военно-технических областях. Хотя данная концепция обороны и безопасности «*de jure*» заменила версию 2002 г. «*de facto*», по словам экспертов, концепция обороны Италии не обновлялась с 1985 г. [Gilli, Unagro, Morrane, 2015].

Согласно новой концепции, основное внимание в оборонной политике страны будет уделяться «евро-средиземноморскому региону», охватывающему страны ЕС, Балканы, страны Магриба, Черного моря и Ближнего Востока, поскольку «в некоторых из этих областей фундаментальные экономические, политические и социальные потрясения привели к всплеску насильственной преступности, а также кровавым гражданским войнам» [White Paper., 2015, p. 27]. В этих условиях Италия отказывается от статуса державы с мировой ответственностью, предпочитая сконцентрироваться на данном регионе, ссылаясь на свою «способность решать традиционные конфликтные ситуации» [Ibid., p. 28–31].

Для новой концепции обороны и безопасности Италии характерны следующие отличия.

- Разработкой концепции занимались не только сотрудники Министерства обороны, как это было ранее, но и представители других министерств, «фабрик мысли» (think tanks) и университетов.

- В новой концепции зафиксирован отход от прежнего курса, основанного на поддержании традиционного баланса между «атлантизмом» и «европеизмом», в пользу более прагматичных и решительных действий с учетом национальных интересов страны; в конечном счете установлены более четкие приоритеты для Министерства обороны. По мнению экспертов, директива «Белой книги» 2015 г. о «применении силы и сдерживания» вызывает сомнения относительно правоприменения данной «национальной модели интервенций», поскольку вступает в противоречие со ст. 11 Конституции Итальянской Республики, которая «отвергает войну как орудие посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных споров» [Конституция., 1997].

- «Белая книга» 2015 г. демонстрирует новый подход Италии к трансатлантической сплоченности и европейской интеграции, которые прежде так или иначе противостояли друг другу. Италия планирует продолжать взаимодействие и интеграцию со своими европейскими союзниками в вопросах военного сотрудничества, в то время как НАТО останется важным оборонительным союзом для сдерживания внешнего противника и защиты Европы.

- Особое внимание в новой концепции уделяется реформированию вооруженных сил, численность которых в 2015 г. была существенно сокращена (на 25%). В последнее десятилетие (с 2004 г.) была проведена реформа итальянских вооруженных сил: массовая итальянская армия преобразована в хорошо подготовленную и технически оснащенную профессиональную армию, в структуру которой было интегрировано определенное количество военнослужащих-женщин. В «Белой книге» также отмечены реформы, касающиеся высшей военной администрации, в результате которых произошло усиление позиций начальника штаба и министра обороны. Приоритетным направлением реформирования вооруженных сил является гибкость организационной структуры армии, для чего решено сконцентрировать внимание на пяти основных функциях оборонительных и боевых организаций Италии: политическое руководство, военно-стратегическое руководство, кадровая политика, оперативное развертывание и силы поддержки.

С 2015 г. Италия участвует в операции НАТО «Решительная поддержка» (Resolute Support) в Афганистане, предусматривающей оказание помощи афганским силам безопасности без проведения боевых операций (740 человек, одна пехотная бригадная боевая группа, один ударный вертолет Agusta A129 «Mangusta», один тяжелый военно-транспортный вертолет Boeing CH-47 «Chinook», один многоцелевой вертолет NH NH90). В г. Герате на северо-западе Афганистана итальянские военные специалисты занимаются обучением и консультированием.

Италия принимает участие в операции «Непоколебимая решимость» (Inherent Resolve) в Ираке, в антипиратской военно-морской операции «Атланта» в Индийском океане, а также в различных операциях в Боснии и Герцеговине (7 человек), Кувейте (4 самолета-бомбардировщика «Tornado», 2 разведывательно-ударных БПЛА MQ-9 «Reaper», 1 военный самолет-заправщик Boeing KC-767), Египте (78 итальянских представителей МСН¹, 3 прибрежных патрульных катера), Ливане (1188 итальянских представителей ЮНИФИЛ², 1 пехотная бригадная боевая группа, 1 механизированный батальон, 1 вертолетная бригада, 1 инженерная команда, 1 радиотехническая команда), Мали (15 итальянских представителей «EUTM Mali»), Мальте (22 человека, 2 многоцелевых двухдвигательных вертолета «Bell 212»), Сербии (542 представителя СДК³,

¹МСН (Многонациональные силы и наблюдатели, англ. Multinational Force and Observers) – организация, созданная для поддержания мира на границе Египта с Израилем. Многонациональные силы по поддержанию мира на границе Египта с Израилем были созданы в 1981 г., после того как ООН решила не продлевать свой миротворческий мандат в связи с подписанием мирного договора между двумя странами в 1979 г. МСН наблюдают за ходом выполнения договора.

²ЮНИФИЛ (англ. UNIFIL, аббр. от United Nations Interim Force In Lebanon) – миротворческие силы ООН, размещенные в Южном Ливане на границе с Израилем в соответствии с резолюцией СБ ООН № 425 от 19 марта 1978 г.

³СДК (Силы для Косово, англ. Kosovo Force) – международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово, созданные в 1999 г.

1 подразделение карабинеров, 1 подразделение военной разведки), Уганде (98 итальянских представителей «EUTM Somalia») и Украине (20 человек) [The military balance..., 2016, p. 114].

Италия является важным международным политическим актором в военно-морской операции по борьбе с незаконной миграцией и контрабандистами (EU NAVFOR MED), запущенной ЕС в рамках комплексного ответа на гуманитарный кризис в Средиземном море. Оперативный штаб военной операции находится в Риме. Согласно экспертным данным, «общие затраты на проведение спецоперации оцениваются в 11 млн 820 тыс. евро» [Началась операция..., 2015].

Роль Италии в урегулировании сирийского кризиса. «Мост» между США и Россией

Попытаемся обозначить позицию Итальянской Республики по отношению к кризису в Сирии, учитывая вышеуказанные константы внешней политики Италии, неустойчивый общественный климат, экономические проблемы, с которыми эта страна сталкивается в условиях «долговой ловушки», особенности ее военной политики и специфику ее географического положения поблизости от «горячих точек» (Ближний Восток, Северная Африка, Балканы).

С самого начала сирийского кризиса Италия придерживалась осторожной и взвешенной политики. В феврале 2011 г., после первых мирных протестов в Сирии, министр иностранных дел Италии Ф. Фраттини (2008–2011) посетил Дамаск и встретился с Б. Асадом и В. аль-Муаллемом. В ходе встречи Ф. Фраттини заявил, что не отрицает существования в Сирии протестного движения, схожего с протестными движениями «арабской весны» в Египте, Тунисе и Ливии, однако при этом указал на важность сохранения в Сирии «стабильной и защищенной от внешних воздействий» ситуации, а также подтвердил стремление Италии «поддерживать страну на пути демократических преобразований» [Stornelli, 2015].

После того как в разных городах Сирии весной 2011 г. начались массовые протесты, направленные против режима Б. Асада, итальянское правительство М. Монти (2011–2013) выразило глубокую обеспокоенность по поводу сложившейся ситуации и, едино-

душно осудив репрессии режима, призвало официальный Дамаск к прекращению насилия, проведению реформ и началу диалога с оппозицией. При этом МИД Италии в своих выступлениях неоднократно подчеркивало, что в данном случае следует общей линии Евросоюза [Gavioli, 2012].

В последующие месяцы, следуя повестке мирового сообщества, Италия продолжала критиковать правительство Сирии. В одном из своих выступлений Ф. Фраттини заявил, что Италия заняла «твердую позицию против жестких репрессий» режима Б. Асада и надеется, что другие страны ЕС последуют ее примеру [Minister Frattini condemns., 2011].

2 августа 2011 г. МИД Италии объявило об отзыве своего посла А. Америо из Дамаска для консультаций. В специальном сообщении МИДа было сказано, что посол возвращается на родину из-за «чудовищных репрессий против гражданского населения» Сирии [Италия отозвала., 2011].

В ноябре 2011 г., когда в ЕС обсуждался вопрос об ужесточении политических и экономических санкций против режима Б. Асада, а Лига арабских государств (ЛАГ) проголосовала за то, чтобы приостановить членство Сирии в ЛАГ, Ф. Фраттини выступил перед делегацией Сирийского национального совета (СНС), заявив, что Италия осуждает репрессии режима Б. Асада в отношении населения Сирии. Министр также отметил, что Италия полностью поддерживает политику ЕС, наложившего целенаправленные санкции на конкретных людей и определенные сектора сирийской экономики, чтобы принудить режим Б. Асада к изменению политики.

После того как Китай и Россия заблокировали в СБ ООН принятие резолюции по Сирии (что новый министр иностранных дел Италии Дж. Терци (2011–2013) назвал «крайне досадным» шагом [Syria in the eye., 2012]), коллективный Запад усилил давление на Дамаск. 7 февраля 2012 г. Италия вновь отозвала своего посла А. Америо из Дамаска для проведения консультаций. Посольство Италии в Сирии оставалось открытым еще месяц – до 13 марта 2012 г. [Goldman, 2012] – «для помощи своим соотечественникам в стране и наблюдения за развитием кризиса» [Bongiorni, 2012]. После оконча-

тельного закрытия посольства официальный Рим отметил, что поддерживает усилия, которые предпринимает Кофи Аннан, спецпосланник по Сирии от ООН и Лиги арабских государств, «по немедленному прекращению насилия в стране, разрешению доступа сотрудников гуманитарных организаций и началу политического диалога» [Италия закрыла.., 2012].

Нынешний министр иностранных дел П. Джентилони (2014 – н.в.), выступая в сентябре 2015 г. перед Палатой депутатов Италии, пояснил позицию своего правительства относительно режима Б. Асада и кризиса в Сирии: «Я должен сказать, что итальянская позиция была последовательной с самого начала острой фазы кризиса, т.е. в течение двух-трех последних лет. Мы убеждены, что в дополнение к сдерживанию и военному противостоянию ИГИЛ необходим демократический транзит. Мы считаем, что нынешний режим Б. Асада нужно сместить путем транзита, избегая при этом формирования нового авторитарного режима и институционального вакуума... Некоторое время назад мы были одиноки в своем стремлении. Некоторые заявляли, что нужно в первую очередь военным путем свергнуть Б. Асада, другие – что будут поддерживать Б. Асада до последней капли крови. Но сегодня идея мирной и постепенной трансформации авторитарного режима находит все больше сторонников. При этом итальянское правительство продолжает участвовать в коалиции по противодействию ИГИЛ, особенно в Ираке, где мы поддерживаем законное правительство Ирака и курдские отряды Пешмерга, находящиеся на передовой линии борьбы с ИГИЛ на территории Иракского Курдистана» [Gentiloni, 2015 b]. Таким образом, правительство М. Ренци предложило свою «формулу» решения сирийского кризиса: политический транзит, в результате которого Б. Асад уйдет с политической сцены.

Первым этапом в реализации этого плана, по мнению официального Рима, должно было стать проведение «круглого стола» – переговоров между представителями сирийских элит (демократами-реформаторами) и оппозицией. Данное предложение было одобрено официальным Вашингтоном, Берлином и Лондоном.

При этом эксперты, поддерживающие идею демократического перехода в Сирии через трансформацию режима изнутри (П. Волькер, В.М. Сергеев), отмечали, что под давлением внутренних и внешних факторов политическая элита режима Б. Асада уже начала проводить определенные реформы: было отменено чрезвычайное положение, которое действовало с 1963 г., кроме того, была ликвидирована монополия Партии арабского социалистического возрождения (БААС), изменена Конституция (принята 27 февраля 2012 г.), состоялись парламентские выборы (7 мая 2012 г.).

Кроме того, высказывалось предположение, что возникновение потенциальной конкуренции и появление демократического дискурса в сирийском обществе, а также модификация институциональной структуры государства при определенной комбинации политико-экономических переменных (политическая экономия режима, воздействие международной среды, политические институты, социокультурные характеристики общества, политические стратегии акторов) могут стать факторами, способствующими смещению авторитарного режима Б. Асада и установлению реальной многопартийности. Тем самым итальянская «формула» получала право на существование. (Справедливости ради надо заметить, что, по мнению многих исследователей, постоянство авторитарных режимов является одной из главных отличительных черт политической жизни Ближнего Востока и Северной Африки. Для авторитарных режимов многих стран арабского мира формирование так называемой «фасадной демократии» стало новой стратегией обеспечения гарантий своего выживания. См., напр.: [Volpi, Savatora, 2007].)

18 сентября 2015 г. П. Джентилони в интервью радиостанции «Анчио» (Anch'io) подтвердил позицию официального Рима относительно Сирии: «Италия всегда скептически относилась к возможности смещения Б. Асада, поскольку это может стать причиной возникновения вакуума власти, которым смогут воспользоваться террористы» [Gentiloni, 2015 a]. А премьер-министр М. Ренци, комментируя в ноябре 2015 г. авиаудары Франции по ИГ в Сирии, заявил, что «важно избежать повторения ливийского сценария» [Италия призвала.., 2015].

В период 2011–2015 гг. Италия выделила почти 79 млн евро на гуманитарную помощь Сирии, 1 млн евро – на поддержку деятельности Международного комитета Красного Креста в лагерях размещенных в Иордании и Ливане сирийских беженцев [Dalla Cooperazione..., 2015].

В феврале 2016 г. на международной конференции стран – доноров Сирии Италия, указывая на беспрецедентный размах гуманитарного кризиса в регионе, объявила о своем намерении выделить в 2016–2018 гг. финансовую помощь в размере 400 млн евро на проведение гуманитарных операций в Сирии, а также Ливане и Иордании, куда от войны бежали миллионы сирийцев. «200 млн евро составят так называемые мягкие кредиты, и по 50 млн евро будет списано из внешнего долга таких стран, как Ливан и Иордания, принимающих наибольшее число беженцев из Сирии», – уточнил П. Джентилони [Италия направит..., 2016].

Италия проявляет особую активность в области международных инициатив по охране культурного наследия в Сирии¹, находящегося под угрозой разрушения и разграбления. 15 февраля 2016 г. Италия подписала с ЮНЕСКО меморандум о защите культурных ценностей в зонах вооруженных конфликтов, приняв на себя обязательства в рамках глобальной коалиции «Объединение за наследие» (Unite for Heritage) отправить в Сирию так называемые «голубые каски культуры» (Caschi blu della cultura): группы экспертов (археологов, искусствоведов, реставраторов и т.д.) и группы карабинеров, готовых встать на защиту культурного наследия, пострадавшего в результате действий ИГ. В марте 2016 г. официальный Рим заявил о своей готовности направить «голубые каски культуры» в Пальмиру, освобожденную от ИГ в результате действий сирийских войск и российской авиации.

¹ В ходе конфликта получили значительные повреждения археологические памятники Пальмиры, замок госпитальеров Крак-де-Шевалье, кварталы Старого города в Дамаске, были разрушены сотни зданий Старого города в Алеппо, повреждены вход в цитадель Алеппо, ее северная башня и древние врата Гуенсрин, относящиеся к византийскому периоду, – объекты всемирного наследия Сирии, внесенные в Список ЮНЕСКО.

На внешнеполитическую линию Италии по отношению к сирийской гражданской войне оказали самое непосредственное воздействие многие факторы: наступление ИГ на севере Ирака в июне 2014 г., приведшее к тому, что к концу года экстремистское «протогосударство» стало контролировать почти 45% иракской территории; увеличение потока беженцев; стремление России стать основным игроком в урегулировании сирийского кризиса (начало военной операции РФ в Сирии – 30 сентября 2015 г.).

Италия – один из важнейших партнеров России среди стран – членов ЕС. Как известно, именно по инициативе итальянской стороны 28 мая 2002 г. был учрежден Совет Россия–НАТО. Как страна, занимающая третье место среди стран ЕС по объему торгово-экономических связей с Россией, уступая лишь Германии и Нидерландам (по некоторым оценкам, на российский рынок завязаны около 250 тыс. рабочих мест в Италии, крупнейшие итальянские инвестиционные сделки связаны с топливно-энергетическим комплексом России)¹, Италия стремится сохранить партнерские отношения с Россией даже в условиях введенных экономических санкций, несмотря на то что в политическом дискурсе коллективного Запада Россия вновь стала рассматриваться в качестве соперника и угрозы. Так, П. Джентилони был в числе немногих западных политиков, которые в 2015 г. приезжали в Москву для участия в торжествах по случаю 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

На протяжении всего сирийского кризиса Италия призывала поддерживать диалог с Россией. Так, в интервью газете «Уолл-стрит джорнэл» (The Wall Street Journal) 29 сентября 2015 г. премьер-министр М. Ренци заметил, что «без участия России добиться мира невозможно». По его мнению, не пригласить Россию на пере-

¹ Российская Федерация занимала в 2014 г. восьмое место среди торговых партнеров Италии и четвертое – среди партнеров за пределами ЕС (3,6% общего товарооборота Италии с зарубежными государствами, 7,9% товарооборота со странами вне ЕС – по данным Евростата). На Россию приходится 10,7% итальянского импорта из стран вне ЕС и 4,9% всего импорта товаров (второе и пятое места соответственно). В Россию направляется 5,4% итальянского экспорта вне ЕС и 2,5% всего экспорта. См.: [Кузнецов, 2015].

говоры по разрешению сирийского кризиса было бы «неслыханной ошибкой». Глава правительства Италии сравнил ситуацию в Сирии с «хаосом, которым охвачена в последние несколько лет Ливия», и заявил: «Если мы решим [начать вторжение], не имея стратегии на будущее, мы уничтожим эту страну. Я беспокоюсь о том, чтобы не произвести на свет еще одну Ливию» [Ball, 2015].

В феврале 2016 г. официальный Рим отказался от участия в наземной операции в Сирии, мотивируя свое решение, во-первых, тем, что «на международной арене Италия является второй страной по объему своей вовлеченности в различного рода операции по обеспечению безопасности» (участвует в операциях в 12 странах) [Посол., 2016], а во-вторых, тем, что, как было указано выше, руководство Италии не забыло, что в 2011 г., после свержения в Ливии режима М. Каддафи в ходе операции НАТО «Объединенный защитник» (Unified Protector), эта страна погрузилась в хаос междоусобиц. Италия и Ливия всегда были тесно связаны между собой, но в настоящее время их объединяют не только энергетические интересы и колониальное прошлое, но и насущная необходимость совместно решать вопросы нелегальной миграции. По словам Е.А. Масловой, «большая часть эмигрантов из Африки попадала на Апеннины именно с территории Ливии ввиду проводимой М. Каддафи политики “панафриканизма” – отмены въездных виз для жителей всего африканского континента» [Маслова, 2012, с. 87–88]. После падения режима Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии поставки газа и нефти из Ливии, обеспечивающие около 15% потребностей Италии, находятся под угрозой, в то время как нескончаемые потоки беженцев и нелегальных иммигрантов устремляются к итальянским берегам.

В этих условиях официальный Рим хочет, с одной стороны, вступив в асимметричный альянс, заручиться поддержкой России, чтобы вовлечь ее в урегулирование ситуации в Ливии, а с другой – содействовать США в реализации ливийской миротворческой миссии в Ливии, укрепляя тем самым свой статус на мировой арене. Что же касается сирийского кризиса, то, учитывая дефицит возможностей, которыми обладает сейчас итальянская дипломатия, ее основной целью, скорее всего, станет поиск путей по сближению

позиций США и России и возглавляемых ими коалиций стран в борьбе против ИГ.

Список литературы

Александрова А.К. Основные проблемы греческой экономики: О причинах современного кризиса в Греции // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2013. – № 36. – С. 107-129. – Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/7.3_alexandrova.pdf (Дата обращения – 26.11.2016).

Арбатова Н.К. Российско-итальянские отношения в контексте внешней политики Италии // Италия в начале XXI века / РАН. ИМЭМО. – М., 2015. – С. 120-127.

Гринин Л.Е. «Арабская весна» и реконфигурация мир-системы // Клиодинамика. – М., 2011. – 09.09. – Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=296&Itemid=49 (Дата обращения – 26.11.2016).

Долгов Б.В. Сирийский кризис и страны НАТО // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 94-118.

Зейн Айдрус И.А. Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка нефти и газа // РСМД. – М., 2013. – 29.11. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2744#top-content (Дата обращения – 26.11.2016).

Иващенко А.С. Причины и последствия социальных потрясений в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки (конец первого – начало второго десятилетия XXI в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2013. – № 3. – С. 38-46.

Италия закрыла свое посольство в Сирии // Италия по-русски. – Рим, 2012. – 15.03. – Режим доступа: <http://italia-ru.com/news/2012/03/15/68529> (Дата обращения – 26.11.2016).

Италия направит на помощь Сирии 400 млн евро до 2019 года // Ведомости. – М., 2016. – 04.02. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/02/04/626838-italiya> (Дата обращения – 26.11.2016).

Италия отозвала своего посла из Дамаска // Press-обозрение. – М., 2011. – 02.08. – Режим доступа: <http://press.try.md/item.php?id=121762> (Дата обращения – 26.11.2016).

Италия призвала не повторять «ливийский сценарий» в Сирии // Взгляд. – М., 2015. – 27.09. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2015/9/27/769084.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Кожанов Н. Почему не получается остановить бои в Сирии / Московский Центр Карнеги. – М., 2016. – 21.06. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=63858> (Дата обращения – 26.11.2016).

Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года / Пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского союза / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 423–450. – Режим доступа: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/italy.htm> (Дата обращения – 26.11.2016).

Коротаяев А.В. «Арабская весна» // Полит. ру. – М., 2013. – 10.11. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya-vesna/> (Дата обращения – 26.11.2016).

Кудряшова И.В. Арабское государство до и после «арабской весны»: Часть 2 // Перспективы. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=371388> (Дата обращения – 26.11.2016).

Кузнецов А.В. Россия и Италия: Подлинно взаимный интерес в торговле и инвестициях? // Италия в начале XXI века / РАН. ИМЭМО. – М., 2015. – С. 113–119.

Мадатов А.С. Роль политических событий в смене режима // Вестник РГГУ. – М., 2008. – № 1. – С. 166–179.

Маслова Е.А. Италия – Ливия: Сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Научный диалог. – М., 2012. – № 4. – С. 86–96. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/italiya-liviya-slozhnosti-vzaimootnosheniy-i-perspektivy-sotrudnichestva> (Дата обращения – 26.11.2016).

Мельвилль А.Ю. Зачем царю горы хорошие институты? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 151–169.

Мирский Г.И. Арабская весна // Год планеты / РАН. ИМИЭМО. – М., 2011. – С. 136–149.

Началась операция по борьбе с незаконной миграцией и контрабандистами / Российский профессиональный союз моряков. – М., 2015. – 23.06. – Режим доступа: <http://www.sur.ru/news/3448> (Дата обращения – 26.11.2016).

Овакимян М.С. Неустойчивый рост итальянской экономики и перспективы развития // Италия: От Второй Республики к Третьей? / РАН. ИЕ. – М., 2015. – С. 16–27.

Посол: Италия не рассматривает возможность участия в наземной операции в Сирии // Газета. ru. – М., 2016. – 17.02. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/news/8260997.shtml> (Дата обращения – 26.11.2016).

Саргон Х. Политический режим Сирийской Арабской Республики в контексте соперничества глобальных и региональных политических сил на Ближнем Востоке: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / РУДН. – М., 2013. – 28 с.

Свешникова Ю.В. О значении курдского фактора // Индекс безопасности. – М., 2015. – № 2 (113). – С. 87–100. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14374609170.pdf> (Дата обращения – 26.11.2016).

Тимофеев О.В. Общественное мнение по вопросам обороны страны и политические интернет-технологии в его формировании: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Минобороны РФ. ВУ. – М., 2013. – 25 с.

Фанчини К. Ливия: Операция НАТО «Объединенный защитник» и миссия ООН по поддержке в Ливии // Ежегодник СИПРИ 2012: Вооружения, разоружение и международная безопасность / РАН. ИМЭМО. – М., 2012. – С. 107–111.

Хабутдинов А.Ю. Арабский 1848-й год, или Четвертая волна демократизации // IslamRF. – М., 2011. – 21.02. – Режим доступа: <http://www.islamrf.ru/news/analytics/politics/15169/> (Дата обращения – 26.11.2016).

Харитонов О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 9–30.

Чэнь Д. Социальные сети и их влияние на события в арабских государствах, (2010–2013) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 2013. – № 4. – С. 189–194.

Шавшуков В.М. Глобальный финансово-экономический кризис: Причины, природа, механизмы распространения. Антикризисные действия монетарных властей // Экономические науки. – М., 2014. – № 5. – С. 121–125. – Режим доступа: http://ecsn.ru/files/pdf/201405/201405_121.pdf (Дата обращения – 26.11.2016).

Ball D. Italy Prime Minister Renzi calls for Russia to be part of solution to Syria crisis // The Wall Street j. – N.Y., 2015. – 29.09. – Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/italy-prime-minister-renzi-calls-for-russia-to-be-part-of-solution-to-syria-crisis-1443550552> (Дата обращения – 26.11.2016).

Binhuwaidin M.M. Essential threats to the security of the GCC countries in the Post-Arab Spring era // Digest of Middle East studies. – L.: Wiley-Blackwell, 2015. – Vol. 24, Issue 1. – P. 1–25. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/dome.12058/full> (Дата обращения – 26.11.2016).

Bongiorni R. L'Italia richiama l'ambasciatore in Siria // Il Sole 24 Ore. – Milan, 2012. – 08.02. – Mode of access: <http://www.ilsole24ore.com/art/>

notizie/2012-02-08/litalia-richiama-ambasciatore-siria-063903.shtml (Дата обращения – 26.11.2016).

Byun C.C., Hollander E.J. Explaining the intensity of the Arab Spring // *Digest of Middle East studies*. – L.: Wiley-Blackwell, 2015. – Vol. 24, Issue 1. – P. 26–46. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/dome.12057/full> (Дата обращения – 26.11.2016).

Dalla Cooperazione altri 2 milioni di euro per rifugiati siriani // *Farnesina / Ministero degli affari esteri e della cooperazione internazionale*. – Rome, 2015. – 11.11. – Mode of access: <http://www.esteri.it/mae/it/sala stampa/archivionotizie/approfondimenti/dalla-cooperazione-altri-2-milioni.html> (Дата обращения – 26.11.2016).

Erlich R. Inside Syria: The backstory of their civil war and what the world can expect. – Amherst; N.Y.: Prometheus Books, 2014. – 313 p.

Fact sheet: Strategy to counter the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) / The White House. – Wash., 2014. – 10.09. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/10/fact-sheet-strategy-counter-islamic-state-iraq-and-levant-isil> (Дата обращения – 26.11.2016).

Gavioli R. The Italian reaction to the Syrian crisis // *Syrian studies association bulletin / Southern Illinois univ.* – Edwardsville, IL, 2012. – Vol. 17, Issue 1. – Mode of access: <https://ojcs.siue.edu/ojs/index.php/ssa/article/view/2718/679> (Дата обращения – 26.11.2016).

Gentiloni P. Assad to leave through a transition. Russian presence is political // *ItalyUN*. – Rome, 2015 a. – 18.09. – Mode of access: <http://www.onuitalia.com/eng/2015/09/18/gentiloni-assad-to-leave-through-a-transition-russian-presence-is-political/> (Дата обращения – 26.11.2016).

Gentiloni P. On the need for a political transition in Syria // *Italy's diplomatic and parliamentary practice on international law*. – Rome, 2015 b. – 09.09. – Mode of access: <https://italyspractice.info/2015/09/09/the-minister-of-foreign-affairs-mr-paolo-gentiloni-silveri-on-the-need-for-a-political-transition-in-syria/> (Дата обращения – 26.11.2016).

Gerstein J., Epstein J. Obama: Dismantle «network of death» // *Politico*. – Arlington, VA, 2014. – 24.09. – Mode of access: <http://www.politico.com/story/2014/09/obama-un-address-111287> (Дата обращения – 26.11.2016).

Gilli A., Unagro A.R., Morrane A. The Italian White Paper for international security and defense // *The RUSI j. / Royal united services institute for defence and security studies*. – L., 2015. – Vol. 160, Issue 6. – P. 34–41. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/03071847.2015.1122978> (Дата обращения – 26.11.2016).

Goldman Y. Saudi Arabia, Italy and Holland close embassies in Syria // *The Times of Israel*. – Jerusalem, 2012. – 15.03. – Mode of access: <http://www.>

timesofisrael.com/saudi-arabi-italy-and-holland-close-embassies-in-syria/ (Дата обращения – 26.11.2016).

Greco E., Bonvicini G. Italians and foreign policy: Survey 2013 / Centro interdipartimentale di ricerca sul cambiamento politico; Istituto affari internazionali. – Roma, 2013. – 24 p.

Kerry J. Remarks at top of meeting on building an anti-ISIL coalition co-chaired by Defense Secretary Chuck Hagel, U.K. Foreign Secretary Philip Hammond, and U.K. Defense Secretary Michael Fallon / US Department of State. – Celtic Manor, Wales, 2014. – 05.09. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/09/231288.htm> (Дата обращения – 26.11.2016).

Krauthammer C. The Arab Spring of 2005 // The Seattle Times. – Seattle, WA, 2005. – 21.03. – Mode of access: <http://www.seattletimes.com/opinion/the-arab-spring-of-2005/> (Дата обращения – 26.11.2016).

Minister Frattini condemns violence in Syria // Farnesina / Ministero degli affari esteri e della cooperazione internazionale. – Rome, 2011. – 31.07. – Mode of access: http://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/20110801_condanna_violenze_siria.html (Дата обращения – 26.11.2016).

Ogbonnaya U.M. Arab Spring in Tunisia, Egypt and Libya: A comparative analysis of causes and determinants // Alternatives: Turkish j. of international relations / Department of international relations at Yalova univ. – Yalova, 2013. – Vol. 12, Issue 3. – P. 4–16.

Resolution 2170 (2014) adopted by the Security Council at its 7242 nd meeting, on 15 August 2014 / UN. Security Council. – N.Y., 2014. – S/RES/2170 (2014). – 7 p. – Mode of access: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2170\(2014\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2170(2014)) (Дата обращения – 26.11.2016).

Security Council unanimously adopts resolution condemning violent extremism, underscoring need to prevent travel, support for foreign terrorist fighters / UN. Security Council. – N.Y., 2014. – 24.09. – Mode of access: <http://www.un.org/press/en/2014/sc11580.doc.htm> (Дата обращения – 26.11.2016).

Stornelli E. Italy and Syria: Potentials and contradictions // Stratfor. – Austin, TX, 2015. – 19.10. – Mode of access: <https://www.stratfor.com/the-hub/italy-and-syria-potentials-and-contradictions> (Дата обращения – 26.11.2016).

Syria in the eye of the storm: Italian Ambassador to Damascus recalled for consultations // Farnesina / Ministero degli affari esteri e della cooperazione internazionale. – Rome, 2012. – 07.02. – Mode of access: <http://www.es>

teri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2012/02/20120207_siria.html (Дата обращения – 26.11.2016).

The military balance 2016: The annual assessment of global military capabilities and defense economics / International institute for strategic studies. – L., 2016. – 504 p.

Volpi F., Cavatora F. Democratization in the Muslim world: Changing patterns of power and authority. – Oxford: Routledge, 2007. – 176 p.

White Paper for international security and defense / The ministry of defense. – Rome, 2015. – 125 p. – Mode of access: http://www.difesa.it/Primo_Piano/Documents/2015/07_Luglio/White%20book.pdf (Дата обращения – 26.11.2016).

Е.Б. КАЛОЕВА

**СТАНУТ ЛИ БАЛКАНЫ КОРИДОРом
ДЛЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА
В ЕВРОПУ?**

Аннотация. В статье рассматриваются возможные последствия глобального миграционного кризиса на фоне очередного витка распространения нестабильности на Балканском полуострове. Исследуются угрозы, которые представляют собой очаги исламистского экстремизма на Балканах для стран – участниц ЕС. Автор исследует роль стран полуострова в планах ИГ¹ по исламизации Европы.

Abstract. This article discusses the possible effects of global migration crisis from the perspective of the next round of the spread of instability in the Balkans. The article investigates the threats which hotbeds of Islamic extremism in the Balkans present for the EU member states. The author studies the role of the peninsula countries in the IS' plans for the Islamization of Europe.

Ключевые слова: миграционный кризис, балканский маршрут, международный терроризм, «Исламское государство», Европейский союз.

Keywords: migration crisis, Balkan route, international terrorism, «Islamic state», European Union.

Миграционный кризис, охвативший Европу, вновь поставил балканские страны перед необходимостью решать проблему беженцев и перемещенных лиц, с которой региону уже пришлось столкнуться 25 лет тому назад. К сожалению, несмотря на все усилия, эту проблему, возникшую в 1990-е годы в ходе югославского кризиса, окончательно решить пока еще не удалось. Около 2,5 млн

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

людей вернулись в родные места. Однако, по данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 73 500 беженцев и перемещенных лиц в четырех балканских странах живут за чертой бедности, из них 45 тыс. – в Сербии, 14 тыс. – в Боснии и Герцеговине, 8,5 тыс. – в Хорватии, 6 тыс. – в Черногории. Всего же, по имеющимся данным, в настоящий момент в Сербии проживают 73 600 человек со статусом беженцев и около 200 тыс. человек из Косова со статусом перемещенных лиц [Balkanske aktualnosti., 2016]. Что касается Боснии и Герцеговины, то предполагается, что из 2,2 млн человек, вынужденных покинуть свои дома вследствие военных действий в период 1992–1995 гг., в настоящий момент около 500 тыс. постоянно проживают за рубежом. Среди прочих беженцев в самой Боснии и Герцеговине проживают около 6 тыс. человек из Хорватии [Ibid.].

Проблему беженцев нельзя анализировать, оперируя только статистическими данными. Для окончательного возвращения на родину всех покинувших родные места необходимо обеспечить им социальную защиту, определить их правовой статус, решить вопросы проживания и трудоустройства.

В 2014–2016 гг. Балканы вновь захлестнул поток беженцев. По так называемому «балканскому маршруту» – из Турции в Грецию, далее через Македонию, Сербию и Венгрию в Австрию и Германию – только за 2015 г. в Европу прошли более 600 тыс. человек [Европу достали., 2016]. Известно, что большинство мигрантов не намерены оставаться на Балканах, а стремятся, минуя их, побыстрее оказаться в более благополучных странах, таких как Австрия и Германия.

ЕС принял ряд неотложных мер для помощи странам Западных Балкан, столкнувшимся с новой волной миграции. Так, основанный в 2014 г. Фонд помощи беженцам, оказавшимся в Сербии и Македонии, насчитывал 650 млн евро. Деньги этого фонда предполагалось направлять на трудоустройство на Балканах тех беженцев, которые не желали оставаться в Ливане или Иордании. Кроме того, меры помощи касались расширения возможностей обработки данных для предоставления убежища, а также развития сотрудничества по борьбе с организованным криминалом, связанным с мигрантами. С этой целью была подготовлена региональная программа по

защите мигрантов и управлению миграционными потоками на Западных Балканах, направленная на решение трех аспектов миграционной проблемы – идентификацию мигрантов, региональный и межрегиональный обмен информацией и создание механизмов для возвращения беженцев, – а также на применение на практике защитных мер, отвечающих особым потребностям мигрантов [Izbeglička kriza..., 2015].

В 2015 г. Сербии и Македонии были выделены 1,75 млн евро для оказания неотложной помощи беженцам, направляющимся далее в Венгрию. Еврокомиссия также рассмотрела ряд мер по дополнительной помощи отдельным странам при рассмотрении ими возможности предоставления убежища беженцам, а также по проведению визовой политики с целью защиты наиболее уязвимых категорий мигрантов.

Сотрудничество государств – членов ЕС с компетентными органами стран Западных Балкан, отвечающими за пограничный контроль, включало в себя деятельность, связанную с анализом рисков, а также с обучением и обменом опытом. Так, Агентство ЕС по безопасности внешних границ (Frontex) подписало рабочие договоры по развитию сотрудничества с Сербией, Черногорией, Албанией, Боснией и Герцеговиной, а также Македонией.

В октябре 2015 г. лидеры стран ЕС утвердили план по борьбе с потоком беженцев, направляющихся в Европу через Балканы. В рамках этого плана было решено создать дополнительно 100 тыс. мест для беженцев в специальных центрах, расположенных вдоль «балканского маршрута». Европейские власти и институты ЕС стремились ответить на призыв Британии, Германии и Норвегии удвоить гуманитарную помощь региону. Было решено, что ЕС предоставит балканским странам 2,2 млрд евро [Fond..., 2016].

В январе 2016 г. глава Евросовета Дональд Туск заявил, что если в течение двух месяцев Европе не удастся обуздать миграционный кризис, то Шенгенскую зону ожидает крах. На саммите, состоявшемся 7 марта 2016 г., лидеры государств – членов Евросоюза договорились остановить транзитные потоки нелегальных мигрантов, следующих по «балканскому маршруту», оказать срочную гуманитарную помощь Греции и содействовать в охране ее внешних

границ, включая границу с бывшей югославской республикой Македонией и Албанией. ЕС также согласовал с Турцией основные принципы разрешения миграционного кризиса [«Балканский маршрут»..., 2016].

Однако после официального закрытия так называемого «балканского маршрута» беженцы нашли альтернативные пути проникновения в Европу. Так, некоторые беженцы из Греции проникали в Албанию, откуда морем добирались до Италии или продолжали движение на север Европы через Черногорию, несмотря на то что продвижение через территорию Черногории, а также Боснии и Герцеговины было затруднено из-за саперных мин, оставшихся со времен гражданской войны 1990-х годов прошлого века [Беженцы нашли..., 2016].

Другой альтернативный маршрут шел через Болгарию. Оттуда мигранты пытались попасть в Румынию и Сербию. Однако в Румынии естественной преградой для дальнейшего продвижения оказывались Карпаты, а границы Сербии с Евросоюзом находились под пристальным контролем [там же].

По мнению директора Белградского центра по защите лиц, ищущих убежище, Р. Джуровича, официальное закрытие «балканского маршрута» замедлило, но не остановило поток беженцев. Ситуация остается непредсказуемой и опасной, так как существует большое количество неучтенных случаев. Тысячи людей по-прежнему направляются на север через Сербию. 80% из них приезжают из Болгарии. Джурович полагает, что примерно 150–200 человек каждый день проникают в Сербию по нелегальным каналам, а покидают страну легальным или нелегальным способом лишь около 100 человек, так как Венгрия ежедневно принимает 60 заявлений о предоставлении убежища. Помимо беженцев, которых можно увидеть в парках, около автобусных станций, есть и те, кто скрывается в укромных местах. По данным Комиссара по делам беженцев и мигрантов, в мае 2016 г. в постоянных и временных центрах в Сербии проживали 317 мигрантов из стран Ближнего Востока, в основном – граждане Ирака, Сирии, Афганистана, Пакистана, Марокко и Алжира [Ђurović..., 2016].

Как считают некоторые эксперты, существует реальная опасность того, что Балканы станут конечной точкой пути для части беженцев, стремящихся раствориться среди местного населения. Подобная ситуация вызывает озабоченность не только в светских, но и в церковных кругах. Так, Болгарская православная церковь призвала правительство не допускать пересечения границы Болгарии новыми беженцами и поддержала решительные шаги властей страны в борьбе с нелегальной иммиграцией [Болгарская., 2015].

Греческая православная церковь выразила солидарность с уже прибывшими в страну беженцами, но подчеркнула, что проблема иммиграции должна решаться теми, кто ответственен за ее возникновение. «Если не будут созданы условия для пребывания беженцев на их родине, тогда большое их количество будет заблокировано на Балканах. В итоге Балканы превратятся в пороховую бочку», – предупредил предстоятель Элладской церкви архиепископ Иероним [Архиепископ Иероним., 2015].

Действительно, сложившаяся ситуация может самым неблагоприятным образом отразиться на межэтнических и межконфессиональных отношениях в регионе. В настоящий момент большинство государств на Балканах имеет население, смешанное по своему этническому составу. Так, в Боснии и Герцеговине, Македонии, Сербии, Черногории и Болгарии титульный народ составляет менее 80% населения.

Одной из насущных проблем государств юго-востока Европы по-прежнему остается проблема признания прав религиозных меньшинств. Этнические и религиозные меньшинства в этом регионе до сих пор не получили полноценного общественного признания. Укрепление национальной идентичности на Балканах шло параллельно с усилением этнического дистанцирования по отношению к «другим» («мы» и «они»), что связано с укоренившимися отрицательными этническими стереотипами. Преодоление страха, в особенности страха перед «другим», после кровавых событий 1990-х годов дается нелегко [Kvalitet., 2008]. Опросы общественного мнения показывают, что этническое дистанцирование по отношению к этническим меньшинствам и представителям других конфессий существует во всех балканских странах.

Маловероятно, что на Балканах дело дойдет до создания каких-либо союзных блоков. Однако, если рассматривать такую возможность, то подобные блоки, по мнению аналитиков, могут возникнуть здесь на религиозной основе. При этом исламская ось (Турция, Албания, Косово, Босния и Герцеговина) будет противостоять Греции, Болгарии и Сербии, а также потенциально возможному сербско-румынскому союзу, возникновение которого может быть обусловлено общей проблемой, связанной с венгерским меньшинством. Модель потенциального конфликта в таком случае будет чрезвычайно сложна, а число участников слишком велико для того, чтобы говорить об общих перспективах развития ситуации. Стоит вспомнить, что в ходе югославского кризиса на Балканах не действовала ни одна система безопасности (кроме, разумеется, ООН и ОБСЕ), однако просматривались возможности для создания различных осей на политической и религиозной основе под патронажем тех или иных великих держав. Создание таких осей, несомненно, может привести Балканы к новым войнам, хаосу и конфронтации.

Что же касается исламской оси Балканы–Сирия, то надо признать, что события на Ближнем Востоке затрагивают и балканских мусульман. По мнению экспертов, под влиянием событий на Ближнем Востоке очаги исламистского экстремизма на Балканах постепенно разгораются вновь, что грозит европейцам «большим пожаром» [Минин, 2013].

Аналитики обращают внимание на то, что потоки мигрантов могут иметь организованный характер. По одной из версий, внедрение в европейские страны более миллиона мусульман призвано изменить конфессиональную картину Европы. Беженцы могут впоследствии стать террористами, орудием дестабилизации европейских стран в экономическом, социальном и политическом отношениях. Придерживающиеся другой гипотезы полагают, что с потоками мигрантов связан организованный криминал, стремящийся заработать на несчастье людей. Следствием этого представляется усиление нового криминалитета, который благодаря значительному притоку денежных средств и связям с коррумпированными поли-

тиками сможет, по существу, контролировать политическую и экономическую жизнь европейских стран [Драгишић, 2015].

В слабых постсоциалистических государствах, какими являются балканские страны, организованный криминал представляет серьезную угрозу безопасности, так как стремится к усилению влияния на политическую власть путем создания коррупционных сетей, охватывающих политические партии, средства массовой информации, гражданское общество, религиозные организации, системы здравоохранения и образования.

По мнению экспертов, после прекращения вооруженных столкновений на Балканах радикальные движения и организации исламистского толка некоторое время действовали скрытно, но в настоящее время их активность проявляется более отчетливо. Отчасти это вызвано тем, что многие экстремисты, до сих пор свободно передвигавшиеся по территории Европы, ныне потеряли такую возможность: власти ряда европейских стран стали все чаще отказывать им во въезде или получении гражданства [Минин, 2013].

Поэтому такие страны Западных Балкан, как Албания, Косово, Босния и Герцеговина, которые прежде находились в стороне от потоков беженцев из Сирии, Ирака и Афганистана, желающих попасть в Европу по так называемому «балканскому маршруту», сейчас оказались в центре внимания полицейской службы Евросоюза как регион с повышенной опасностью исламского терроризма. По оценке европейских спецслужб, в настоящее время на стороне ИГ воюют более 700 человек – выходцев из западнобалканского региона, около половины из них являются гражданами Косова [Чурсин, 2016].

Половину населения Косова составляет молодежь в возрасте до 25 лет. Высокий уровень безработицы в Косове делает молодых людей особенно уязвимыми для пропаганды таких группировок, как ИГ. «Еще одна причина, по которой косовары едут в Сирию, – это недостатки образовательной системы. Из-за того, что денег катастрофически не хватает, ее профессиональный уровень довольно низкий», – считает эксперт Косоварского центра по изучению безопасности С. Пертеши [Свайкорд, 2015]. Местные власти полагают, что примерно 120 джихадистов уже вернулись домой. Косов-

ский политолог Н. Рашити уверен, что опасность будет возрастать по мере увеличения численности возвращающихся боевиков [Чурсин, 2016]. Еще более тревожны для Европола сведения о том, что на Балканах организуется сеть подпольных учебных лагерей по подготовке боевиков для совершения терактов в странах Центральной и Западной Европы. Один из таких учебных террористических центров недавно был обнаружен в окрестностях столицы вполне благополучной Словении [Там же].

Западные Балканы для исламских террористов – это не только удобный регион, где можно, не попадая в поле зрения местных спецслужб, отдохнуть от войны и подлечить раны, но и источник пополнения резерва. Хронические экономические и социальные проблемы балканских стран создают благодатную почву для пропаганды радикальных исламистов и вербовки новых членов¹ [Там же].

Еще одна серьезная проблема состоит в том, что западнобалканский регион перенасыщен оружием. После развала Югославии армейские склады подверглись разграблению. Балканские страны давно превратились в главного поставщика нелегального оружия и взрывчатки для террористических организаций и криминальных группировок Западной Европы. Так, в теракте 13 ноября 2015 г. в Париже использовались некоторые виды оружия балканского производства. Из 26 единиц оружия, захваченных у бандформирований в Марселе, было 9 автоматов Калашникова из бывшей Югославии. В 2014 г. словенская полиция остановила большегрузную фуру, которая везла гранаты и автоматы из Боснии в Швецию [Ask not., 2016].

Высказывалось предположение, что «Аль-Каида», в свое время поддержавшая косовских и боснийских сепаратистов людьми и оружием, теперь предъявила им счет. Согласно информации израильских источников, в 2013 г. сирийские исламисты впервые с начала войны в Сирии получили от своих родственников, связанных с «Аль-Каидой» группировок из Косова и Боснии и Герцеговины крупную партию тяжелого оружия, в том числе противотанковые

¹ Безработица среди молодежи в Косово достигает почти до 60%. Не лучше обстоят дела в соседних Албании и Боснии.

ракеты типа «Корнет» и «Фагот», которые поставлялись в бывшую Югославию из СССР. Израильские разведывательные источники полагают, что доставка оружия с Балкан в Сирию осуществлялась морским путем при содействии албанской мафии. Израильский эксперт по Ближнему Востоку К. Светлова считает, что контрабандное оружие попадает в Сирию через турецко-сирийскую границу [Минин, 2013].

Согласно экспертным оценкам, в балканских странах в частных руках до сих пор находится около 6 млн единиц незарегистрированного оружия. Сербия стала лидером среди европейских стран по количеству находящегося в частных руках оружия на душу населения [Ask not., 2016].

Исследование консультационного агентства ARES (Armament Research Services) свидетельствует, что арсенал «Исламского государства» в Ираке на 17% состоит из оружия балканского происхождения [Ibid.]. При этом, по словам эксперта организации SEESAC (South Eastern and Eastern Europe Clearinghouse for the control of small arms and light weapons) И. Звезжановского, самыми крупными покупателями оружия выступают западные правительства. В 2014 г. американские, австралийские, британские и канадские военные транспортные самолеты вывезли из Албании до 22 млн боекомплектов для автоматов Калашникова, чтобы доставить их в Ирак и передать курдским отрядам, которые борются против «Исламского государства». В этом случае вооружение было передано Албанией бесплатно, с тем чтобы заработать политическое доверие Вашингтона. Вообще многие западные страны используют на Ближнем Востоке оружие из стран бывшего коммунистического блока. Так, США с начала 2000-х годов покупают в Сербии автоматы Калашникова для сил безопасности Афганистана и Ирака [Ibid.]. Таким образом, Запад закрывает глаза на поток оружия из стран бывшей Югославии, потому что сам пользуется этим источником.

Эмиссары «Аль-Каиды» никогда не думали сворачивать свое присутствие на Балканах. Во время войны в Боснии и Герцеговине туда въехало в общей сложности около 2 тысяч боевиков из арабских стран. После подписания в 1995 г. «Дейтонских соглашений» многие боевики остались в стране, получив гражданство. Мечеть

короля Фахда в Сараево, выстроенная на деньги из Саудовской Аравии, считается штаб-квартирой боснийских ваххабитов [Минин, 2013].

По сообщениям балканских СМИ, «террористы «Исламского государства Ирака и Леванта» находятся в постоянном контакте со своими сторонниками в Сербии, Боснии, Черногории, Албании и Македонии, все они получили приказ быть готовыми к акции» [Филимонова, 2014].

В Сирии боевики радикальных исламистов из «Республики Косово» воюют на стороне «Джабхад ан-Нусры» против Б. Асада с 2012 г. Не иссякает и приток «воинов джихада» в «Исламское государство»: боевики прибывают из Сербии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Албании и Болгарии. В 2014 г. хорватская разведка назвала джихадизм, пустившей корни в странах Юго-Восточной Европы, одной из главных угроз безопасности страны [Там же].

На Западе, разумеется, осведомлены об этой деятельности. Так, в докладе НАТО, посвященном угрозам, исходящим от исламистов, проживающих в Европе, упоминается действующая в Боснии и Герцеговине группировка «Активная исламская молодежь». «Моджахеды, имеющие боснийское гражданство, обучают членов АИМ методам террористических действий», – говорится в докладе [Минин, 2013].

Однако это, по мнению аналитиков, лишь видимая часть айсберга. Провозглашенная независимость Косова мало что дала людям. Настроения албанского населения Косова в условиях повальной безработицы и повсеместного засилья криминала стремительно радикализируются. В дальнейшем отсюда можно ожидать помимо уже захлестнувшего всю Европу потока наркотиков также и реэкспорта вооруженных методов борьбы за реализацию прав европейских мусульман [Там же].

По мнению экспертов, так называемые «освободительные армии» Македонии или Косова, а также Прешевской долины на самом деле представляют собой исламистские и террористические подразделения, связанные с Боснией и Герцеговиной. Особое значение для пополнения и оперативной деятельности исламистской и террористической сети в Косове имеют многочисленные зарегистри-

стрированные и незарегистрированные исламистские неправительственные организации, развернувшие активную деятельность в республике. Среди них особо выделяются Саудовский комитет помощи Косову, Исламский гуманитарный фонд «El Haramejn», Международный союз мусульманской молодежи, Исламский международный фонд помощи, Общество возрождения исламского наследия [Galijašević, 2016]. В марте 2013 г. в Косове была официально зарегистрирована первая политическая партия исламских фундаменталистов – «Исламское движение объединения» (алб. LISBA), пропагандирующая панисламистские идеи радикальных суннитских лидеров [Ibid.].

Эксперт по борьбе с терроризмом Дж. Галияшевич полагает, что на протяжении десяти лет (1991–2001) важнейшим центром международного терроризма являлась Босния и Герцеговина. «После окончания военных действий террористы из Боснии и Герцеговины, избегнувшие ответственности, распространили свою деятельность за пределы Балкан и Европы, на весь мир», – утверждает он. По его мнению, ваххабиты из Боснии и Герцеговины, Косова, Санджака и Македонии связаны друг с другом и осуществляют совместное финансирование общих проектов. При этом Босния и Герцеговина является основной базой, где террористы получают логистическую, религиозную и политическую поддержку [Ibid.].

По словам бывшего высокопоставленного сотрудника разведывательной службы СФРЮ, а ныне профессора факультета безопасности в университете г. Скопье И. Бабановски, в районе косовско-македонской границы находится военный лагерь, где проходили обучение члены террористических группировок, воюющих на территории Сирии и Ливии; на юге Сербии и Македонии действует хорошо подготовленная экстремистская группа молодых исламистов, сотрудничающая с местными ваххабитскими структурами в Тетово, Куманово, Скопье и его окрестностях; в Македонии, по неподтвержденной информации, есть группа женщин-шахидок, ожидающая команды из центра для совершения теракта, а также группа подростков 11–12 лет, готовых отдать свою жизнь во имя аллаха [Јоксић, 2016].

Бабановски считает, что Балканы – лишь промежуточный этап в планах ИГ, а главная цель – страны ЕС, куда стремятся беженцы из стран Ближнего Востока и Северной Африки. По мнению эксперта, в том, что ситуация с беженцами практически вышла из-под контроля, во многом виновата Турция, пропустившая через свою территорию сотни тысяч беженцев из Афганистана, Пакистана, Ирака, Сирии, Сомали и Ливии, которые по «балканскому маршруту» попали в страны ЕС. Бабановски добавляет, что существуют планы, согласно которым исламизация Балкан должна завершиться до конца 2020 г., а к 3000 г. должна произойти окончательная исламизация всего мира [Јоксиф, 2016]. Будем надеяться, что эти планы не будут реализованы и Балканы не станут коридором для проникновения радикального ислама в Европу и его дальнейшего распространения.

Очевидно, что, поскольку угроза исламского терроризма на Балканах носит региональный характер, отпор должен осуществляться совместными усилиями органов безопасности всех стран¹. Их деятельность не должна сводиться только к обмену информацией и реагированию на конкретные террористические акты. Необходимо комплексная стратегия, направленная на противодействие исламскому фундаментализму и терроризму. К сожалению, в самих балканских странах отсутствуют кадровые, технические и организационные возможности для успешной борьбы с радикальными исламистскими группировками.

События, связанные с миграционным кризисом, еще раз показали, какое значение Балканы имеют для ЕС. У них – общая территория, общие интересы, общие угрозы и общее будущее. Тесная интеграция балканских стран с ЕС предоставляет целый ряд возможностей местным террористическим организациям. Эксперты утверждают, что на территории ЕС радикалы с Балканского полуострова в основном занимаются вербовкой. Так, на территории Италии действует активная сеть вербовщиков албанской нацио-

¹ «Террористы объединяют Балканы» – такое говорящее название носит публикация, посвященная специальной встрече представителей правоохранительных структур Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Македонии и Албании [Бабич, 2003].

нальности. В Евросоюзе заговорили про появившиеся на территории Европы тренировочные лагеря боевиков. По неподтвержденной информации, один подобный лагерь существует в Бельгии, считающейся столицей западноевропейских джихадистских подпольщиков [Террористы ИГИЛ., 2016].

На состоявшейся 17 июня 2016 г. в г. Бая-Лука ежегодной встрече министров иностранных дел стран – членов Центрально-европейской инициативы страны Западных Балкан в очередной раз получили поддержку в их стремлении стать членами ЕС, а миграционный кризис и возросшая угроза терроризма были признаны главными вызовами, которые могут иметь важные последствия не только для Балканского региона, но и для всей Европы [Kulaga, 2016].

Итак, хотя не существует непосредственной опасности повторения кризиса 1990-х годов на Западных Балканах, они по-прежнему остаются для Европы источником неприятностей и тревог. Поскольку социально-экономическая и политическая ситуации в регионе слишком нестабильны, нельзя допустить сосредоточения на его территории массы беженцев с Ближнего Востока. Политическая конфронтация, усиление ксенофобских настроений, рост дискриминации по религиозным убеждениям могут вызвать здесь настоящий взрыв. Немаловажным фактором в противодействии торговле оружием, наркотиками и людьми на территории Западных Балкан должна стать борьба за умы людей и общечеловеческие ценности. При этом приоритетным направлением, безусловно, является борьба с идеологией терроризма.

Список литературы

Архиепископ Иероним: Балканы станут пороховой бочкой, если там будут заблокированы мигранты // Православие. ru. – Берлин, 2015. – 27.11. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/88208.html> (Дата обращения – 05.11.2016).

Бабиц Д. Террористы объединяют Балканы // Утро. ru. – Скопье, 2003. – 30.05. – Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2003/05/30/203016.shtml> (Дата обращения – 05.11.2016).

«Балканский маршрут» для беженцев закрыт – Туск // Корреспондент. – М., 2016. – 08.03. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/>

world/3639571-balkanskyi-marshrut-dlia-bezhentsev-zakryt-tusk (Дата обращения – 05.11.2016).

Беженцы нашли несколько альтернативных путей въезда в Европу после закрытия «балканского маршрута» // УНИАН. – Киев, 2016. – 28.03. – Режим доступа: <http://www.unian.net/world/1301877-bejentsyi-nashli-neskolko-alternativnyih-putey-vyezda-v-evropu-posle-zakryitiya-balkanskogo-marshruta.html> (Дата обращения – 05.11.2016).

Болгарская православная церковь просит закрыть границу, чтобы прекратить приток беженцев в страну // Святая Гора. – М., 2015. – 26.09. – Режим доступа: <http://www.agionoros.ru/docs/1970.html> (Дата обращения – 05.11.2016).

Драгишић З. Миграција као безбедносни проблем // Српска политичка мисао. – Београд, 2015. – № 4. – С. 367–386.

Европу достали беженцы: «Балканский маршрут» для мигрантов закрывается // ПРАВДА. РУ. – М., 2016. – 07.03. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/world/europe/07-03-2016/1294459-evropa-0/> (Дата обращения – 05.11.2016).

Минин Д. Балканы–Сирия: Исламистская ось // Столетие. – М., 2013. – 27.02. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/zarubejie/balkany_sirija_islamistskaja_os_679.htm (Дата обращения – 05.11.2016).

Свайкорд Дж. Боевики ИГ ведут пропаганду среди балканской молодежи // Голос Америки. – Приштина, 2015. – 23.11. – Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/a/balkans-anti-terrorism-efforts/3070449.html> (Дата обращения – 05.11.2016).

Террористы ИГИЛ прорываются через Балканы в Западную Европу // Info-Balkan. – М., 2016. – 27.01. – Режим доступа: <http://info-balkan.ru/terroristy-igil-proryvayutsya-cherez-balkany-v-zapadnuyu-evropu.html> (Дата обращения – 05.11.2016).

Филимонова А. Исламское государство и Балканы // Военное обозрение. – М., 2014. – 12.04. – Режим доступа: <https://topwar.ru/58041-islamskoe-gosudarstvo-i-balkany.html> (Дата обращения – 05.11.2016).

Чурсин А. Балканы: Как должники становятся террористами // Новая газета. – М., 2016. – 12.02. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/02/12/67422-balkany-kak-dolzhniki-stanovyatsya-terroristami> (Дата обращения – 05.11.2016).

Ask not from whom the AK-47 s flow: The answer is often Serbia, Croatia or Bulgaria // The Economist. – L., 2016. – 16.04. – Mode of access: <http://www.economist.com/news/europe/21697019-answer-often-serbia-croatia-or-bulgaria-ask-not-whom-ak-47s-flow> (Дата обращения – 05.11.2016).

Balkanske aktualnosti: Izbjeglička kriza koja je zahvatila Europu podsjetila je i na izbjeglički problem koji se i dalje nastavlja na Balkanu // TRT. – Ankara, 2016. – 18.03–23.03. – Mode of access: <http://www.trt.net.tr/hrvatski/programi-2/2016/03/18/balkanske-aktualnosti-452813> (Дата обращения – 05.11.2016).

Đurović: Broj migranata u Srbiji znatno smanjen u odnosu na prošlu godinu // Blic. – Beograd, 2016. – 18.05. – Mode of access: <http://www.blic.rs/vesti/drustvo/djurovic-broj-migranata-u-srbiji-znatno-smanjen-u-odno-su-na-proslu-godinu/nwtzd5c> (Дата обращения – 05.11.2016).

Fond za «zadržavanje izbeglice u Srbiji» // B92. – Beograd, 2016. – 02.02. – Mode of access: http://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2016&mm=02&dd=02&nav_id=1092094 (Дата обращения – 05.11.2016).

Galijašević D. Islamsko društvo na Balkanu se gradi iz BiH / Razgovarao S. Krsman // SRNA. – Sarajevo, 2016. – 24.04. – Mode of access: <http://www.srna.rs/novosti1/298274/islamsko-drustvo-na-balkanu-se-gradi-iz-bih.htm> (Дата обращения – 05.11.2016).

Izbeglička kriza: Europska komisija poduzima odlučne mjere / Europska komisija. – Strasbourg, 2015. – 09.09. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5596_en.htm (Дата обращения – 05.11.2016).

Јоксич Д. Балкан на мапи планова за исламизацију // Магацин. – Београд, 2016. – 04.04. – Режим доступа: <http://www.magacinportal.org/2016/04/04/balkan-na-mapi-planova-za-islamizaciju/> (Дата обращения – 05.11.2016).

Kulaga V. Balkanu mjesto и EU, izazov terorizam i migrantska kriza // Glas Srpske. – Banjaluka, 2016. – 18.06. – Mode of access: http://www.glassrpske.com/novosti/vijesti_dana/Balkanu-mjesto-u-EU-izazov-terorizam-i-migrantska-kriza/lat/211528.html (Дата обращения – 05.11.2016).

Kvalitet međuetničkih odnosa I kultura mira na Balkanu / D.B. Đorđević, D. Todorović (Prir.). – Niš, 2008. – 231 p.

Л.Н. ШАНШИЕВА

**НЕМЕЦКИЕ ЭКСПЕРТЫ О ВОЗМОЖНЫХ
СЮРПРИЗАХ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
(Реферативный обзор)**

**Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands
Aussenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin:
SWP, 2016. – 87 S.**

Группа исследователей – сотрудников Германского института международной политики и безопасности (Берлин) подготовила сборник статей, посвященных современным тенденциям внешней политики России, которые в ближайшие годы могут претвориться в конкретные действия в различных регионах мира. Широкий резонанс (в том числе в Интернете) вызвали как содержание аналитических материалов, так и форма их подачи в виде описания экстраполируемых событий.

Подготовка подобной работы была обусловлена, как подчеркивают ученые, непредсказуемостью и неожиданностью российской внешней политики в последние годы. «Москва, похоже, тактически использует свою непредсказуемость для того, чтобы в практической плоскости перехватывать инициативу» [Fischer, Klein. Einleitung., S. 5], – отмечается во вступительной статье к сборнику. Чтобы лучше подготовиться к будущим сюрпризам Кремля, ученые прибегли к такому формату, как гипотетический сценарий. Специалисты по разным регионам и проблемам провели общеинститутское обсуждение направлений работы – своеобразный «мозговой штурм», наметили теоретически возможные пово-

роты российской политики, в результате чего был подготовлен названный сборник.

После выхода сборника в свет в мировой политике уже произошли некоторые события, которые не «вписались» в предлагаемые сценарии: например, неожиданный итог президентских выборов в США. Насколько верными окажутся другие предсказания немецких экспертов, покажет время.

Во вступительной статье (*Сабина Фишер и Маргарета Кляйн*) подчеркивается, что начиная с 2013 г. для российской внешней политики характерны многочисленные неожиданные повороты, граничащие с риском и способные привести к непредсказуемым последствиям для европейской и международной безопасности. «Трудно оценить действия России во внешней политике еще и потому, что соответствующие процессы принятия решений не прозрачны и происходят без открытого обсуждения в стране» [Fischer, Klein. Einleitung., S. 5]. В связи с этим решения российского руководства бывают молниеносными, принимаются без согласования с зарубежными партнерами и без получения одобрения внутри страны. «Предлагаемое исследование на основе научного анализа выявляет возможные сюрпризы в российской внешней политике и таким образом расширяет наше понимание действий политического руководства в Москве» [Ibid.].

Понятно, что ситуации в Украине или в Сирии сложились не на пустом месте, но проявились вследствие развития определенных процессов, которых длительное время в должной мере не замечали ни эксперты, ни политики в Германии, Евросоюзе или даже в России. Но все же, как считают руководители проекта, основная проблема кроется в игнорировании восточноевропейских исследований на Западе. «Экспертная оценка развития Восточной Европы со стороны Евросоюза систематически упразднялась на институциональном уровне в течение прошедших лет. В таких условиях оказалось невозможно интенсивно изучать политические процессы в России и во всем регионе» [Ibid.]. Вдобавок, в определении тематики исследований большую роль играет политическая конъюнктура. Например, российско-грузинский военный конфликт 2008 г. и события в Крыму весной 2014 г. совпали с финансовым и институ-

циональным кризисами внутри ЕС, а также с «арабской весной». Эти масштабные события оттеснили Восточную Европу на задний план в общественном и политическом восприятии, в результате чего растущее напряжение в отношениях России и Запада было замечено слишком поздно.

Кроме того, политика Германии и ЕС часто строится на основе иллюзорного и ошибочного восприятия происходящего. «Цветные революции» 2000-х годов на постсоветском пространстве анализировались и интерпретировались по определенным шаблонам: «демократический vs. недемократический», «прозападный vs. пророссийский». В результате Запад оказался неспособен в проводимой политике дифференцированно реагировать на проблемы, возникающие в отдельных государствах региона. А между тем геополитическое напряжение в Восточной Европе усиливалось. «В конечном счете Евросоюз из-за внутренних разногласий был долгое время не в состоянии проводить упреждающую и последовательную политику в этом регионе» [Fischer, Klein. Einleitung., S. 7].

В сборнике рассматриваются одиннадцать вариантов развития событий, которые могут произойти в ближайшие годы в различных регионах мира. При этом речь не идет о прогнозе или предсказании будущего. В основе работы – авторская научная экспертиза, позволяющая выявить существующие тренды и экстраполировать их в будущее. Представленные ситуации в известной степени правдоподобны, но эксперты не утверждают, что такие события непременно произойдут и что это случится именно в такой форме. Особое внимание было уделено четырем факторам, имеющим большое значение для внешней политики России, учет которых позволяет в определенной мере предвидеть ее неожиданные повороты. Это – внешнеполитические интересы России и их восприятие; инструменты внешней политики; взаимозависимость; условия и ограничения действий.

Все статьи сборника объединены в четыре тематических блока: 1) ЕС – Европа; 2) другие регионы; 3) проблемы Интернета, энергетики и безопасности; 4) Евразия.

В первом разделе для анализа выбраны две страны: Франция – в контексте отношения Кремля к предстоящим здесь летом 2017 г.

выборам президента и Германия – как объект дискредитации со стороны Москвы.

Лиана Фикс и Роня Кемпин отмечают, что подготовка к президентским выборам во Франции, начавшаяся с регионального уровня в 2015 г., показала рост влияния Национального фронта (НФ). Республиканцы и социалисты определились со своими кандидатами значительно позже. Марин Ле Пен уже в октябре 2015 г. представила предвыборную программу. Как указывается в статье, ее партия получила кредит свыше 25 млн евро от Первого чешско-российского банка [Fix, Kempin, 2016, S. 15], что позволило НФ вести активную предвыборную кампанию и улучшить свои оценки по результатам опросов. Авторы статьи предлагают следующий сценарий развития событий: незадолго до рождественских праздников 2016 г. французское бюро российской радиостанции «Спутник» озвучивает документы, которые должны серьезно повлиять на предвыборную борьбу. Речь идет о тайных договоренностях социалистов с представителями НФ выступить сообща против ведущих кандидатов от Республиканской партии. Во втором туре праймериз Марин Ле Пен завоевывает второе место, уступив лишь Алену Жюппе, которого считают наиболее вероятным будущим президентом Франции.

Немецкие эксперты полагают, что парламентские выборы 2017 г. продемонстрируют слабость французских левых и разочарование французского общества в республиканцах-«ветеранах», за которых избиратели больше не хотят голосовать. Таким образом, вопреки всем прогнозам Национальный фронт станет сильнейшей партией в Национальном собрании Франции. Для республиканцев и нового президента Алена Жюппе союз с Ле Пен будет единственно возможным вариантом [Fix, Kempin, 2016, S. 15–16].

Стремление России повлиять на исход выборов во Франции определяется, по мнению экспертов, двумя первоочередными задачами российской политики. Во-первых, Москва пытается ослабить способность стран ЕС принимать решения и их осуществлять. Во-вторых, Россия стремится «похоронить» трансатлантические отношения. С этой целью Кремль поддерживает те политические силы в Европе, которые работают над данной повесткой, независимо

от того, представляют они левые или правые партии. Арсенал средств довольно обширен – «от финансовой помощи и экономического воздействия до политической дискредитации и мобилизации меньшинств», а также использования институтов культуры в качестве «мягкой силы» [Fix, Kempin, 2016, S. 16]. Особый интерес для российской стороны представляет правоконсервативный лагерь Франции, поскольку он открыто симпатизирует Москве. «Таким образом, России достаточно использовать незначительные средства, – например, кампании по дезинформации или дискредитации посредством интернет-СМИ, – для того, чтобы повлиять на соотношение политических сил во Франции и ход выборов 2017 г.» [Ibid.].

Сюзан Стюарт, автор статьи, посвященной российско-германским отношениям, довольно подробно описывает возможный сценарий развития этих отношений. Она считает, что основными причинами проявления враждебности со стороны Москвы являются введение санкций (которые могут быть продлены и в 2017 г.) и усиление сопротивления внутри ЕС строительству «Северного потока-2».

В этих условиях российские СМИ подчеркивают неспособность Германии решить проблему беженцев, отмечают усиление влияния праворадикальных сил, таящее в себе опасность прихода к власти фашистских партий. Эти темы развиваются в контексте высказываний «некоторых российских немцев, которые жалуются, что их безопасность и права не гарантированы» [Stewart, 2016, S. 20].

Автор обращает внимание на то, что в Германии активизировала свою деятельность созданная в 2013 г. партия «Единство», которую возглавляет руководитель фракции российских немцев в Бундестаге Дмитрий Ремпель. Партия достаточно энергично развивает связи с соотечественниками в России. К примеру, летом 2016 г. в Крыму были проведены Олимпийские игры российских немцев. Поддерживаемые Россией представители «Единства» все активнее вовлекают российских немцев в политику и общественную жизнь Германии, делает вывод С. Стюарт.

Эксперт предполагает, что в марте 2017 г. Кремль даст ход «кампании мира», в ходе которой станет утверждать, что «опреде-

ленные силы» желают начала третьей мировой войны. При этом акцент будет сделан на том, что угроза исходит от США и Германии. От США – потому что они стремятся к мировому господству; от Германии – потому что она развязала Вторую мировую войну и никогда не отказывалась от стремления к военному могуществу. Кульминацией предполагаемой кампании может стать «мирная конференция», которая состоится в мае, на следующий день после военного парада в Москве по случаю Дня Победы. К этому мероприятию российская сторона привлечет многочисленные немецкие антифашистские силы. Не исключено, что будут также предприняты попытки провести параллельные мероприятия в Германии, в том числе в Магдебурге, под эгидой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Кроме того, в России будут опубликованы многочисленные интервью с ветеранами Второй мировой войны, в течение года в кинотеатрах будут показывать фильмы соответствующей тематики.

«Весной 2017 г. состоится первый визит вновь избранного президента США Хиллари Клинтон (!) в Германию. Ее сердечное общение с канцлером Германии Ангелой Меркель будет рассматриваться политиками и средствами массовой информации в России как доказательство того, что между двумя странами существует союзнический альянс, направленный против России, действия которого могут привести к началу третьей мировой войны. При этом будет указываться, что Россия и Германия в состоянии сообща предотвратить подобный сценарий, но немецкое руководство, к сожалению, категорически отвергает этот путь», – пишет С. Стюарт [Stewart, 2016, S. 21].

Весной и летом 2017 г. Москву посетят многочисленные немецкие бизнесмены и политики, в большинстве своем в качестве туристов; для них будут организованы встречи с влиятельными российскими персонами. Возможно, некоторые туристы проведут свои отпуска в Крыму. Дальнейшая экстраполяция событий, представленная С. Стюарт, включает празднование дня рождения Владимира Путина в октябре 2017 г. с приглашением бывших немецких политиков высшего эшелона и знаменитостей. «Звездой вечера станет российская немка, исполнительница шлягеров, которая спо-

ет для Путина немецкие и русские песни» [Stewart, 2016, S. 22]. Это и другие подобные мероприятия будут рассчитаны на то, что немцы, посетившие Россию (скорее всего, члены партии АдГ), после возвращения в Германию организуют протестные демонстрации, выступая против внешнеполитической линии, проводимой Германией и ЕС в отношении России, в том числе – против санкций.

По мнению С. Стюарт, российские политики имеют склонность персонализировать международные отношения, поэтому они считают Ангелу Меркель ответственной за антироссийскую политику Германии. При этом Россия предпринимает попытки углубить существующие в самой Германии противоречия в вопросах российской политики, ожидая, что таким образом можно будет дискредитировать федерального канцлера, укрепить связи с дружественными России силами в Германии, скорректировать ее нынешний внешнеполитический курс. В конечном счете Россия стремится к тому, чтобы Евросоюз проводил политику, отвечающую интересам Кремля. Для осуществления такой стратегии годятся любые акторы: от политических партий разного толка до активистов из числа российских немцев, делает вывод автор.

С. Стюарт обращает внимание на то, что в разных сегментах немецкого общества есть известные персоны, «готовые эксплуатировать российские цели, поскольку они обещают им выгоды». Кроме того, часть населения ФРГ чувствует солидарность с Россией, что объясняется, скорее, внешними факторами и в меньшей степени – внутренними проблемами Германии, а также проблемами собственной социализации. Этим тенденциям можно противостоять, если говорить откровенно об имеющихся в Германии социально-экономических трудностях, а также «выносить на обсуждение и осуждать проблематичные российские действия и кампании» [Stewart, 2016, S. 24]. Вести неприятный диалог в нынешней ситуации менее опасно, чем молчать, даже если такой разговор осложняет сотрудничество в краткосрочной перспективе, считает автор.

Во втором разделе собраны статьи, посвященные региональным проблемам.

Душан Рельжич анализирует позицию России в сербском вопросе. Он полагает, что в настоящее время Россия ставит Сербию перед выбором: либо стать ее сателлитом, либо заложницей в отношениях России с Западом. В течение 2016 г. первые лица Российского государства неоднократно встречались с премьер-министром Сербии Александром Вучичем, пытаясь склонить его к более прочным двусторонним отношениям. Известно, что в феврале 2016 г. сербский премьер подписал соглашение с НАТО, которое регулирует дипломатический статус представителей альянса в Сербии и дает стране финансовые преимущества. Москва также хотела бы заключить подобный договор с Белградом, однако ее стремление не находит отклика у сербского правительства. Его представители объясняют свою позицию тем, что такой договор не является необходимым условием «европейского будущего Сербии» [Reljić, 2016, S. 27].

В давлении на Сербию Россия может использовать свое право вето в ООН, т.е. снять вето на признание Косово, если Белград не прекратит сближение с ЕС и НАТО. По вопросу о сближении с НАТО в сербском обществе нет консолидированного мнения. 40% пророссийски настроенных депутатов парламента грозят вынести требование смены внешнеполитического курса на уровень уличных протестов. При таком развитии событий Вучич, пытаясь остаться у власти, может возглавить движение за смену курса, но едва ли он останется главой правительства и партии. «На новых выборах пророссийская фракция усилится в такой степени, что без нее невозможно будет сформировать новое правительство», – считает Д. Рельжич [Reljić, 2016, S. 28].

В этом случае ситуация в Сербии и на Западных Балканах вновь станет нестабильной, а политическое значение России для Южной Европы возрастет более чем когда-либо после окончания холодной войны. Если же расчет России на превращение Сербии в своего сателлита не реализуется, то останется другой вариант: Москва постарается сделать эту страну «заложницей в бартерной торговле». В этом случае Западу будет предложено смириться с «аннексией» Крыма.

Вместе с тем исследователь отмечает, что Россия уже не в состоянии проецировать свою военную мощь на придунайские страны и Адриатику из-за постепенного расширения НАТО, происходящего с 2004 г. Основные российские инструменты влияния в этом регионе становятся все менее действенными: «мягкая сила», зависимость от российских источников энергии и природного газа. Кроме того, не исключено, что Сербия может отказаться от претензий на Косово ради возможности вступить в Евросоюз.

О возможных действиях России на японском направлении пишет *Александра Сакаки*. Она не исключает того, что РФ договорится с Токио о Курильских островах и заключит с Японией мирный договор. Предположительно об этом будет объявлено в апреле 2017 г.

Россия очень заинтересована в налаживании двусторонних отношений с этой страной. В условиях ухудшения отношений с Европой, США и НАТО Москва ищет новых партнеров, чтобы уменьшить международную изоляцию России. С этой целью она активизировала контакты с Китаем. Улучшение отношений с Токио было бы полезно для российской политики в Азии в целом. «Если России удастся сильнее диверсифицировать отношения с Азией и таким образом расширить автономность своих действий, то она подойдет ближе к своей цели – получить признание в качестве «Евро-Тихоокеанской державы» [Sakaki, 2016, S. 36].

Однако реализация такого сценария может привести к ухудшению российско-китайских отношений. Поэтому Кремль постарается наладить более тесную кооперацию с Китаем. Основная опасность курса России на сближение с Японией для международной политики – в том, что Москва может попытаться, используя Токио, расколоть G7.

В статье *Азаде Замирирада* анализируется политика России на Ближнем Востоке. После того как США в 2011 г. вывели свои наземные войска из Ирака, позиции России в Ираке усилились, и она стала вытеснять США в качестве ключевого партнера этой страны. Автор предполагает, что весной 2018 г. (истекает срок иракских договоренностей с США) иракские политики могут отказаться от союза с Вашингтоном и заключить с Россией двустороннее согла-

шение по безопасности. В этом случае «Москва обеспечит иракской центральной власти поддержку в сфере логистики, политики безопасности и военных технологий для борьбы с ИГ, а также возвращение утраченных иракских территорий» [Zamiridad, 2016, S. 39]. В соответствии с договоренностями Ираку будут предоставлены не только российские системы вооружения, но и помощь в обучении иракских сил безопасности, будут организованы совместные военные учения, у России появится возможность использовать иракские военные аэродромы. «Посредством новой кооперации в сфере политики безопасности Россия усилит свое присутствие на иракской земле. Расширяя пространство для действий, Москва использует его для создания геополитического коридора, который протянется от Сирии до Ирака» [Ibid.]. В условиях существующих санкций против России и неразрешившегося кризиса в Украине Москва использует свое возросшее значение на Ближнем Востоке как «рычаг» в соответствующих переговорах.

Более того, в 2018 г. весьма вероятно заключение политического «квазиальянса» четырех стран – России, Ирана, Ирака и Сирии, основу которого составит российско-иранское сотрудничество [Ibid., S. 41]. По мнению эксперта, это будет не общий четырехсторонний договор, а свободный тактический союз, который каждая из сторон станет использовать по необходимости в целях политического сотрудничества и координации. Для России это не будет связано с большими финансовыми затратами, поскольку стратегически она станет базироваться в районах, прежде занятых американцами.

В третьем разделе представлены статьи экспертов по проблемам Интернета, энергетики и безопасности: описываются такие гипотетические сценарии, как создание Китаем, Россией и Индией сети «EurasiaNet», выход России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в ответ на развертывание американской системы ПРО в Европе, отмена монополии «Газпрома» на экспорт газа.

В статье *Марселя Дикова* высказывается предположение, что к концу 2018 г. совместный проект Китая, России и Индии по созданию новой сети может расколоть всемирный Интернет на две

части, что будет обусловлено различными техническими и правовыми стандартами, а также политической повесткой дня. Вероятно, Россия начнет создавать открытые сетевые структуры на своей огромной территории с помощью китайского аппаратного обеспечения. Тем самым будет постепенно ослабевать интернет-связь Европы с Россией.

Летом 2018 г. российский президент может сделать заявление о том, что «его страна в кооперации с Китаем ликвидирует технологический разрыв, существовавший с Западом, и при этом начнет вводить собственные стандарты и инфраструктуру» [Dickow, 2016, S. 48]. Россию и Китай объединит стремление к большей технологической независимости от США. Вследствие этого в отдельных регионах мира будет меняться маршрутизация пакетов данных. В результате происходящих технологических изменений обмен данными будет вестись через меньшее количество узлов, которые можно будет легко контролировать. Кроме того, новая сеть позволит сделать Интернет инструментом целенаправленного информирования.

Оливер Майер рассматривает возможное изменение позиции России по вопросу контроля над ядерным вооружением. Автор предлагает следующий сценарий: в ответ на наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе российская сторона объявляет, что это угрожает ее «высшим интересам», поэтому она в соответствии со ст. XV Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в Европе может заявить о своем выходе из него. Россия предупреждает, что после заявления о выходе и обусловленного договоренностями срока в шесть месяцев, она намерена разместить новое оружие средней дальности сначала на кораблях Балтийского флота, а позднее – в районе Калининграда и в западных областях России. «НАТО может избежать эскалации напряженности, заморозив дальнейшие планы по ракетному вооружению и не вводя в действие вторую базу ПРО в Польше, как было запланировано, до конца 2018 г.» Одновременно Москва предлагает НАТО провести переговоры о «подлинной кооперации между равноправными партнерами» [Maier, 2016, S. 52].

По мнению исследователя, существует ряд факторов, которые заставляют Россию модернизировать свой ядерный арсенал: расширение НАТО и ее приближение к российским границам; военное отставание России от Запада; набирающие силу Иран, Индия и Пакистан на южных рубежах РФ. Таким образом, ядерная программа служит своего рода «гарантом независимости, средством устрашения Запада и инструментом влияния на дискуссии внутри НАТО» [Maier, 2016, S. 53].

Москва намерена в ближайшие годы подготовить для развертывания около пяти различных типов берегового стратегического оружия. Новые системы носителей для такого оружия должны сделать его неуязвимым для систем ПРО США и НАТО.

Для Германии и альянса российский выход из договора станет серьезной проблемой. Появится непосредственная угроза новой гонки вооружений в Европе, возрастет опасность применения ядерного оружия. Внутри НАТО могут начаться дебаты о гонке вооружений и о том, сможет ли альянс выдержать это давление. В свою очередь, Россия, усилив свой военный потенциал, попытается «отколоть» Европу от США. Обострение ситуации вокруг Договора о контроле над вооружением вызовет обсуждение странами – членами НАТО вопроса о возможной реакции на «провокационные действия Москвы» [Ibid., S. 55].

В статье *Кирстена Вестфала* речь идет о предполагаемом отказе Москвы в 2017 г. от монополии «Газпрома» на экспорт газа, что будет означать появление на европейском рынке других российских производителей – «Роснефти» и «Новатека». Такая либерализация экспорта через газопровод позволит проложить дополнительную ветку «Северного потока-2» через Балтийское море.

В 2021 г. будут введены в эксплуатацию еще два трубопровода. В том случае, если к этому времени начнется их эксплуатация независимыми компаниями с правом собственности, из России через «Северный поток» можно будет ежегодно импортировать более 65 млрд куб. м газа. «Российские экспортеры газа, такие как “Роснефть” и “Новатек” завоюют последовательно рыночные ниши в Европе» [Westfahl, 2016, S. 57]. Положение на рынке будет благоприятным, поскольку европейские месторождения газа в Герма-

нии, Нидерландах, Великобритании и Дании к 2020 г. начнут истощаться. К тому же сократятся экспортные возможности Норвегии из-за повышения стоимости новых геодезических изысканий в Норвежском и Баренцевом морях.

К 2025 г. российские экспортеры газа заполняют прежде всего сегменты рынка европейских компаний. В свою очередь, «Газпром» будет защищать свои позиции на рынке, обеспеченные низкой стоимостью производства и долгосрочными договорами. К этому времени поставки жидкого природного газа на мировой рынок сократятся, и российским компаниям удастся довести совокупную долю своего участия на европейском рынке до уровня более 50% [Westfahl, 2016, S. 61].

Путем либерализации экспорта можно будет улучшить ситуацию с доходами в российском госбюджете. Кроме того, так будет обеспечена поддержка элит и «уравновешены противоречивые интересы экономической элиты в ближайшем окружении Путина» [Ibid.].

Такой сценарий развития вовлечет Евросоюз (во всяком случае, его отдельные страны) в экономические отношения с новыми российскими поставщиками газа. Но в политическом плане встанет вопрос о подотчетности российских компаний Кремлю и «дирижировании их деятельностью из кремлевских кабинетов» [Ibid.], т.е. о том, что, хотя формально российский природный газ поставляется на рынок многими фирмами, все они должны принадлежать лицам из ближайшего окружения Путина, а их договора одобрены Министерством энергетики. Разговоры о «независимых» концернах могут ввести в заблуждение. По мнению Вестфалья, российское руководство ставит четкую цель – держать цены на экспорт стабильными и для этого избегать соревнования между российскими экспортерами газа.

Заключительный раздел сборника посвящен проблемам Евразийского региона.

Изменение политики России по отношению к Казахстану и Таджикистану – тема статьи *Себастиана Шика*. В его сценарии центральное место занимает уход Назарбаева и выборы нового президента Казахстана. Он пишет: «После внезапной смерти пре-

зидента Назарбаева в феврале 2021 г. политическая элита Казахстана расколется на два лагеря» [Schiek, 2016, S. 65]. Под международным давлением Астана будет вынуждена провести выборы. Согласно сценарию, предвыборную кампанию активно ведет вымышленный «харизматичный кандидат Мухтар Кунанбай», получивший широкую поддержку благодаря националистическим и антироссийским лозунгам. Москва официально объявляет себя защитницей всех русских и русскоязычных жителей Казахстана, получивших незадолго до этого более десятка тысяч российских паспортов. После победы Кунанбая в 40 районах Северного Казахстана, населенных в значительной мере этническими русскими, начинают действовать «отряды самообороны». Одновременно Россия перебрасывает в аэропорт Кустаная спецназ, стягивает войска к границе и начинает широкомасштабные маневры по вторжению в Казахстан.

Происходящие события провоцируют массовые демонстрации протеста в Таджикистане. Они направлены не только против российского военного присутствия в стране, но и против режима, который изображается «марионеткой Москвы». Правительственные войска усиливают охрану границ и столицы. Тем временем в отдельных регионах страны появляется «квазинезависимая милиция», все активнее действуют местные лидеры. «В результате Россия сталкивается с антироссийским движением сразу в двух государствах на своих „задворках“» [Ibid., S. 69].

Оппозиционные движения антироссийской направленности в Центральной Азии могут оказать огромное воздействие на соотношение сил в регионе. Чтобы не допустить такого развития событий, нужен общий диалог между государствами Центральной Азии, Россией, Китаем и Евросоюзом с целью обеспечения безопасности и стабильности на новом Шелковом пути, заключает автор.

Франциск Смолник предполагает, что весной 2017 г. контакты между официальной Москвой, североосетинским Владикавказом и южноосетинским Цхинвалом станут более активными. Главными конкурентами в борьбе за посты «главы государства» и «спикера парламента» республик станут Анатолий Бибилов и Леонид Тибилов. Чтобы показать свою лояльность Москве, оба канди-

дата выступят с предложением провести референдум о присоединении республик к России. В президентских выборах 2017 г. победит Леонид Тибилов, который будет стремиться интегрировать Южную Осетию в состав Российской Федерации. В случае формального вхождения в РФ произойдет объединение этой территории с Северной Осетией, таким образом, появится «Республика Осетия-Алания» [Smolnik, 2016, S. 71] – часть Российской Федерации.

Дискуссия о референдуме станет одной из составных частей избирательной кампании, которая будет более агрессивной, чем во время предыдущих выборов. 2011–2012 гг. в Южной Осетии были отмечены политическим кризисом, и в 2017 г. следует ожидать его эскалации. Эксперт полагает, что в этот период обострится конкурентная борьба между различными группировками за политическое и финансовое влияние в регионе. Вражду элит дополнит растущая фрустрация населения, обусловленная низкими зарплатами, высокой стоимостью жизни и растущей безработицей. Положение станет критическим (не в последнюю очередь) из-за военной реформы, которая будет проведена после заключения договора о союзе с Россией. В результате сокращения южноосетинской армии многие военные лишатся своих должностей и хорошо оплачиваемой работы. Недовольство электората, в руках которого сосредоточилось значительное количество оружия, может привести к социальному взрыву.

И все же, как считает автор, референдум состоится в конце весны 2017 г., и предложенные изменения в Конституцию будут одобрены большинством южноосетинских жителей, имеющих право голоса. «Они передадут всю полноту власти “главе государства”, с тем чтобы тот обратился к Кремлю с просьбой о приеме Южной Осетии в состав Российской Федерации» [Ibid., S. 75].

Ф. Смолник считает, что стремление России объединить Северную и Южную Осетию свидетельствует не столько о желании компенсировать историческую несправедливость (речь идет о событиях 1920 г.), сколько о «ситуативной реакции российского руководства на ряд вызовов, с которыми оно столкнулось на Кавказе за последние несколько месяцев» [Ibid., S. 76].

В начале 2017 г. участятся сообщения о росте насилия на Северном Кавказе – предположительно, со стороны исламистов. Для российского руководства тяжелая социально-экономическая ситуация в этом регионе – не только локальная проблема. Православная Северная Осетия уже долгое время рассматривается большинством политиков как «якорь стабильности» на Северном Кавказе. В российском геополитическом дискурсе Северному Кавказу отводится ключевая роль в обеспечении гарантий территориальной целостности России. «Москва опасается, что политический кризис на юге может распространиться на Северную Осетию, тем самым ситуация в целом будет дестабилизироваться» [Smolnik, 2016]. Включение Южной Осетии в состав РФ должно успокоить ситуацию и предотвратить появление возможных сепаратистских настроений в некоторых северокавказских республиках.

Заключительная статья сборника, как и введение, принадлежит *Сабине Фишер и Маргарете Кляйн*. Авторы исходят из предположения, что в условиях продолжающегося экономического кризиса Владимир Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию в декабре 2016 г. объявит о реформировании правительства и назначении на пост премьер-министра Алексея Кудрина. Новое правительство провозгласит “глубокие экономические реформы”: либерализацию, разгосударствление и диверсификацию российской экономики. Будут предприняты попытки возобновить сотрудничество с ЕС. Одновременно внешняя политика России станет еще более националистической и жесткой, будут проводиться дезинформационные кампании против Франции и Германии, будет нарастать напряжение в отношениях с ближайшими соседями, прежде всего с Украиной и Грузией. Кремль усилит военные контрмеры в ответ на Варшавский саммит НАТО, Атлантическому альянсу будет выдвинуто требование отказаться от третьей фазы введения системы ПРО. Как о вполне очевидном развитии событий авторы пишут о том, как Россия будет реагировать на «позицию нового президента США Хиллари Клинтон» (!) [Fischer, Klein, Russland., 2016, S. 81].

Важной особенностью нынешней России авторы полагают возрастающую взаимосвязь внутренней и внешней политики. Они

считают возможным, что после «перетасовки» в правительстве России будет подавать *двойственные* сигналы в адрес отдельных европейских стран и Евросоюза в целом. С учетом этого рассматриваются два сценария будущего развития событий.

Первый – «продолжение стратегической амбивалентности»: ситуация, когда на политику влияют, с одной стороны, так называемые силовики, с другой – ориентированная на реформы технократическая элита, причем по основным внешнеполитическим вопросам их позиции совпадают.

Второй сценарий – «конфликт элит». Этот сценарий возможен в том случае, если в вопросах внешней политики технократы займут принципиально иную позицию, чем силовики. Они попытаются усилить свое влияние на процесс принятия внешнеполитических решений через контакты с западными политиками.

Возможна и комбинация этих двух сценариев. Не исключено, что из «прежнего разделения труда между обеими группировками разовьется конфликт элит, поскольку невозможно достичь договоренностей по интересам с обеих сторон на длительную перспективу» [Fischer, Klein. Russland., 2016, S. 83].

В любом случае, заключают авторы, Германия и Евросоюз окажутся перед необходимостью выбора при принятии собственных решений. В случае жесткой реакции на политику России можно потерять перспективу «возможного просвета» в будущих взаимоотношениях. В случае дифференцированных ответов на амбивалентные сигналы Москвы можно утратить внутреннюю согласованность политики западных стран, являющуюся основой для решительных действий в отношении России.

Список литературы

Dickow M. Das EurasiaNet: Oder wie das Internet zerbrach // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Aussenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 47–51.

Fischer S., Klein M. Einleitung: Denkbare Überraschungen in der russischen Außenpolitik // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Aussenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 5–14.

Fischer S., Klein M. Russland nach den Duma-Wahlen: Reformorientierte Regierung und nationalistische Außenpolitik // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 80–84.

Fix L., Kempin R. Rechtsruck in Paris: Der Kreml und die französischen Wahlen // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 15–19.

Meier O. Russlands Rückzug aus der nuklearen Rüstungskontrolle // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 52–56.

Reljić D. Russland stellt Serbien vor die Wahl: Satellit oder Faustpfand // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 27–32.

Sakaki A. Durchbruch im Kurilen-Streit zwischen Japan und Russland // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 33–38.

Schiek S. Konfrontation im «Hinterhof»: Russland greift militärisch in Kasachstan und Tadschikistan ein // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 65–70.

Smolnik F. «Republik Ossetien-Alania»: Zusammenschluss Nord- und Südossetiens in der Russischen Föderation // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 71–79.

Stewart S. Russland lanciert eine facettenreiche Kampagne zur Diskreditierung Deutschlands // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 16–26.

Westfahl K. Das Gazprom-Exportmonopol fällt // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 57–64.

Zamiridat A. Russland löst die USA als Sicherheitspartner des Irak ab // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Außenpolitik nehmen konnte / S. Fischer, M. Klein (Hrsg.). – Berlin: SWP, 2016. – S. 39–46.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Калоева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, зам. главного редактора журнала «Россия и современный мир».

Kaloeva E.B. – candidate of sciences (PhD in History), senior research fellow Department of Europe and America INION RAS, deputy chief editor «Russia and the Contemporary World». (osstik@icloud.com)

Кутырев Георгий Игоревич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Kutyrev G.I. – candidate of sciences (PhD in Political sciences), senior research fellow, the Department of Europe and America INION RAS. (kutyrevgeorge@gmail.com).

Малышев Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Malyshev D.V. – candidate of sciences (PhD in History), research fellow, the Department of Europe and America, INION RAS, associate professor, the Department of regional studies at the Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University. (dimal.68@mail.ru)

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН.

Novikova O.N. – candidate of sciences (PhD in History), head of the Department of Europe and America INION RAS. (inionnovikova@gmail.com)

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Trunov Ph. O. – candidate of sciences (PhD in Political sciences), research fellow, the Department of West Europe and America, INION RAS; lecturer, the Department of International Security, Lomonosov Moscow State University. (1 trunov@mail.ru)

Цуркан Анна Анатольевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН.

Zurkan A.A. – candidate of sciences (PhD in Political sciences), research fellow, Institute for U.S. and Canadian Studies RAS. (sirnik@msn.com)

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Tchernega V.N. – doctor of sciences (Sc.D. in Juridical sciences), Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, leading researcher the Department of Europe and America, INION RAS. (vn.tchernega@gmail.com)

Шаншиева Лариса Николаевна – кандидат философских наук, зав. сектором Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Shanshieva L.N. – candidate of sciences (PhD in Philosophy), section head, the Department of East Europe, INION RAS. (shlara@rambler.ru)

**ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ =
EUROPEAN SECURITY CHALLENGES**

**Сборник научных трудов
Выпуск 2**

Редакторы-составители выпуска –
Г.И. Кутырев, Ф.О. Трунов

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел Европы и Америки
E-mail: ape@inion.ru

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/II – 2017 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ.л. 13,0 Уч.-изд.л. 10,5
Тираж 450 экз. Заказ № 192

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9